

EXPEDITE

nodey M 8/10

OPP

INFORMATION REQUEST FORM - 100-10000-10000-10000

CENTRAL INTELLIGENCE AGENCY

50X1-HUM

This material contains information affecting the National Defense of the United States within the meaning of the Espionage Laws. Title 18, U.S.C. Secs. 793 and 794, the transmission or revelation of which in any manner to an unauthorized person is prohibited by law.

S-E-C-R-E-T
NOFORN

7 1959

COUNTRY USSR

REPORT

SUBJECT Soviet Military Publication,
Voyennaya Mysl

DATE DISTR. 9 August 1961

NO. PAGES 2

REFERENCES

DATE OF
INFO.

PLACE &
DATE ACQ

50X1-HUM

TENTATIVE

Soviet military publication Voyennaya Mysl (Military Thought)
for July 1959. The following is a translation of the table of contents
of this publication:

Author

Maj. Gen. M. Smirnov, Col. I. Baz,
Col. S. Kczlov, Col. P. Sidorov

Title

Concerning the Question of the
Character of Soviet Military
Science - Its Theme and Content

Col. V. Romanov, Col. M. Usenkov

The Problem of the Factors of Victory
in Present-day Military Science

Eng. Lt. Gen. A. Ponomarev

The Airplane and Missile as Means of
Combat

Col. S. Begunov, Col. I. Zheltikov

Concerning the Question of the
Classification of Missiles

Col. M. Altgovsen

Military-Historical Section

The Forcing of the Vistula by the
Eighth Guards and Sixty-Ninth Armies

Col. B. Khabarov

About Foreign Armies

Several Questions on the Direction of
Troops in Offensive Operations

Maj. Gen. M. Cherednichenko

Critique and Bibliography

World War II, 1939-1945

5
4
3
2
1

S-E-C-R-E-T
NOFORN

STATE	X	ARMY	X	Navy	X	AIR	X	SPC	X	GEN	X	INT	X	PSY	X
State Washington distribution indicated															

50X1-HUM

Page Denied

Только для генералов, адмиралов и офицеров
Советской Армии и Военно-Морского Флота 50X1-HUM

ВОЕННАЯ МЫСЛЬ

7

1 9 5 9

За нашу Советскую Родину!

50X1-HUM

ВОЕННАЯ МЫСЛЬ

ОРГАН
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
СОЮЗА ССР

ГОД ИЗДАНИЯ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ

7

ИЮЛЬ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1969

50X1-HUM

К вопросу о характере советской военной науки, ее предмете и содержании

Генерал-майор М. СМИРНОВ, полковник И. БАЗЬ,
полковник С. КОЗЛОВ, полковник П. СИДОРОВ

ПОКА существует угроза империалистической агрессии, Советское государство вынуждено укреплять и совершенствовать свои Вооруженные Силы — Армию и Флот, стоящие на страже социалистических завоеваний и мирного труда советского народа.

XXI съезд поставил перед советской наукой новые грандиозные задачи, определил направления ее развития и совершенствования. Указания съезда о дальнейшем развитии советской науки, о смелом, творческом исследовании вопросов, выдвигаемых жизнью, как и другие указания съезда по вопросам науки, безусловно, имеют ближайшее отношение к советской военной науке.

Уровень развития военной науки всегда имел огромное значение в достижении победы над врагом. Советские Вооруженные Силы одержали победу над вооруженными силами иностранных интервентов и внутренней контрреволюции в гражданской войне и над армиями стран фашистского блока во второй мировой войне, в частности, потому, что советская военная наука превзошла военную науку наших врагов.

Послевоенный период, как известно, характеризуется огромным скачком в развитии техники, величайшими достижениями в области физико-математических, химических, технических и других наук. Успехи ядерной физики обеспечили решение проблем использования атомной энергии как для мирных, так и для военных целей. Эти достижения знаменуют собой начало еще более значительных успехов в развитии производства, техники, науки.

Достижения науки и техники оказывают как опосредованное, так и непосредственное влияние на развитие военной науки. Именно выдающиеся успехи советской науки и техники, достигнутые советским народом на базе построенного в нашей стране социалистического общества, позволили оснастить Советские Вооруженные Силы первоклассной боевой техникой.

За последнее время советские ученые, инженеры, техники и рабочие дали нашим Вооруженным Силам различные боевые ракеты, к числу которых относятся межконтинентальные баллистические ракеты. Советские Вооруженные Силы получили, в частности, целую серию ракет тактического назначения. «Наши Вооруженные Силы располагают великолепной боевой реактивной техникой, способной поражать как на полях сражений, так и в любой точке земного шара. Если война нам будет наизисана, то мы считаем, что именно реактивное оружие является ору-

¹ Статья печатается в порядке обсуждения.

4 М. СМИРНОВ, И. ЕЛЗЬ, С. КОЗЛОВ, П. СИДОРОВ

жнем, наиболее отвечающим современным боевым требованиям, позволяющим эффективно решать стратегические, оперативные и тактические задачи на суше, в воздухе и на море»¹.

Принятие на вооружение ядерного оружия и развитие ракетной техники, полная моторизация и механизация войск, усовершенствование старых средств борьбы, создание непосредственных материальных предпосылок для перехода количественных изменений в военном деле в качественные, для нового скачка в развитии военной науки, который совершается на наших глазах.

Современная военная наука находится на таком этапе своего развития, когда до сих пор применявшиеся способы и формы вооруженной борьбы, разработанные на опыте предыдущих, и особенно двух последних мировых войн, вследствие перевооружения армии, авиации и флота качественно новым оружием, претерпевают весьма существенные изменения и перестраиваются в соответствии с современными требованиями ведения войны. Наряду с изменениями прежних начинают зарождаться и новые способы и формы вооруженной борьбы.

Одним из наиболее важных факторов, определяющих коренные изменения в области военного дела, стало быть и военной науки, наряду с новой реактивной техникой, автоматикой, электроникой, телемеханикой, радиотехникой вообще и т. д., является ядерное оружие. Возможности этого оружия поразительно огромны. По подсчетам иностранных военных специалистов, взрыв одной водородной бомбы, эквивалентной нескольким миллионам тонн тринитротолуола, по своей мощи равен бомбовому залпу всех бомбардировщиков второй мировой войны. Залп одного дивизиона атомной артиллерии по своей мощи равен залпу 25 проц. всей артиллерии США, принимавшей участие во второй мировой войне. Такая высокая мощность ядерного оружия является невиданной в истории войн и способна в короткие сроки причинить огромнейшие массовые разрушения и уничтожения как непосредственно на театрах военных действий, так и в глубоком тылу ведущих сторон. В связи с этим возможности стратегии в современной войне во много раз повышаются.

Основностью развития атомного и термоядерного оружия является в настоящее время то обстоятельство, что его стремятся теперь принять на вооружение все виды вооруженных сил и все роды войск и применять не только как оружие стратегического, но и как оружие оперативного и тактического значения, разукрупняя его тротиловый эквивалент до сотен, десятков и даже до одной — двух тысяч тонн, что позволяет широко использовать это оружие непосредственно в бою и операции. Такие мощные разрушительные средства, как ядерное оружие, в тактических и оперативных масштабах гигантски увеличивают боевые возможности войск и в значительной мере меняют тактику и оперативное искусство.

Рост подвижности войск, являющийся результатом их полной моторизации и механизации, а также увеличение силы их ударов, связанное с прогрессом вооружения, необычайно повысили значение маневра.

Наряду с новыми видами оружия продолжается бурное развитие и совершенствование прежних технических средств борьбы, успешно применявшихся двух прошедших мировых войнах. Это, так называемое, обычное вооружение настолько изменилось даже по сравнению со второй мировой войной, что в многих отношениях, по существу, может считаться новым оружием.

Среди «старых» технических средств борьбы выдающееся место занимает танки. Их вооружение и подвижность теперь значительно уве-

¹ Р. Я. Малиновский. Выступление на XXI съезде КПСС. Внеконференция XXI съезда КПСС (Стенографический отчет), часть II, Госполитиздат, 1959, стр. 126.

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ НАУКИ

50X1-HUM

личились. Современные танки по сравнению с другими средствами борьбы наиболее приспособлены для действий в условиях атомной войны, что еще более повышает их роль и значение в бою и операции. Вместе с тем значительно улучшились средства противотанковой обороны.

Большой прогресс наблюдается и в развитии и совершенствовании артиллерии. Развитие реактивной артиллерии, серийное производство ракет различной дальности особенно резко увеличивают ее боевые возможности.

Иной, гораздо более могучей силой, стала современная авиация. Ее огромные сверхзвуковые скорости, увеличение дальности полета, высокий потолок и большая грузоподъемность позволяют ей теперь решать на войне еще более значительные задачи тактического, оперативного и стратегического значения.

Во всех крупных странах мира в послевоенный период шло также непрерывное развитие и совершенствование военно-морских сил. Их боевые возможности ныне значительно увеличились и расширились.

Непрерывно растет и совершенствуется противовоздушная оборона. Ее система включает многообразные силы и средства и охватывает ныне огромнейшее пространство.

В тесной связи со всем сказанным выше значительные изменения претерпела организация вооруженных сил. В послевоенный период она все время улучшалась. Современные войковые части, общевойсковые соединения и оперативные объединения стали гораздо более подвижными и обладают огромной огневой, ударной силой.

Все эти и другие изменения оказали большое влияние на развитие и совершенствование всех частей и разделов, всех сторон и вопросов военного дела. В послевоенный период на полях сражений так называемых «локальных» или «малых» войн, на тактических занятиях с войсками, командно-штабных учениях и маневрах постепенно зарождаются новая тактика и новое оперативное искусство, соответствующие требованиям современной войны.

В силу всего сказанного, ни у кого не вызывает сомнений необходимость развития, пересмотра, уточнения, дальнейшего исследования многих вопросов военной науки, к числу которых, в частности, относится и интересующий нас сейчас вопрос о характере, предмете и содержании советской военной науки.

Изчерпывающе изложить этот вопрос в одной журнальной статье невозможно. В данной статье имеется в виду осветить его лишь в самых общих чертах. Настоящая статья, естественно, не претендует ни на полноту изложения данной проблемы, ни на безоговорочность суждений, и ее следует рассматривать всего лишь как материал для творческих дискуссий.

Марксизм-ленинизм всегда рассматривал войну как политическое явление. Ленин неоднократно восставал против вульгарного, буржуазного, антимарксистского понимания войны, как явления, обособленного от политики.

В лекции «Война и революция» от 14(27) мая 1917 года Ленин говорил, что еще Клаузевиц «80 лет тому назад боролся против обычайского и невежественного предрассудка, будто бы войну можно выделить из политики соответствующими правительствами, соответственными классами, будто бы войну когда-нибудь можно рассматривать как простое нападение, нарушающее мир, и затем восстановление этого нарушенного мира. Подались и помирялись! Это грубый и невежественный взгляд, десяти лет тому назад опровергнутый и опровергаемый всяkim, сколько-

нибудь внимательным, анализом любой исторической эпохи войны» (Соч., т. 24, стр. 363—364).

Ленин писал: «Класс, который господствует, определяет политику и в войне. Война насквозь есть политика, продолжение осуществления этими классами тех же целей другим путем» (Соч., т. 25, стр. 19).

Только исконе и глубокое понимание подлинного положения войны по отношению к такой неизмеримо более широкой области общественной жизни, какой является сфера политических взаимоотношений между классами, государствами, нациями, дает возможность раскрыть и понять сущность войны.

Ленин говорил: «Разве войну можно объяснять, не ставя ее в связь с предшествовавшей политикой данного государства, данной системы государства, данных классов?... Мы говорим: если вы не изучили политики обеих групп воюющих держав в течение десятилетий, — чтобы не было случайностей, чтобы не выхватывали отдельных примеров, — если вы не показали связи этой войны с предшествовавшей политикой, вы ничего в этой войне не поняли!» (Соч., т. 24, стр. 366—367).

Развивая этот вопрос, Ленин писал: «В применении к войнам, основное положение диалектики... состоит в том, что «война есть просто продолжение политики другой страны» (именно национальными) «средствами»... И именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, каждую войну рассматривавших как продолжение политики данных, заинтересованных держав — и разных классов внутри них — в данное время» (Соч., т. 21, стр. 194—195).

При этом Ленин неоднократно отмечал, что речь идет не только о внешней, но и внутренней политике, обе внутренняя и внутренняя политика — лишь различные стороны одной и той же политики. Ленин указывал, что «выделить «внешнюю политику» из политики вообще или тем более противополагать «внешнюю политику» внутренней есть в корне не правильная, не марксистская, не научная мысль» (Соч., т. 23, стр. 31).

Какова внутренняя политика государства, такова, в своей сущности, и его внешняя политика. Это положение имеет большое значение для познания сущности войны. Историк, писал В. И. Ленин, давным-давно сделано наблюдение, что «характер войны и ее успех больше всего зависит от внутреннего порядка той страны, которая вступает в войну, что война есть отражение той внутренней политики, которую данная страна перед войной ведет. Все это неизбежно отражается на ведении войны» (Соч., т. 30, стр. 131).

Кроме того, Ленин указывал также, что «война есть не только продолжение политики, она есть суммирование политики, обучение политиче...» (там же, стр. 202).

Очень большое значение имеет также следующее положение Ленина: «Война есть продолжение политики. И политика тоже «продолжается» во время войны!» (Соч., т. 23, стр. 117).

Ленин с исключительной глубиной и четкостью показал главное в характере современной войны и ее ведении, с необычайной силой обосновав знаменитое положение, что войны ведутся теперь народами. Это положение Ленин изложил еще в 1905 году в известной статье «Падение Порт-Артура». Проверив и конкретизировав затем эту важнейшую формулу на опыте первой мировой войны и войны против белогвардейцев и иностранных интервентов в России, Ленин обогатил военную мысль своими идеями и положениями в области наиболее общих и основных законов победы в современной войне, обнаруживающим зависимость ведения вооруженной борьбы от политического характера войны и с исключительной ясностью вскрывающих решающую роль народных масс в ходе и исходе этой борьбы.

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ СОВЕТСКОЙ ВООРУЖЕННОЙ НАУКИ

50X1-HUM

Подготовка и ведение войны в современных условиях носит несравненно более сложный и разносторонний характер, чем ранее.

Как показывает практика современных капиталистических государств, помимо непосредственно военной подготовки всякая война готовится ныне прежде всего в политическом отношении. Готовясь к войне, империалистическое государство стремится создать наиболее благоприятную политическую обстановку внутри страны в целях успешного ведения вооруженной борьбы. Правящие партии, правительства государств стремятся завоевать доверие народа, получить его поддержку, обеспечить политическое единство в стране, так как без этих условий победа в современной войне невозможна. Другое дело, что эти цели в условиях империалистического государства, ведущего несправедливую, агрессивную войну, недостижимы.

Война подготавливается в политическом отношении и средствами дипломатии, для чего государства стремятся упрочнить свои внешне-политические позиции, заключить союзы с теми или иными державами, изолировать и ослабить позиции враждебных им стран и их группировок. Дипломатическая деятельность государств не прекращается и в военное время, оказывая большое влияние на ход войны и в то же время испытывая на себе обратные влияния военных событий.

Война готовится и ведется также в идеологическом и морально-моральных отношениях, для чего все средства и возможности идеологического воздействия на массы (печать, радио, кино, литература, устная пропаганда т. д.) в капиталистических странах направляются на усвоение народом такой идеологии и создание такого морального духа в массах, при которых они активно поддерживали бы государство в войне, стойко противостояли пропаганде противника и стремились к решительной победе над ним.

Одновременно с этим осуществляется идеологическая обработка населения и солдатских масс противника с целью подрыва их морального духа, воли к борьбе.

Война готовится и ведется также в экономическом отношении. Экономика является той материальной базой, которая питает войну. От уровня ее развития, характера ее организации и умелого использования всех ее ресурсов зависит победоносное завершение современной войны. Чтобы победить, каждая воюющая сторона стремится нанести экономике врага наибольший ущерб. Еще в мирное время капиталистические государства применяют, например, такие средства, как эмбарго, деминг, «валютная война» и т. д. С началом же военных действий и в ходе всей войны по экономическим объектам врага, кроме того, наносятся удары военными силами и средствами.

Для современных войн характерны непрерывно ведущееся военно-техническое соревнование, борьба за военно-техническое превосходство одной борющейся стороны над другой, для чего, как об этом можно судить по иностранной печати, широким фронтом ведутся исследования в различных отраслях науки и техники с целью совершенствования старых и разработки новых технических средств вооруженной борьбы. Каждое воюющее государство принимает все меры для достижения всестороннего и прочного научно-технического превосходства над противником.

Непосредственно же война как вооруженная борьба осуществляется собственно военными силами и средствами, т. е. вооруженными силами, на суше, на море и в воздухе как в непосредственном соприкосновении с врагом, так и путем нападения на его глубокий тыл или отражения такого нападения со стороны противника. И именно это, т. е. вооружен-

ная борьба с врагом на фронте и в тылу, является специфическим и основным конкретным содержанием войны, в отличие от других форм политической борьбы.

Из сказанного видно, насколько велик круг проблем и вопросов, касающихся подготовки и ведения войны в современных условиях. Все они тесно связаны не только с чисто военной стороной дела, но и с экономикой, политикой (в частности с дипломатией), моральными и идеологическими величинами, научно-техническими достижениями как в своей стране, так и за рубежом.

Современные войны ведутся, таким образом, не одними только вооруженными силами страны. Времена «династических» войн отошли в далекое прошлое. Ныне в войне принимает участие все население воюющих государств и все материальные и духовные ресурсы и силы народов. Поэтому не одна только военная наука занимается исследованием и разработкой вопросов, связанных с войной. Войну с разных точек зрения или сторон изучает целый ряд наук: политических, философских, экономических, исторических, технических и др. и собственно военных.

И это вполне понятно, ибо исследование общественно-исторических явлений, к числу которых относится и война, ввиду их сложности, взаимодействия и взаимопреплетения не ограничивается строго рамками только одной какой-либо науки, а осуществляется целым комплексом различных наук.

Происхождение войны, ее классово-политическую природу и другие вопросы, связанные с войной как общественным явлением на определенной ступени развития общественной жизни, исследует марксизм-ленинизм и, в частности, исторический материализм, составной частью которого является учение о войне как общественно-историческом явлении.

Вопросы экономики, связанные с подготовкой и ведением войны страной, исследуются различными отраслями экономической науки. Работа научно-технических проблем, связанных с современной войной, ведется многими специальными, техническими науками.

Исторические и географические данные, необходимые для подготовки и ведения войны, военная наука черпает из исторической и географической наук.

Военная наука, таким образом, тесно связана с целым рядом других наук. Основываясь на марксизме-ленинизме, который составляет ее идеино-теоретический фундамент, советская военная наука не подменяет собой этих других наук. Она многое берет от них в готовом виде, учитывает и использует данные и выводы всех наук при разработке вопросов, относящихся к подготовке и ведению войны, как вооруженной борьбы. Сама же военная наука непосредственно занимается изучением и исследованием войны со своей специфической, военной точки зрения.

В связи с этим нам хотелось бы разобрать некоторые взгляды на предмет и содержание военной науки.

Известно, что военная наука нередко понимается узко, как только военное искусство. Такая точка зрения отражает стремление отгородиться от конкретной действительности, характеризующейся все более возрастающим влиянием на ход и исход войн экономических и морально-политических факторов. Узкое понимание предмета военной науки есть не что иное, как попытка уйти в так называемое «чистое военное искусство», которого, строго говоря, не было и вообще не может быть в природе.

Исторический опыт показывает, что военная наука всегда включала в свой состав, помимо военного искусства, целый ряд других наук, например артиллерию, как науку об оружии, и военно-инженерные науки.

С самого начала своего существования военная наука изучала боевой 50Х1-HUM опыт прошедших войн и извлекала из него необходимые выводы и по-лучения, т. е. занималась вопросами военной истории. Кроме того, в военную науку всегда так или иначе, в том или ином виде входили вопросы организации, обучения и воспитания войск, т. е. военная администрация и военная педагогика. Современная же военная наука охватывает со-бою также вопросы, связанные с научным учетом и использованием эко-номических и морально-политических возможностей для обеспечения успешного ведения вооруженной борьбы, а также многие другие во-просы.

Таким образом, узкое понимание военной науки, т. е. понимание ее как одного лишь военного искусства, опровергается всей историей раз-вития военной науки и тем более ни в какой мере не соответствует до-стигнутому уровню развития военного дела и требованиям современной воины.

Такое понимание носит односторонний характер и не учитывает огромную сложность характера подготовки и ведения современной войны. Оно неприемлемо потому, что отрывает вооруженную борьбу от политики и экономики, не отражает того положения, что ныне, особенно в условиях борьбы двух мировых систем — социалистической и капиталистической, — совершенно противоположных по своим экономическим и политическим основам, наряду с чисто военными средствами, т. е. вооруженной борьбой, огромное значение в ходе ее приобретают все другие виды борьбы: эко-номическая, политическая, идеологическая, моральная, научно-техниче-ская. Советская военная наука не может поэтому замыкаться в рамках военного искусства, так как это неизбежно привело бы ее к отрыву от реальной действительности.

Военный науки нередко является расширительное толкование. При этом часто в ее предмет включают решительно все вопросы, фактически от-носящиеся к социально-экономическому содержанию войны, ее полити-ческой сущности. Например, некоторые товарищи считают, что марксистско-ленинское учение о войне и армии есть лишь составная часть военной науки. Такое слишком расширительное толкование военной науки, по нашему мнению, также ошибочно. Марксистско-ленинское учение о войне и армии есть часть марксизма-ленинизма, на который, как на свою идеально-теоретическую основу, опирается и из которого исходит советская военная наука. Поэтому его нельзя включать в военную науку в каче-стве составной части предмета последней. Расширительное понимание советской военной науки, не редко высказываемое даже в нашей печати, на наш взгляд, также неприемлемо, как и узкое ее понимание.

Существуют и другие ошибочные представления о предмете советской военной науки. Иногда высказывается точка зрения, согласно которой единой военной науки вообще не существует, что военная наука это по-нятие условное, собирательное. При этом военную науку понимают как простую, механическую смесь отдельных, не связанных между собою наук, имеющих отношение к военному делу. Такое понимание нам ка-жется также научно необоснованным, несостоятельным.

Современная военная наука, разумеется, есть сложная наука. Она состоит из ряда частных военных наук, изучающих ту или иную от-расль, сторону или аспект военного дела. Но при этом военная наука не становится условным или собирательным понятием и не является про-стым конгломератом ряда отдельных отраслей военных знаний. Она представляет собой стройную, единую, целостную систему различных, тесно связанных между собой и взаимно дополняющих друг друга от-раслей военных знаний, базирующихся на учении марксизма-ленинизма.

Буржуазная военная теория нередко считает военную науку творчеством того или иного гениального полководца. В противовес этому марксизм-ленинизм утверждает, что военная наука не является продуктом лишь разума тех или иных полководцев или военных теоретиков, хотя бы даже гениальных, не рождается из их головы, как Минера из головы Юпитера. Она не является выражением «чистой мысли», как это нередко пытаются представить буржуазные военные идеологии. Военная наука — это, в конечном счете, результат и теоретическое обобщение практики военного творчества масс. Она вытекает из потребностей классов, государства на определенных этапах развития общества.

Роль исторических личностей в формировании развития военной науки совершенно отчетливо очерчена марксизмом-ленинизмом. «Не «свободное творчество ума» гениальных полководцев действовало здесь революционизирующим образом, а изобретение лучшего оружия и изменения живого солдатского материала; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивалось тем, что они приспособляли способ борьбы новому оружию к новым бойцам» (Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. Воениздат, 1957. стр. 11). Именно из этого положения исходит советская военная наука, определяя роль полководцев в современных условиях.

Характеризуя советскую военную науку, необходимо особо подчеркнуть, что она насквозь, от начала и до конца, пронизана идеями марксизма-ленинизма. Аполитичной военной науки вообще не существует. Каждая военная наука — и буржуазная, и советская — служит целям защиты определенного социального и государственного строя, является средством борьбы в руках того или иного государства, класса, нации. Советская военная наука исходит из уже приводившихся выше указаний Ленина о том, что «война есть часть политики», что «война — это насквозь политика». И сама советская военная наука, как и буржуазная военная наука, насквозь пропитана политикой и служит определенной политике. Но какова политика? — в этом заключается суть дела.

Советская военная наука является партийной наукой. Она служит интересам нашего социалистического государства, интересам его защиты от посягательств империалистических агрессоров. Коммунистическая партийность советской военной науки проявляется в ее передовой политической сущности и методологии, ее высочайшей, марксистско-ленинской принципиальности, в непримиримой борьбе за идеальную чистоту нашей военной теории, в критике чуждых ей буржуазных идей, в разоблачении реакционной политической сущности буржуазной военной науки. Советская военная наука разрабатывает все стороны и вопросы военного дела на основе и в соответствии с политикой нашей Коммунистической партии и Советского правительства.

Как и всякая наука, военная наука имеет дело прежде всего с законами. Строгая научность советской военной науки, ее сила и жизненность обусловлены, в первую очередь, марксистско-ленинским пониманием ею проблемы законов, т. е. признанием того, что существуют объективные, не зависящие от сознания и воли людей, законы, определяющие исход вооруженной борьбы.

Исторический опыт показывает, что вооруженная борьба, развитие вооруженных сил, технических средств, способов и форм ведения войны протекают не хаотично, а закономерно, подчинены известному порядку. Агностическое положение Клаузевица о том, что вооруженная борьба не знает законов и более всего похожа на карточную игру, в которой все зависит от случая, не подтверждается практикой, фактами, всей историей войн.

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ НАУКИ

50X1-HUM

Поскольку война есть двусторонний процесс, то одни и те же объективные законы являются действительными для обеих борющихся сторон.

Однако советская военная наука, опираясь на преимущества советского социалистического строя и руководствуясь марксистско-ленинской теорией, обладает гораздо более высокими возможностями для познания закономерностей вооруженной борьбы, для создания строго научной и творческой военной теории, для разработки способов и форм ведения военных действий в соответствии с познанными законами вооруженной борьбы, требованиями современной войны.

Законы, лежащие в основе вооруженной борьбы, отличаются в известном отношении от законов природы. Советская военная наука считает, что объективные законы, обуславливающие успех вооруженной борьбы, не являются в такой же мере стихийными, неумолимыми, как законы, например, астрономии, физики, химии или геологии. Законы вооруженной борьбы проявляются через деятельность людей. Познав эти законы и опираясь на них, можно при известных условиях в большей или меньшей степени, так или иначе, в том или ином отношении ограничить сферу действия одних законов, дать наибольший простор действию других, активно использовать законы в интересах победы над противником.

Решительно отвергая всякого рода субъективистские, волюнтаристские теории, так или иначе отрицающие объективный характер законов ведения победоносной войны, советская военная наука в то же время выступает против фетишизации этих законов. Нашей военной науке чужд фаталистский, пассивно-созерцательный подход к законам, неизбежно обрекающий на отдачу себя в рабство законам, на бездеятельность и выжидание автоматического действия законов.

Марксистско-ленинское мировоззрение вооружает советскую науку подлинно научным пониманием вопроса о роли и соотношении объективных и субъективных факторов в вооруженной борьбе. Этот вопрос был камнем преткновения в методологии буржуазной военной науки. До конца правильного его решения дается лишь марксистско-ленинской теорией, которой руководствуется советская военная наука.

Советская военная наука не только не отрицает большой роли субъективных факторов в ходе и исходе боя, операции, кампании и войны в целом, но и всемерно подчеркивает эту роль (разумеется, в рамках диалектико-материалистического понимания вопроса), видя одну из самых важных своих задач именно в том, чтобы на основе познания объективных законов определять и всесторонне разрабатывать способы и формы вооруженной борьбы, применение которых в наибольшей степени должно облегчить, ускорить достижение победы и сделать ее максимально эффективной. Советская военная наука отводит творческой инициативе военачальника, субъективному фактору вообще очень широкое поле деятельности, считая, что организаторские способности военных кадров и их творческое воинское мастерство являются одним из факторов, решавших судьбу военных действий и войны в целом.

В полном согласии с идеями и требованиями методологии диалектического материализма, наша военная наука отвергает вульгарно-материалистическое представление, по которому история творит победы автоматически, как станок чеканит монету. Нет необходимости доказывать, что победа не приходит сама по себе — ее приходится завоевывать в ожесточенной борьбе и что полководец, командир любого ранга — это искусный организатор победы, руководитель масс в бою, а не беспомощный наблюдатель и регистратор «действия объективных законов».

Исходя из этого, мы утверждаем, что советская военная наука не решала бы своих задач, если бы она ограничивалась изучением

лишь законов вооруженной борьбы. Не менее важно, чтобы военная наука на базе познаний ею объективных законов глубоко исследовала и творчески разрабатывала способы и формы вооруженной борьбы, основы строительства вооруженных сил, их организацию, обучение и воспитание.

Таким образом, советская военная наука есть единая система знаний о подготовке и ведении вооруженной борьбы в интересах защиты Советского Союза от империалистической агрессии. Она на основе познаний ею объективных законов вооруженной борьбы исследует проблемы, связанные с учетом экономических и морально-политических возможностей как своих, так и противника, изучает вооружение и технику, разрабатывает способы и формы вооруженной борьбы, основы строительства, обучения и воспитания вооруженных сил, также вопросы их всестороннего обеспечения на войне.

Советская военная наука является не догмой, а руководством к действию. Ее положений нельзя держаться «како слепой стены». Ими необходимо пользоваться умело, сообразуясь с условиями конкретно-исторической обстановки. Выводы военной науки не отменяют, а предполагают необходимость в вооруженной борьбе творчества и инициативы со стороны всего личного состава Советских Вооруженных Сил, начиная с маршала и кончая солдатом.

* * *

Развиваясь самостоятельным творческим путем, советская военная наука вплоть в себя в обобщенном виде весь предыдущий военный опыт, накопленный человечеством в прошедших войнах и революциях, в особенности опыт гражданской и двух мировых войн.

Разумеется, военные знания и опыт прошлого советская военная наука усвоила не механически, а в результате критической переработки, взяя все передовое и прогрессивное, что не утратило своего значения и г новых условиях. Она развивалась также с учетом всех достижений науки и техники как в своей стране, так и за рубежом. Ведущую роль в ее становлении и развитии играл и играет военный опыт трудящихся масс Советской страны, руководимых Коммунистической партией.

Однако советская военная наука никогда не ограничивалась только опытом прошедших войн. Известно, что такой опыт в значительной своей части ныне быстро устаревает и не во всем пригоден для будущей войны. Советская военная наука берет из опыта прошлого только то, что еще не устарело, что может оказаться пригодным в будущей войне. Руководствуясь марксистско-ленинской теорией, она стремится научно предвидеть характер будущей войны, учить все те изменения, которые вытекают из политического и экономического развития, из прогресса вооружения и военной техники вообще.

Важнейшим источником, откуда советская военная наука непрерывно черпала и черпает свои силы, является марксизм-ленинизм. Труды классиков марксизма — Маркса, Энгельса, Ленина и их высказывания по военным вопросам дали отправные идеино-теоретические и методологические положения для советской военной науки и составили ее идеино-теоретический фундамент, ее методологию.

Особая роль в становлении и развитии советской военной науки при надлежит В. И. Ленину, значение которого в военной области в связи с культом личности Сталина долгое время незаслуженно принижалось.

Ленин был не только выдающимся военным организатором и руководителем, но и величайшим мыслителем и теоретиком по фундаментальным вопросам войны, вооруженных сил и военной науки.

Ленин развил применительно к новым историческим условиям все части, стороны и вопросы марксизма, в том числе и марксистское учение о войне и вооруженных силах. Маркс и Энгельс впервые в истории дали строго научное понимание войны и армии. Перед Лениным, как продолжателем дела Маркса и Энгельса, стояла задача дальнейшей разработки и конкретизации взглядов марксизма также и в этой области. Ленин выполнил эту задачу как нельзя более полно. И это имело и имеет огромное теоретическое и практическое значение для нашей партии и для советской военной науки. Именно Ленину военная наука обязана марксистской разработкой таких изначальных для нее вопросов, как сущность и особенности современных войн, природа и особенности современных вооруженных сил. Эти вопросы, естественно, всегда занимали умы воинов и военных теоретиков, так как военная наука, военное дело нуждаются прежде всего в правильном и ясном понимании природы и характера войны и вооруженных сил. Военно-теоретическое наследство Ленина содержит в себе обширные и глубокие исследования, связанные с этими вопросами.

Большое место в военно-теоретическом наследии Ленина занимают многочисленные положения и высказывания, связанные с ролью экономики в современной войне. Развивая и обогащая марксистский тезис о зависимости войны от экономики применительно к современным войнам, Ленин дал военной мысли образец глубокого и всестороннего анализа этого вопроса. Ленин придавал экономике огромное значение в достижении победы над врагом и неоднократно указывал на необходимость создания в нашей стране мощной экономической базы, способной обеспечить все нужды народа и укрепление обороноспособности страны. Ленинские указания по этим вопросам также являются руководящими для советской военной науки.

Ленин придавал большое значение военной технике как непосредственной материальной основе боевой мощи армии, непосредственной материальной основе ее военного искусства. В статье «От обороны к наступлению», написанной еще в 1905 году, Ленин указал, что «не надо забывать новейших шагов военной техники» (Соч., т. 9, стр. 258). А в статье «Уроки московского восстания» Ленин, воспроизводя положение Энгельса, дал знаменитую формулу, определяющую тесную связь военного искусства с военной техникой: «в военная тактика зависит от уровня в военной технике».

Нельзя не подчеркнуть здесь в высшей степени актуального значения этой ленинской формулы и в настоящие времена, когда развитие военной техники и качественно и количественно достигло небывалого уровня. Об этой формуле Ленина, как и о других его положениях, относящихся к ведению войны, с полным правом можно сказать, что она приобрела еще большее значение в наши дни, когда вооруженные силы полностью моторизованы и обладают ядерным оружием и другими средствами массового поражения, что открывает перед военным искусством огромные возможности для разработки новых способов и форм ведения военных действий и войны в целом.

Не меньшее место в военно-теоретическом наследстве Ленина занимают положения и указания о моральном факторе в вооруженной борьбе. Отправляясь от высказываний Маркса — Энгельса, Ленин развил этот вопрос, подверг его глубокому и всестороннему анализу как на историческом материале, так и на опыте современных ему войн. Он вооружил военную науку замечательными образцами диалектико-материалистического подхода к проблемам морального фактора в вооруженной борьбе.

50X1-HUM

Выражая значение морального фактора в наиболее кратком виде, Ленин сформулировал закон, согласно которому во всякой войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь.

Военно-теоретическое наследство Ленина не ограничивается учением о войне и армии и общими идеино-теоретическими и методологическими основами военной науки. Оно включает в себя также многочисленные высказывания Ленина по вопросам, непосредственно связанным с собственно военным искусством. Бессспорно, что Ленин оказал могучее воздействие на развитие наиболее общих идей и принципов, лежащих в основе советского военного искусства, современного передового военного искусства вообще.

Прежде всего надо подчеркнуть, что вслед за Марксом и Энгельсом Ленин, как известно, также рассматривал войну как искусство, которое подчинено особым, специфическим законам и без которого нельзя реализовать объективные возможности военной победы, несъя превратить возможность победы в действительность. Ленинское понимание ведения войны как искусства является руководящей идеей нашей военной мысли.

Основная идея, которую Ленин неизменно развивал в связи с вопросами военного искусства — идея активности, решительности, смелости и наступательности в вооруженной борьбе. Следует подчеркнуть, что эта идея приобрела особенно важное значение в современных условиях ведения войны. Ленинские высказывания об активности, решительности, смелости и боевом наступательном духе при ведении вооруженной борьбы лежат в основе советского военного искусства, в основе обучения и воспитания всего личного состава наших Вооруженных Сил, в основе всей советской военной науки.

Это вовсе не значит, что Ленин отрицал возможность и необходимость использования при определенных условиях обороны. Но когда существуют все условия и предпосылки для наступления, тогда наступление обязательно, и преступно поведение той армии, действия которой при таких условиях носят пассивный, оборонительный характер. Если есть условия для наступления, то оно должно вестись активно, решительно, смело.

Способы и формы ведения военных действий, учит Ленин, могут быть самыми разнообразными. Выбор того или иного способа, той или иной формы определяется данными обстановки, конкретными условиями. Шаблон и догматизм нетерпимы в военном искусстве. Руководствуясь этим ленинским положением, советская военная наука не ищет рецептов победы в использовании только одного какого-либо средства, хотя бы самого выдающегося и эффективного. В своих выводах и построениях она опирается на умелое использование всех имеющихся сил и средств, на гармоничное сочетание всех видов вооруженных сил и родов войск и всех способов и форм вооруженной борьбы в соответствии с условиями конкретной обстановки.

В частности, необходимо не только знать, но и применять при известных условиях способы, формы и приемы ведения военных действий, употребляемые противником. Всякий согласится, говорил Ленин в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», что неразумно или даже преступно поведение той армии, которая не готовится овладеть всеми видами оружия, всеми средствами и приемами борьбы, которые есть или могут быть у неприятеля. Знать своего противника необходимо, чтобы избежать как недооценки, так и переоценки его сил и средств. Об этом Ленин говорил неоднократно, и в этом состоит одно из важнейших указаний, которое мы извлекаем из ленинского военно-теоретического наследства.

В трудах В. И. Ленина заключены такие основополагающие высказывания по проблемам военно-исторической науки. В частности, Ленин дал глубокое освещение и многосторонний анализ вопросов, относящихся к русско-японской войне, первой мировой войне, гражданской войне и иностранной военной интервенции в России.

Трудно осmetить в кратких словах значение Ленина для военной науки. Но уже из того, что было сказано выше, видно, что Ленин был не только гениальным организатором и руководителем вооруженной борьбы социалистического государства, но и крупнейшим мыслителем по военным вопросам. Замечательное наследие по вопросам войны, армии и военной науки, оставленное нам Лениным, сохраняет свое значение и в современных условиях и является той сокровищницей, откуда советская военная наука черпала и продолжает черпать великие, мудрые идеи и указания.

Величайшим источником, откуда советская военная наука берет руководящие идеи и основополагающие выводы и обобщения для своего развития и совершенствования, является также вся теоретическая и практическая деятельность Коммунистической партии Советского Союза, решения ее съездов и конференций, постановления и директивы ее Центрального Комитета.

Всемирно-историческая победа Советского Союза в Великой Отечественной войне — это победа советского, социалистического общественного и государственного строя, обладающего неоспоримым превосходством над капиталистическим строем, победа советского народа и его руководителя — нашей Коммунистической партии. В то же время — это победа Советских Вооруженных Сил, созданных, выращенных и воспитанных Коммунистической партией во главе с Лениным еще в период гражданской войны и иностранной военной интервенции и затем, после смерти Ленина, всесторонне подготовленных партией на основе заветов и указаний Ленина к большой войне против сил империалистической агрессии, против сильного противника в современных условиях. Это — победа выращенных и воспитанных партией в ленинском духе наших полководцев, овладевших трудным и сложным искусством вождения войск в войне наших дней. Это — победа тяжелого ратного труда, самоотверженности и героизма всей массы наших офицеров и младших командиров, миллионов солдат и матросов, воспитанных партией в духе верности ленинскому знамени, преданности своему социалистическому Отечеству.

Советский Союз победил в Великой Отечественной войне и спас человечество от угрозы порабощения его гитлеровским фашизмом потому, что наша Коммунистическая партия во всем следовала заветам указаний Ленина и сумела в ходе войны поставить Советские Вооруженные Силы на такую высоту, которая отвешала суровым требованиям длительного и тяжелой вооруженной борьбы против серьезного и опасного противника, применявшего в массовом масштабе все новейшие средства военной техники того времени.

Коммунистическая партия является вдохновляющей, организующей и направляющей силой нашего Советского государства и его вооруженных сил и в послевоенное время. Под знаменем нашей партии и благодаря ее неустанным заботам крепнут и развиваются Советское государство, Советские Вооруженные Силы и наша военная наука.

Необходимо подчеркнуть, что огромная роль в развитии советской военной науки принадлежит Советским Вооруженным Силам. Советские войска, побеждавшие на базе советской военной науки, проверяли ее положения на практике и обогащали ее содержание в огне гражданской и второй мировой войн. Нельзя при этом не отметить большого вклада,

который внесли в советскую военную науку наши военно-учебные заведения и особенно профессорско-преподавательский состав военных академий.

Многое сделали для развития советской военной науки М. В. Фрунзе, И. В. Сталин и другие выдающиеся деятели Коммунистической партии и Советского государства. Обогащали и обогащаются советскую военную науку офицеры, генералы, адмиралы и маршалы Советской Армии и Флота свою деятельностью в войнах и в практике учебы в мирное время.

* * *

Характерные черты и особенности советской военной науки обусловлены прежде всего ее социально-классовой природой, политической сущностью, как военной науки передового, социалистического государства. Служба справедливой, прогрессивной политики Коммунистической партии, лежащей в основе всей деятельности социалистического государства, которое не ведет и по самой своей природе не может вести захватнических, несправедливых войн, советская военная наука в своих положениях и выводах исходит из величайшего морально-политического потенциала нашего государства, из высокого морального духа советского народа и его воинов. Она учитывает также и моральные возможности противника.

Советская военная наука опирается на преимущества плановой социалистической экономики СССР. Она в полной мере учитывает экономические возможности как своей страны, так и стран противника. Изучение и сопоставление экономических потенциалов своей страны и стран противника позволяют ей избегать отрывка от реальных материальных возможностей и ограждают советскую теорию вооруженной борьбы от авантюризма и прожектерства.

Именно это прежде всего и придает советской военной науке передовой, прогрессивный характер. Вооруженные советской военной наукой Советские Вооруженные Силы доказали ее передовой, прогрессивный характер на полях сражений второй мировой войны, разбив сильнейшие в капиталистическом мире гитлеровскую и японскую армии.

Советская военная наука никогда не останавливается на достигнутых результатах и в послевоенное время непрерывно продолжает совершенствоваться в соответствии с требованиями ее метода.

Метод советской военной науки существенным образом отличается от метода военной науки в капиталистических странах. В противоположность буржуазной военной науке, в большинстве случаев следующей тем или иным разновидностям метафизического и идеалистического метода, наша военная наука руководствуется положениями марксистского философского материализма и марксистского диалектического метода.

Исходя из положений марксистского философского материализма о первичности материи и вторичности сознания и о познаваемости мира, наша военная наука отвергает как совершенство чуждые ей разного рода чисто умозрительные схемы и построения в духе идеализма и агиософии.

В полном соответствии с единственным правильным методом познания — марксистским диалектическим методом, советская военная наука рассматривает явления войны и военного дела не изолировано друг от друга, а как единое целое, где все связано между собой и взаимообусловлено.

Она рассматривает военные явления в развитии, как непрерывный процесс движения и изменения, при котором старое отмирает, а новое рождается. Известно, что борьба между старым, отмирающим и новым, рождающимися пронизывает всю историю военной науки, все развитие военного дела.

В области военных явлений весьма рельефно проявляется наряду с другими и такая черта диалектики, как накопление количественных изменений и переход их в качественные. Наша военная мысль признает скачкообразный, революционный переход количественных изменений в качественные, что отличает ее от буржуазной военной науки, чаще всего ограничивающейся вульгарным эволюционизмом.

Советская военная наука в своих исследованиях исходит из того, что борьба противоположностей, присущая всем явлениям, пронизывает собой и явления вооруженной борьбы.

Применение этих и других законов и положений марксистской диалектики дает возможность советской военной науке наиболее глубоко и полно вскрывать закономерности военных явлений и на базе этих закономерностей находить наиболее эффективные способы и формы для обеспечения победы в вооруженной борьбе.

Наша военная наука исходит из признания единства теории и практики. Практика служит основой теории, истинное познание неразрывно связано с практикой, с деятельностью людей. Критерий истины служит общественная практика.

Понимая теорию, как вторичное, производное от практики, как теоретическое обобщение практики, взятой в освобожденном от случайностей виде, марксизм-ленинизм всегда признавал ее важность и значение. Развиваясь на базе практики, теория играет организующую и преобразующую роль. Но только подлинная научная, т. е. правильная, передовая теория обогащает практику и открывает перед ней новые перспективы, которые практика могла бы и не заметить или заметить не сразу.

Что же понимать под практикой в военном деле? Отвечая на этот вопрос, необходимо сказать, что военная наука, в отличие от многих наук, находится в этом отношении в особых условиях, ибо подлинной практикой для нее является лишь война, тогда как большинство остальных наук имеет практику в любое время. Разумеется, маневры и учения войск — тоже практика и, следовательно, важный источник для развития военной науки в мирное время. Однако окончательным критерием истины для военной науки, равно как окончательным мерилом мощи армии и ее боевых качеств, является лишь война, точнее, конечные результаты войны.

На войну войска должны выйти уже подготовленными и обученными на базе определенной военной теории, соответствующей требованиям войны. Чтобы теория не ушла нас в сторону от требований войны, нужно повседневно проверять на практике обучение и воспитания, что предохранит ее от холостяка и отрывка от жизни.

Говоря в связи с этим о так называемом прикладном методе, надо иметь в виду, что он имеет и свои недостатки. Он нередко порождает пренебрежение теорией, «натаскивание», скольжение по поверхности, без глубокого понимания сущности дела. Рациональное решение этого вопроса состоит в правильном сочетании теории с практикой.

Из всего сказанного следует, что материалистическая диалектика составляет методологию советской военной науки. Последняя немыслима и невозможна без нее. Только с позиций методологии диалектического материализма можно вскрыть и правильно понять законы, принципы и правила военной науки, предвидеть пути развития военного дела. Без марксистско-ленинской методологии военного дела не может быть понимания того, в каком направлении развиваются военные явления. А это есть важнейшее условие успешного руководства вооруженной борьбой, плодотворного развития военной науки.

Руководствуясь принципами марксистско-ленинской методологии, советская военная наука при исследовании законов вооруженной борьбы исходит из признания зависимости явлений вооруженной борьбы от общих законов исторического развития.

Хорошо известно основное марксистское положение, сформулированное Энгельсом: «Ничто не зависит от экономических условий, как именно армия и флот... вся организация и боевой метод армий, а вместе с ними победы и поражения, оказываются зависящими от материальных, т. е. экономических условий: от человеческого материала и от оружия, следовательно — от качества и количества населения и от технологии» (Избранные военные произведения. Воениздат, 1957, стр. 11, 15). Это положение исторического материализма для советской военной науки является краеугольным камнем, и в своих исследованиях объективных закономерностей она в полной мере руководствуется им, а примерами, подтверждающими действие этого закона, служат все войны прошлого, все истории развития военного искусства и военной науки в целом.

На базе познаний таким образом законов вооруженной борьбы советская военная наука разрабатывает и формулирует принципы и правила подготовки и ведения военных действий.

Принципы военной науки, и в частности военного искусства, это конкретное выражение законов вооруженной борьбы, облеченные в форму направляющих положений, которыми непосредственно руководствуются вооруженные силы. Стало быть, принципы имеют объективное содержание. Они вытекают из практики вооруженной борьбы и в ней же находят свое подтверждение.

Для военной науки прошлого и для современной буржуазной военной науки характерно стремление свести все многообразие вооруженной борьбы к небольшому количеству вечных, неизменных, годных для всех времен и во всех случаях принципов. Жомини насчитывал четыре таких основных принципа войны, русский военный теоретик Леер — двадцать, современные английский военный писатель Фуллер — семь. Американские авторы обычно называют девять принципов: целеустремленность, простота, единство командования, наступательность, маневренность, массирование, экономия сил, внезапность, безопасность.

Советская военная наука рассматривает принцип не как догму, а как общее направление, основу для действий, оставляющую определенный и при этом большой простор инициативы и творчества полководцев, командиров вообще. В отличие от метафизической трактовки принципов и правил, как неизменных положений, независимых от конкретных исторических условий ведения вооруженной борьбы, советская военная наука подходит к вопросу о принципах и правилах в соответствии с требованиямиialectического материализма, считая, что они изменяются в зависимости от исторических условий. Более того, даже те принципы или правила, которые еще продолжают действовать и в новых условиях, всегда насыщаются новым конкретным содержанием, соответствующим изменившейся обстановке.

Советская военная наука не ограничивает количество возможных принципов потому, что многообразие вооруженной борьбы объективно вызывает и многообразие принципов и их развитие.

Следует отметить, что принципы имеет не только военное искусство, но и другие области военной науки, например, военная педагогика, важнейшими принципами которой являются, в частности, обогащательное сочетание обучения и воспитания, обучение только тому, что нужно на войне.

Так как законы и принципы военной науки изменяются в соответствии с изменениями материальной базы войны, ее политического ха-

рактера и других условий, они с течением времени утрачивают свое значение и отмирают. Например, принцип Наполеона, гласивший, что на одном театре нельзя сосредоточивать более одной армии, как известно, давно уже устарел и не применяется на практике. Хорошо известен сформулированный Клаузевицем принцип сосредоточения сил и средств в одном стратегическом усилии или его же принцип убывающей силы наступления. Ни вопреки этому, в первой и второй мировой войнах в основе ведения вооруженной борьбы лежал принцип последовательной мобилизации и непрерывного ввода в действие новых стратегических эшелонов, а наступление против гитлеровской Германии велось на основе принципа нарастания мощи ударов.

Что же касается правил военного искусства, то они также имеют объективное содержание. Они относятся главным образом к совершенству конкретных, сугубо практических вопросам организации и ведения боевых действий и излагаются в наставлениях и уставах, а также различного рода инструкциях.

Эти правила регламентируют всю жизнь — быт и боевые действия войск, практические вопросы, связанные с деталями применения их в бою и операции. Сюда относятся, например, правила, определяющие порядок организации и проведения маршей, расположения на месте, организации боевого обеспечения.

В связи с вопросом о методе нельзя не отметить, что в течение значительного времени советская военная наука была подвержена влиянию культа личности, который нанес ущерб ее развитию. С ним связаны догматизм и начинчество, фактическое отрицание возможности высказывания других взглядов, кроме высказанных авторитетом. Культ личности прижал нашу военно-научную мысль, подавлял и тормозил творческие усилия советских военно-научных кадров.

Подвергнув смелой и беспощадной критике ошибки, порожденные культом личности, партия со всей силой подчеркнула решающую роль народных масс не только в гражданской истории, но и в истории военной. Партия восстановила в своих правах коренное для военной науки положение марксизма-ленинизма о том, что успех полководческой деятельности, в конечном счете, обусловлен деятельностью народных масс — подлинных творцов истории.

Большое значение имело постановление октябрьского Пленума ЦК КПСС 1957 года, который решительно пресек попытки наладить кульп личности Г. К. Жукова в Советской Армии и восстановил ленинские принципы руководства Вооруженными Силами.

Но борьба с культом личности вовсе не означает какого-либо отрицания или принижения роли и значения военных руководителей, полководцев, командиров. Такое отрицание было бы не чем иным, как проявлением мелкобуржуазной идеологии, анархизма. Роль военных руководителей, полководцев, командиров, начальников вообще очень велика, и советская военная наука уделяет разработке этого вопроса должное внимание, руководствуясь при этом положениями марксистско-ленинской теории.

* * *

Военная наука всегда развивалась, в конечном счете, в соответствии с изменениями в военном деле, обусловленными в свою очередь изменениями в способах производства, развитием производительных сил и производственных отношений.

Было бы неправильно представлять себе, что смена одного способа производства другим автоматически влечет за собой немедленную и полную замену одних положений военной науки другими. На самом деле

каждый последующий этап в развитии военной науки тесно связан с предшествующим, опирается на исторический опыт, накопленные знания и традиции, которые в той или иной степени сохраняют свое значение в течение более или менее продолжительного времени в новых условиях.

Развитие военной науки часто носило неравномерный характер. Оно знает периоды бурных революционных изменений, а также периоды плавных эволюционных изменений и даже периоды застоя и упадка. Меняя свой характер и содержание от одной формации к другой, военная наука не прекращала развиваться и в рамках одного и того же общественного строя, отвечая продолжающемуся развитию производительных сил данного общества и прежде всего техники, что отчетливо прослеживается на примере развития современной военной науки.

На разных ступенях развития военного дела менялось и представление о предмете, задачах и содержании военной науки. Этот процесс продолжается и в настоящем время. Правильное определение предмета, задач и содержания советской военной науки в современных условиях имеет особо важное значение, так как от точного их определения зависит все направление разработки как общих ее основ, так и отдельных ее частей и отраслей.

При рассмотрении предмета советской военной науки необходимо учитывать, что экономические и морально-политические возможности того или иного государства определяют и его военные возможности. Количество и качество людских контингентов армий и флотов, их вооружение, возможности снабжения их всем необходимым, состояние морального духа — все это, в конечном счете, представляет собой производное от экономической и политической структуры данного государства, от уровня производства и характера производственных отношений, от степени развития культуры народа, науки и техники. Из всего этого следует вывод о том, что предмет военной науки не может игнорировать экономических и морально-политических возможностей.

Однако при этом надо иметь в виду, что, хотя современная война представляет собой весьма сложную совокупность многообразных явлений, вооруженная борьба тем не менее является среди них основным, специфическим ее содержанием, в отличие от других форм политической борьбы. Поэтому основной задачей военной науки и является исследование закономерностей вооруженной борьбы с полным учетом всех тех факторов, которые влияют на ее ход и результаты и определяют их.

Конкретным выражением этой задачи советской военной науки является исследование характера современных войн и в соответствии с этим разработка способов и форм вооруженной борьбы. Без глубокого исследования и правильного решения этих вопросов невозможно ни развитие военной науки, ни успешное ведение войны.

Вместе с тем, как это вытекает из сказанного выше, современная военная наука занимается исследованием вопросов, связанных с учетом экономических и морально-политических возможностей своих и противника.

Военная наука изучает исследует также географические условия на театрах военных действий. Ее интересуют общие физико-географические условия, население, размещение и уровень развития промышленности и сельского хозяйства, пути и средства сообщения, связи, важнейшие стратегические и операционные направления, на которых могут развернуться военные действия различного масштаба.

Говоря самым общим образом, следует сказать, что военная наука не может игнорировать ни одного условия или фактора, определяющего или влияющего на ход и исход войны. Великий Ленин неоднократно

указывал на целый ряд таких экономических, политических, моральных и собственно военных факторов и условий, и этими указаниями Ленина руководствуется наша военная наука.

В связи с вопросом о факторах, определяющих судьбу войны, следует остановиться на известной формулировке, данной И. В. Сталиным в 1942 году, где они сведены в две группы: постоянно действующих и временных. Разумеется, перечисленные в этой формулировке факторы сохраняют свое значение и в настоящее время. Влияние прочности тыла, морального духа войск, вооружения, количества и качества войск, организаторских способностей начальствующего состава не уменьшается, а еще более повышается в современных условиях.

Однако разработка вопроса о факторах, определяющих ход исхода войны, этим положением И. В. Сталина отнюдь не исчерпывается. Более того, следует заметить, что это положение Сталина далеко не полно и не всем совершенно. Некоторые из фигурирующих в нем факторов, как, например, прочность тыла, даны в слишком общем плане, что вызывает различное их понимание. С другой стороны, непосредственно не указан такой важный фактор, как военное искусство воюющих армий, которое всегда имело и имеет важное значение в борьбе с врагом. Необходимо также отметить, что такой измеритель, как количество и качество дивизий, ныне не в полной мере соответствует особенностям и характеру войны.

Что же касается понимания внезапности как какого-то привходящего, несущественного фактора, то опыт войны показывает, что оно не соответствует исторической истине, особенно в новых условиях. Внезапность всегда применялась в прошлых войнах, в военных действиях любого масштаба.

Исторический опыт показывает, что чем большим был масштаб военных действий и чем большей степенью достигалась внезапность начала боевых действий или применения тех или иных технических средств и приемов, тем более катастрофическими по характеру и длительными по времени были последствия применения внезапности, о чем свидетельствует и опыт второй мировой войны.

Значение внезапности еще более выросло в связи с появлением атомного и термоядерного оружия, что требует более высокого уровня своего времени разгадывать замыслы и планы врага, противопоставлять им высокую боевую готовность своих войск, искусство в нанесении быстрых и решительных ударов.

В тесной связи с этим все большее и большее значение приобретают уровень подготовки страны и вооруженных сил к войне, их постоянная высокая боевая готовность. Естественно, что чем лучше и полнее подготовлена страна и ее вооруженные силы в соответствии с характером будущей войны, тем успешнее будет протекать для этой страны вооруженная борьба, тем больше шансов победить врага.

Из всего этого следует, что полный учет факторов, определяющих ход и исход войны, остается важнейшей задачей исследования. Трудно переоценить значение учета советской военной наукой этих факторов. Как уже указывалось выше, особенно важно при этом изучение вопросов, связанных с учетом экономических и морально-политических факторов.

Мы не намерены здесь вдаваться в подробное освещение этого вопроса, поскольку проблема факторов обсуждается на страницах журнала. Подчеркнем лишь в заключение, что ни один из факторов, влияющих на ход и исход вооруженной борьбы, не проявляет своего влияния сам по себе, вне зависимости от других факторов и условий, составляющих в совокупности реальную историческую обстановку, в которой ведется

война. Поэтому их необходимо учитывать во взаимной связи и обусловленности, выделяя при этом ведущие, основные факторы.

Далее, предметом военной науки всегда являлись вооруженные силы, их вооружение и военная техника вообще.

Вооруженные силы — главный, основной инструмент войны. От того, какие вооруженные силы имеет та или иная страна, каково соотношение в них видов вооруженных сил и родов войск, как они организованы, устроены, каково их техническое оснащение, боевое обучение и воспитание, моральное состояние — от этого непосредственно зависит успех на войне. Проблемы строительства вооруженных сил, их комплектования, организации, технического оснащения, воинского и политического обучения и воспитания, подготовки командных кадров, накопления необходимых резервов для пополнения войск в период войны и т. д. относятся к основным вопросам военной науки.

Особо следует отметить значение вопросов, связанных с вооружением, боевой техникой. Как правило, ни одна армия не может воевать, а тем более побеждать в войне против сильного противника, если она не располагает современным вооружением и притом в достаточном количестве. Так, или иное вооружение создает целые эпохи в развитии военного дела. Так, например, вооруженная борьба, основанная на применении оружия с использованием только мускульной силы, естественно, резко отличается от ведения войны с применением на полях сражений в массовых количествах пороха и других взрывчатых веществ, а затем — сложной машинной техники и атомного оружия.

Наличие в составе современных вооруженных сил огромного количества сложного вооружения и военной техники вообще, необходимость изучения их устройства, применения и эксплуатации на войне вызвали появление и развитие серии самых разнообразных военно-технических наук, без которых в современных условиях вооруженным силам обойтись невозможно.

Но, как известно, вооружение мертвое, если его не приподнят в действии умелые люди. Чем сложнее техника, тем выше должна быть политическая сознательность, организованность и квалификация кадров, приводящая в движение технику. Успех войны решают люди, обладающие желанием и умением вести вооруженную борьбу и стойко преодолевающие все ее трудности. Народные массы составляют главную движущую силу в вооруженной борьбе. В современных войнах их роль не только не уменьшается, но еще более возрастает.

Следовательно, военную науку в очень большой степени должны интересовать и такие факторы, как воля и сознательность масс, творческие и организаторские способности начальствующего состава, талантливость и воевые качества подководцев и командиров и др.

Чтобы завершить этот раздел, необходимо еще раз со всей силой подчеркнуть, что одной из главнейших задач военной науки является изучение, исследование и разработка способов и форм военных действий и войны, как вооруженной борьбы, в целом.

Под способом вооруженной борьбы нами понимается тот или иной образ действий, с помощью которого войска решают свои задачи на войне. Способ вооруженной борьбы определяет собою специфическую сущность, основное содержание тех или иных военных действий.

Под формой же вооруженной борьбы или военных действий понимается конкретное выражение данного способа действий. Формы военных действий и войны в целом могут быть самыми разнообразными.

Изучение и исследование способов и форм вооруженной борьбы осуществляется рядом отраслей военной науки, объединенных одним общим понятием «теория военного искусства».

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ НАУКИ

Наконец, в предмет военной науки входят также изучение истории войны и военного искусства, т. е. военно-историческая наука и ряд других дисциплин.

Таковы вкратце, по нашему мнению, предмет и основное содержание советской военной науки.

* * *

Классификация военной науки складывалась в соответствии с развитием военного дела, накопленным опытом и знаниями. В XVIII веке военные знания заметно дифференцируются, а к концу этого века они оформляются в такие науки, как стратегия, тактика, артиллерия, фортификация, военная история. С началом XIX века стали широко разрабатываться вопросы военной географии и военной администрации.

В XX веке зарождается теория оперативного искусства, нашедшая свое наиболее полное выражение и оформление в советской военной науке. В этот же период интенсивно развиваются ранее существовавшие военно-технические науки, появляется ряд новых военно-технических наук, отражающих общий бурный технический прогресс, рост материальной базы вооруженной борьбы.

Современная военная наука, по нашему мнению, состоит из общей теории (общие основы) военной науки, теории военного искусства, теории обучения и воспитания войск (военная педагогика), военно-исторической науки, военной администрации, военной географии и военно-технических наук.

При характеристике перечисленных отраслей военной науки необходимо учитывать их удельный вес и значение, которые, естественно, не могут быть одинаковыми. В системе знаний, составляющих военную науку, существует определенная «субординация», соподчиненность ее отдельных частей и отраслей.

Например, общая теория военной науки исследует и излагает основные военно-теоретические начала военной науки и связывает все ее разделы, отрасли и стороны в единую стройную систему. Постановлениями и выводами общей теории военной науки руководствуются все ее части и отрасли. В то же время такая, например, отрасль военной науки, как военная география, носит по преимуществу лишь вспомогательный, обслуживающий характер.

Теория военного искусства — важнейшая составная часть военной науки. Она оказывает определяющее влияние на ряд других разделов и отраслей военной науки. Военно-историческая наука, военная педагогика, военная администрация, военная география выполняют служебную, подчиненную роль по отношению к теории военного искусства.

Перейдем теперь к краткой, самой общей характеристике отдельных составных частей и отраслей советской военной науки.

Общая теория (общие основы) военной науки. Необходимость общей теории, т. е. общих основ военной науки, как и всякой науки, существовала всегда. Ныне же в связи с возрастанием размаха вооруженной борьбы и усложнением ее характера, в связи с возникновением целого ряда новых проблем, которых старая военная наука не знала, необходимость в научно-обоснованной общей теории военной науки еще более возросла. Резко увеличение диапазона вопросов, которыми занимается военная наука, всестороннее усложнение ее содержания вызвали острую необходимость объединить и обобщить выводы и положения различных отраслей военных знаний в рамках единой общей теории военной науки. Существование общей теории военной науки обеспечивает более целеустремленное развитие всех отраслей

советской военной науки в соответствии с требованиями современной войны.

Общая теория военной науки занимается исследованием общих законов, определяющих ход и исход вооруженной борьбы.

В общей теории (общих основах) военной науки исследуются также такие кардинальные для военной науки вопросы, как общий характер современной войны как вооруженной борьбы, предмет и содержание военной науки, ее метод и классификация.

Общая теория военной науки исследует экономические, морально-политические и собственно военные факторы и условия, влияющие на характер, ход и исход войны, в их взаимодействии и взаимозависимости, определяет пути их использования в целях достижения победы над врагом. Рассматриваются эти факторы исследуются и другими отраслями военной науки, но уже в конкретном плане, соответственно специфике той или иной из них.

Следует подчеркнуть, что общая теория советской военной науки уделяет большое внимание вопросам, связанным с учетом экономических и морально-политических факторов.

При учете экономических возможностей сторон советская военная наука опирается на непреложный вывод марксизма-ленинизма о том, что в современной войне при всех прочих равных условиях борьба характер экономической организации общества и уровень его экономического развития имеют решающее значение.

Учет воинской науки экономического потенциала своей страны и противника носит весьма многогранный характер. Воинскую науку интересуют возможности страны в обеспечении нужд вооруженных сил на всем протяжении войны. Она исследует эту проблему с целью приведения задач, способов вооруженной борьбы и организации вооруженных сил в полное соответствие с реальными материальными возможностями страны. Она изучает взаимосвязь экономического потенциала с военными и моральными потенциалами, дает научные основы и методы определения потребности вооруженных сил в материально-технических средствах в период подготовки войны и в ходе ее, исследует способы и формы подъема и ликвидации военно-экономической мощи врага воинскими средствами.

Сущность исследования военной наукой вопросов, связанных с учетом морально-политических возможностей, заключается в использовании действующих здесь закономерностей, определяющих влияние моральных величин на боевые качества вооруженных сил, подготовку и ведение военных действий и вооруженной борьбы в целом, в исследовании возможных путей, способов и форм укрепления и повышения морального духа своих войск и подъема морального духа войск противника.

Общая теория военной науки учитывает огромную роль и выдающееся значение партийно-политической работы в Советских Вооруженных Силах, которая, как подчеркивается в решениях октябрьского Пленума ЦК КПСС 1957 года, есть наименее рычаг развития, упрочения и поддержания высокого морального духа, социалистической сознательности, стойкости и дисциплины войск, их высокой боевой готовности.

Партийно-политическая работа в Советской Армии и Военно-Морском Флоте — один из важнейших ленинских принципов руководства вооруженными силами, основа, на которой зиждется военное строительство в СССР. С помощью партийно-политической работы достигается превращение высоких моральных возможностей наших вооруженных сил в один из решающих факторов победы. Пронизывая всю жизнь и деятельность войск в мирное и военное время, органически сочетаясь со всей деятельностью командных кадров, партийно-политическая работа

является важнейшим средством могучего влияния нашей партии на Советские Вооруженные Силы. В партийно-политической работе в вооруженных силах используется богатейший опыт организаторской и воспитательной работы Коммунистической партии.

В общей теории изучаются и другие общие проблемы, такие, например, как соотношение объективных и субъективных факторов в вооруженной борьбе; роль людей и техники и ряда других.

Она исследует все общие, принципиальные вопросы военного строительства, подготовки вооруженных сил и страны в целом к войне (разумеется, в части, касающейся военной науки).

Таково, на наш взгляд, основное содержание общей теории советской военной науки.

Теория военного искусства как важнейшая составная часть советской военной науки изучает и разрабатывает собственно способы и формы вооруженной борьбы. Она представляет комплекс неподсказанных военных знаний, который, как и все остальные отрасли военной науки, непрерывно изменяется и творчески обогащается.

Теория советского военного искусства состоит из стратегии, оперативного искусства и тактики. Каждая из них представляет целую область научных знаний. Стратегия, оперативное искусство и тактика взаимно связаны между собой, взаимно обусловлены и дополняют друг друга. Руководящая роль среди них принадлежит стратегии.

В связи с ростом военно-воздушных и военно-морских сил, а также войск противовоздушной обороны страны, применение которых имеет много специфических особенностей, в советском военном искусстве существуют такие его отрасли, как военно-морское искусство, военно-воздушное искусство, военное искусство войск ПВО страны. Военное искусство этих видов вооруженных сил, основываясь на единой воинской стратегии, общей для всех вооруженных сил, включает в себя оперативное искусство и тактику этих видов вооруженных сил.

Стратегия — это часть военного искусства, изучающая основы подготовки и ведения войны в целом и ее кампаний. Стратегия является непосредственным оружием в руках политики. По отношению к стратегии политика играет руководящую и направляющую роль.

Стратегия является общей и единой для всех видов вооруженных сил страны, так как война ведется не одним каким-либо видом вооруженных сил или родом войск, а их соединенными усилиями. Координация усилий всех видов вооруженных сил на войне возможна только в рамках единой воинской стратегии.

Как и другие отрасли военного искусства и военной науки в целом, стратегия имеет два аспекта: общетеоретический и прикладной.

В общетеоретической своей части, которую можно назвать общими теоретическими основами стратегии, исследуются: законы и принципы стратегии; теоретические основы разработки плана войны; виды вооруженных сил, как стратегические категории, их свойства и применение в вооруженной борьбе; способы и формы вооруженной борьбы в стратегическом масштабе; общие основы материального и технического обеспечения вооруженных сил; общие основы управления войсками в стратегических масштабах.

В прикладной своей части стратегия занимается разработкой конкретных вопросов непосредственной подготовки и ведения стратегического наступления, стратегической обороны и других военных действий, стратегического масштаба, их материального и технического обеспечения, конкретными вопросами управления стратегическими группировками войск и вооруженных сил в целом.

Стратегия содержит в себе также специальные разделы, посвящен-

ные стратегическому использованию на войне сухопутных, военно-морских, военно-воздушных сил и войск противовоздушной обороны страны в соответствии с их специфическими особенностями и возможностями.

Оперативное искусство — это часть военного искусства, изучающая основы подготовки и ведения операций, осуществляемых оперативными объединениями вооруженных сил на суше, на море в воздухе в соответствии с общими стратегическими замыслами и планами.

Оперативное искусство в общеорганизационной своей части (теоретические основы оперативного искусства) исследует: характер, законы, принципы и правила современных операций; организацию, свойства и возможности оперативных объединений; способы и формы применения оперативных объединений в различных условиях и с различными целями; способы формирования и ведения операций различных видов; основы оперативного обеспечения всех видов; основы управления войсками в операциях; основы материального и технического обеспечения войск в операциях (теория оперативного тыла).

В прикладной своей части оперативное искусство разрабатывает конкретные вопросы подготовки и ведения операций групп фронтов, фронтовых и армейских операций, а также (в своем масштабе) совместных операций всех видов вооруженных сил. Кроме того, в этой части разрабатываются в конкретном плане вопросы оперативного, материального и технического обеспечения, а также организации управления войсками в операциях.

Оперативное искусство военно-морских, военно-воздушных сил и войск противовоздушной обороны страны изучает теоретические основы и конкретные вопросы подготовки и ведения операций в своих сферах действий.

Тактика есть часть военного искусства, непосредственно изучающая основы подготовки и ведения боевых действий подразделений, частей и соединений всех родов войск и видов вооруженных сил на суше, в воздухе и на море.

Тактика подразделяется на общую тактику, тактику военно-морских сил, тактику военно-воздушных сил, тактику войск противовоздушной обороны страны. Роды войск, а также службы имеют также свою тактику. Существует тактика пехоты, артиллерии, бронетанковых, инженерных войск, войск связи, тактика тыла и т. д.

Тактика в своей общеорганизационной части исследует: характерные черты современных боевых действий; законы, принципы и правила подготовки и ведения современного общесоветского боя, боя родов войск и родов сил; организацию, свойства и боевые возможности тактических соединений, частей и подразделений; основы подготовки и ведения различных видов боя и его обеспечения.

В прикладной своей части тактика разрабатывает конкретные вопросы подготовки и ведения наступательного и оборонительного боя и других боевых действий тактического масштаба в различных условиях обстановки, их обеспечения и управления войсками в них.

Теория обучения и воспитания войск (военная педагогика) является составной частью военной науки и занимается разработкой научных методов и форм обучения и воспитания личного состава вооруженных сил, методов и форм подготовки подразделений, частей и соединений, а также штабов и начальствующего состава.

Значение военной педагогики в современных условиях особенно велико. Это обосновывается тем, что способы и формы боевых действий, организация войск и их техническое оснащение в современных условиях стали исключительно сложными и требуют от всего личного состава

огромного напряжения, значительных знаний и большого искусства. Подготовить вооруженные силы к ведению боевых действий в будущей войне можно только на строго научной базе; какой и является теория обучения и воспитания войск.

Военная педагогика охватывает обучение и воспитание личного состава непосредственно в войсках, а также в средних и высших военно-учебных заведениях.

Военная педагогика в системе военной науки наиболее тесно связана с военным искусством.

Военно-историческая наука — составная часть советской военной науки. Как и другие отрасли советской военной науки, она разрабатывается на базе марксистско-ленинской методологии, которая одна только может дать подлинно научный, диалектико-материалистическое понимание закономерностей военной истории, развития военного дела.

Военно-историческая наука, тесно связанная с общей историей и историографией, исследует историю всей военной науки и в частности военного искусства, историю вооруженных сил, вопросы военной историографии и военного источниковедения.

История войн представляет собой фактическую основу военной истории. История войн не ограничивается только лишь хронологией военных событий. Она включает в себя как описание войн в целом, так и их кампаний и операций и делает из опыта войн необходимые для военной науки выводы, обобщения.

История военной науки и в том числе история военного искусства рассматривает закономерности их развития в общем процессе военной истории, используя для этого наиболее важные, типичные явления и события, раскрывающие существенные стороны состояния военной науки и военного искусства, свойственные той или иной эпохе.

История вооруженных сил характеризует закономерности развития их в целом и всех их видов в отдельности: сухопутных, военно-морских, военно-воздушных сил и войск противовоздушной обороны страны. Она включает в себя: историю родов войск — пехоты, артиллерии, бронетанковых войск, специальных и других войск; историю воинских частей, соединений и объединений — полков, кораблей, дивизий, корпусов, флотов и армий; историю вооружения и военной техники, воинских сообществ и тыла и т. д.

Военная историография как часть военно-исторической науки изучает развитие военно-исторических знаний по отдельным эпохам и странам, а также по военно-историческим проблемам и отдельным военно-историческим вопросам.

Военное источниковедение занимается изучением, классификацией и описанием различных военно-исторических источников, письменных документов и свидетельств, архивов, на основе которых разрабатывается история войн, история военной науки, история вооруженных сил, вооружения, военной техники и военная историография.

Военная география — отрасль военной науки, изучающая современное состояние политических, экономических, природных и военных показателей различных стран, театров военных действий и отдельных районов с точки зрения влияния их на подготовку и ведение военных действий и войны в целом.

Военная география состоит из двух основных разделов: военного страноведения и описания театров военных действий.

В первом разделе исследуются физико-географические условия, экономика и политическая жизнь различных стран применительно к требо-

ваниям военной науки в целом и в первую очередь военного искусства. Во втором разделе военная география в интересах стратегии и оперативного искусства изучает различные театры военных действий с точки зрения подготовки и ведения на них военных действий различных масштабов.

Выходы и обобщения военной географии используются всеми составными частями военной науки.

В систему знаний, составляющих военную науку, входит обширная группа военно-технических наук, таких, например, как артиллерийские, авиационные, военно-морские технические науки, военно-химические, военно-инженерные, радиотехнические науки и т. д. Каждая из этих групп военно-технических наук имеет в своем составе еще целый ряд специальных отраслей и дисциплин. Так, например, артиллерийские науки включают в себя, помимо остальных дисциплин, основы устройства и конструирования материальной части, внутреннюю и внешнюю баллистику и т. д.

Военно-инженерные науки, возникшие еще в далеком прошлом, охватывают фортификацию — полевую и долговременную, теорию военно-мостового и переправочного дела, военно-дорожного дела, минно- взрывного дела и заграждений, маскировки, водоснабжения и другие дисциплины.

К числу военно-технических наук относится также и военная топография, которая разрабатывает интересах ведения военных действий основы изучения рельефа местности и местных предметов, различных видов стылок местности, подготовки карт и планов, основы топографического обеспечения действий войск.

В связи с развитием новых средств вооруженной борьбы широкое развитие получает теперь военная геодезия.

Бурный прогресс технических средств войны неизбежно вызывает появление все новых и новых военно-технических наук и отраслей знаний, что совершенно закономерно в современных условиях.

* * *

В заключение статьи нам хотелось бы остановиться на некоторых вопросах, связанных с преимуществами советской военной науки над буржуазной военной наукой.

Военную науку капиталистических государств, безусловно, нельзя игнорировать, особенно в настоящем время, когда империалистическая реакция, настойчиво и последовательно готовящая войну против Советского Союза и народно-демократических стран, нацеливает военную теорию на разработку новых вопросов, связанных с применением в будущей войне атомного, термоядерного, химического, бактериологического оружия и других средств массового поражения, с широким использованием таких достижений техники, как радиотехника, электроника, автоматика, радиолокация, телевидение, сверхзвуковая авиация, ракеты и т. д.

Однако, признавая это, необходимо в то же самое время подчеркнуть, что советская военная наука превосходит буржуазную военную науку и обладает неоспоримыми преимуществами перед ней. Советская военная школа доказала свое превосходство над немецко-фашистской военной школой в Великой Отечественной войне. Она оказалась на голову выше любой буржуазной военной школы.

Превосходство советской военной науки над буржуазной сохраняется и в настоящее время. Это превосходство заключается, во-первых, в том, что советская военная наука опирается на самый передовой общественный и государственный строй, который стоит немизеримо выше капиталистического строя.

Во-вторых, превосходство советской военной науки состоит в том, что она руководствуется политикой и теорией коммунистической партии. Марксистско-ленинская теория — единственно правильный идеино-теоретический фундамент и источник, откуда советская военная наука черпает силы для своего движения вперед. Марксистский диалектический метод познания обеспечивает нашей науке возможность до конца правильного познания объективной действительности, возможность научного предвидения.

В-третьих, наша военная наука превосходит буржуазную и с точки зрения научно-технических возможностей, достигнутых в СССР. Достижения СССР в естествознании и технических науках позволили нам добиться выдающихся успехов, доказательством чего является хотя бы запуск трех искусственных спутников Земли и искусственной планеты, осуществленный с помощью межконтинентальных баллистических ракет. Широкие возможности получения высшего образования, создание благоприятных условий для творческой деятельности многочисленных научных кадров, огромная помощь Коммунистической партии и Советского государства в деле развития науки и внедрения новейших технических достижений в практику, планировность и целесустримленность работы научных учреждений в соответствии с требованиями жизни, — все это и многое другое обеспечивают советской науке ее передовой характер и содержание.

В-четвертых, советская военная наука превосходит буржуазную и по линии чисто военных факторов и показателей, в частности, по тому богатому боевому опыту, на котором она зиждется. Наша военная теория на базе передовой советской экономики и высокого морального духа народных масс СССР, на базе научной методологии марксизма-ленинизма в большей мере, чем каким-либо другой военной науки, способна разрабатывать наиболее эффективные способы и формы ведения вооруженной борьбы в современных условиях, успешно решать все сложные проблемы современного военного строительства и, в частности, обучения и воспитания военных кадров и всего личного состава вооруженных сил.

Превосходство советской военной науки над буржуазной базируется и на превосходстве морального духа, культурного уровня и идеологического облика советского человека. Будучи воспитаны на совершенно новых основах, в совершенно новом, социалистическом духе, советские люди проникнуты духом колlettivизма, способны на невиданные геронческие дела. Опыт Великой Отечественной войны показал, на какие величайшие подвиги способен советский народ. Наши советские люди представляют собой самый ценный капитал, золотой фонд нашего социалистического государства, обладающего огромными потенциальными возможностями. Моральный дух наших Советских Вооруженных Сил превосходит моральный дух армий и флотов буржуазных государств.

Таковы некоторые основные, общие показатели, лежащие в основе превосходства советской военной науки над буржуазной. Важно подчеркнуть, что это превосходство не может сохраняться само по себе, автоматически. Удерживать и в дальнейшем по всем линиям превосходство в военной науке и тем более наращивать его можно только в результате упорной, систематической и напряженной работы по непрерывному совершенствованию вооружения и техники, организации войск, их подготовки, боевой готовности, путем творческого, глубокого развития всех вопросов советской военной науки.

Особо важного внимания заслуживает изучение и исследование новых технических средств борьбы и их влияния на дальнейшее развитие способов и форм вооруженной борьбы. Советская военная наука все время должна обогащаться новыми принципиальными идеями и по-

ложениями, которые поднимали бы разработку способов и форм вооруженной борьбы и других вопросов на еще более высокую ступень.

Советская военная наука вперед должна развиваться как теория живая, творческая, непрерывно находящаяся в движении, в борьбе против догматизма и застоя, как глубоко современная теория вооруженной борьбы, от начала и до конца пронизанная духом коммунистической партийности. Постоянным условием ее дальнейшего развития и совершенствования является, в частности, такая борьба мнений, в результате которой изготавливается все отжившее и косное и, наоборот, выдвигается все новое, передовое, прогрессивное, соответствующее требованиям современной войны и развитию военного дела.

«Мы не имеем права забывать, — указывал Н. С. Хрущев в речи на приеме в Кремле выпускников московских военных академий 25 ноября 1957 года, — что с развитием науки и техники происходят существенные изменения в военном деле, создаются новые виды боевой техники и вооружения, меняются способы их использования в бою. Вот почему партия требует от военных кадров не устаканываться на достигнутом, а всемерно двигать вперед военную науку, постоянно совершенствовать свои военные знания, настойчиво овладевать любой боевой техникой, повышать бдительность и боеготовность войск».

Необходимо иметь в виду, что наука всегда носит конкретно-исторический характер. Не существует военной науки, пригодной на все времена. Не все способы и формы вооруженной борьбы, свойственные второй мировой войне, окажутся полностью пригодными в будущей войне. Те же из них, которые сохранят свое значение и в будущем, несомненно, приспособят свои новые, специфические черты в связи с развитием новых технических средств борьбы и новыми экономическими и политическими условиями.

Нашей военно-теоретической мысли должны быть чужды начертничество и канонизация тех или иных положений и практических рекомендаций, отрыв от условий конкретной обстановки. Глубкость мысли, учение отбросить старые, отжившие схемы и представления, непригодные в новых условиях, и, наоборот, найти новые, наиболее соответствующие требованиям современной войны, положения и успешно их разрабатывать, склонять и внедрять в практику подготовки Советской Армии и Военно-Морского Флота — таково главное требование к современной военной науке.

Чувство нового, стремление поддержать и обеспечить победу нового в борьбе со старым и отжившим никогда не должны покидать советскую военную науку. В этом заключается также одна из важных предпосылок ее превосходства над буржуазной военной наукой и непрерывное усиление той поистине великой роли, которую она играла и играет в обучении и воспитании советских военных кадров, в достижении всех наших военных побед.

Проблема факторов победы в современной военной науке¹

СТАТЬЯ генерал-майора И. Таленского «Проблема факторов победы в современной военной науке» представляет большой интерес для наших военных кадров в теоретическом и практическом отношении. За исключением отдельных положений, о которых мы скажем ниже, в ней затронуты и в целом верно, на наш взгляд, освещены важные вопросы о факторах победы.

Тов. Таленский совершенно правильно показывает двоякое значение выдвинутого И. В. Сталиным положения о постоянно действующих факторах, решающих ход и исход войны. С одной стороны, оно обобщило высказывания В. И. Ленина по этому вопросу и, следовательно, правильно нацеливало народ, партию, Советские Вооруженные Силы на решение тех проблем, которые играли решающую роль в победе Советского Союза в войне с гитлеровской Германией. С другой стороны, положение И. В. Сталина далеко не исчерпывало проблему факторов.

В связи с культом личности И. В. Сталина его положение о постоянно действующих факторах было воспринято как нечто незыблемое и догматическое. Однако искать все недостатки культуры личности будет неправильным. Догматизм и начертничество порождаются не только культом личности, но и рядом других субъективных обстоятельств и, в частности, желанием мыслить самостоятельно, неумением творчески подходить к решению тех или иных вопросов, в иногда и боязнь попасть впросак, допустить неточность или ошибку. Борьба с догматизмом и начертничеством — одна из основных задач идеологической работы нашей партии.

Тов. Таленский не опровергает положения И. В. Сталина о постоянно действующих факторах. Он отмечает лишь наличие в нем некоторых неточностей, расплывчатости и выдвигает ряд новых положений.

Большое теоретическое и практическое значение имеет рассматриваемое в статье тов. Таленского положение об объективных закономерностях ведения современной войны, заключающееся в том, что она выигрывается не одним сражением, а «системой и приставящих по силе ударов» (стр. 22). На наш взгляд, данное положение правильно определяет характер современной войны. Это тем более важно, что некоторые буржуазные деятели лелеют надежду выиграть войну одним — двумя ударами в течение нескольких дней.

¹ Обсуждение статьи генерал-майора И. Таленского «Проблема факторов победы в современной военной науке» («Военная Мысль» № 1, 1959).

Считаем правильным и целесообразным то расчленение факторов победы на социально-политические и собственно военные, которое дано в статье тов. Таленского. Важно и то, что автор не ограничивается простой ссылкой на наличие социально-политических факторов, а конкретизирует это положение. Он указывает, что «в рамках всеобъемлющего фактора общественный строй целесообразно особо рассматривать такие факторы, как политическая крепость государства, его экономическая мощь, а также морально-политическое состояние народных масс» (стр. 28). Далее дается краткая характеристика этих факторов победы. В изучении факторов победы — это шаг вперед, ибо в нашей литературе об общественном строе, как правило, говорится вообще, да и то нередко довольно туманно и плавчако.

Однако мы не разделяем точку зрения тов. Таленского о том, что восторженное исследование социально-политических факторов и их роли в военной науке является компетенцией общественно-политических наук, что военная наука должна только пользоваться их выводами.

Конечно, целый ряд вопросов и основных положений о войне как общественном явлении, о важнейших сторонах общественного строя и их влиянии на ход вооруженной борьбы должны изучаться и обобщаться общественно-политическими науками. Но при этом военная наука не может играть пассивной роли и довольствоваться только выводами философии и социологии. Она сама должна заниматься исследованием общественно-политических факторов применения общественно-политического фактора в военном деле, к войне.

Положительный оценки заслуживает и постановка вопроса в статье о способе вооруженной борьбы. Автор показывает, что изменение способа вооруженной борьбы, отмирание в нем старого, возникновение нового имеют объективную и субъективную стороны.

Объективная сторона заключается в том, что способ вооруженной борьбы находится в прямой зависимости от способа производства, социально-политических условий жизни общества, от качества и количества вооружения боевой техники. Из этого следует, что новый способ вооруженной борьбы не может появиться произвольно, что изменения в общественной жизни, способе производства, технике вызывают изменения в способах вооруженной борьбы.

Субъективная сторона способа вооруженной борьбы есть способность военных кадров с учетом объективных явлений, творческой инициативы масс воинов, конкретного противника и т. д. своеевременно найти и применить новый способ вооруженной борьбы. Нам особенно хочется подчеркнуть практическое значение субъективной стороны рассматриваемого фактора.

Дело в том, что изменение способов вооруженной борьбы не происходит автоматически вслед за теми или иными изменениями в способе производства, жизни общества, в боевой технике. Этим только создается объективные условия для нового способа вооруженной борьбы. Применяют же его люди, военные кадры. Отсюда следует вывод, которого, к сожалению, нет в статье тов. Таленского, что задача наших военных кадров состоит в том, чтобы создавать непрерывное превосходство над противником в применении новых способов вооруженной борьбы, творчески разрабатывать новые способы и формы вооруженной борьбы, обеспечивающие достижение победы над врагом.

Заслуживает также внимания и дальнейшего исследования мысль о том, что при глубоком и всестороннем изучении появления и применения новых способов вооруженной борьбы нельзя ограничиваться замечаниями о различном их характере в различные эпохи, так как изменения в спо-

собах и формах вооруженной борьбы происходят нередко в течение более коротких промежутков времени и даже в пределах одной и той же войны.

Иногда приходится сталкиваться с недостаточно ясным пониманием существа взаимосвязи способа производства и способа вооруженной борьбы. Это случается тогда, когда к данному вопросу при его изучении подходят механические. Тов. Таленский на некоторых примерах показывает применение различных способов вооруженной борьбы одними и теми же странами в одной и той же войне, но против различных противников. Следовательно, при более глубоком исследовании способов и форм вооруженной борьбы необходимо учитывать не только изменения в способе производства и военной технике, но и условия войны, характерные особенности противника, его армии и территории, прочность и авторитет правительства, особенности театра военных действий и т. д.

Таким образом, дальнейшее изучение новых способов и форм вооруженной борьбы, приобретает важное практическое значение.

В статье есть ряд и других мест, заслуживающих внимания и полезной оценки, например, о роли промышленности в войне, роли человека и др. Вместе с тем в ней имеются неточности и спорные положения.

Прежде всего бросается в глаза то, что из всей суммы рассматриваемых факторов победы автор не выделяет основного, определяющего. Более того, в статье целому ряду факторов приписывается решающее значение. Так, подчеркнуто значение задач, стоящих перед наукой, автор. Таленский пишет: «Без помощи активного научного фронта, опережающего в своих достижениях врага, завоевать победу станет невозможным» (стр. 18). Это категорическое утверждение свидетельствует, что автор в обеспечении победы ставит на первый план достижения науки, придает ей решающее значение в войне.

Но в той же статье он пишет, что «на первое место среди факторов, обуславливающих достижение победы, должен быть поставлен общественный строй каждой из враждующих сторон» (стр. 23). В другом месте статьи к решающим факторам тов. Таленский относит вооружение и военную технику, а также способ вооруженной борьбы.

Не слишком ли много решающих факторов? Не правильнее ли будет, если советская военная наука на основе трезвой оценки всех факторов определит один как основной и решающий? Мы считаем, что это будет отвечать марксистско-ленинской теории, которая требует всегда находить решающие, основные звено в сложной цепи явлений.

Таким решающим фактором, на наш взгляд, является экономическая мощь страны. Почему? Потому, что от развития экономики в значительной мере зависит и прочность государства и морально-политическое состояние народных масс. Степень экономического развития государства, особенно его индустрии, определяет военную мощь, основу вооруженных сил современной боевой и другой техникой. Существует органическая связь между экономикой и политикой государства. Чем примат в этом всегда приналаживает экономике. Вспомним слова В. И. Ленина о том, что политика есть концентрированное выражение экономики. Ведь не случайно В. И. Ленин и партия вопросу экономической мощи страны всегда придавали первостепенное значение как для достижения конечной цели — коммунизма, так и для военной защиты социалистического отечества. Все это, конечно, ни в какой мере не означает недооценки собственно военных факторов. Говоря об экономике, мы полностью разделяем мысли тов. Таленского о влиянии общественного строя на все стороны войны, об использовании преимущества пер-

дового, прогрессивного общественного строя для достижения победы. Но к этому вопросу надо подходить более конкретно.

Мы считаем неправомерным выделение в качестве самостоятельного фактора победы стратегические, оперативные и тактические преимущества. По нашему убеждению, эти факторы не имеют самодовлеющего значения.

Стратегические, оперативные и тактические преимущества — непостоянные величины. Они создаются людьми в бою, в операции. Да и сам автор обсуждаемой статьи указывает, что этот фактор «...формируется и реализуется всеми звенями командного корпуса в соответствующих масштабах, что составляет существенную сторону их боевой деятельности» (стр. 33). Стратегическое, оперативное и тактическое преимущества, таким образом, — результат деятельности начальствующего состава. Короче говоря, выделение этого фактора в самостоятельный является, по нашему мнению, искусственным и необоснованным.

Анализируя характер современной вооруженной борьбы, мы считаем, что в войне постоянно действует такой фактор победы, как вое ная выучка войск.

В нашей военной литературе уделяется много внимания оценке качества командно-начальствующего состава, его роли в войне. Но совершенно очевидно, что для исхода боя, операции, кампании и в конечном счете войны большое значение имеет военная выучка войск, непосредственных исполнителей воли и решения командира. А между тем ни в прошлых работах о постоянно действующих факторах войны, ни в статье тов. Таленского этому вопросу не уделяется столько внимания, сколько он этого заслуживает. По крайней мере военная выучка войск не рассматривается как фактор победы.

Что входит в военную выучку войск? Прежде всего овладение и совершенствование боевой техникой и оружием, которые находятся на вооружении данного соединения или части. Даже тогда, когда войны велись холодным оружием, умелое владение им играло большую роль. В кавалерии, например, многое зависело от искусства владения конем холодным оружием. С появлением же огнестрельного оружия (пушек, винтовок, пулеметов, минометов) знание его свойств, характеристик, поражающего действия, умение производить точные расчеты и вести точный огонь по противнику усилило роль военной выучки войск и искусства владения оружием, которая непрерывно возрастает по мере развития и усложнения боевой техники. Нет нужды доказывать, что современная ракетная и реактивная техника, телепрограммируемые и акустические устройства, вычислительные и счетно-решающие машины, сложное оборудование самолетов требуют от всех категорий военнослужащих высокой выучки, мастерского владения ими, высокого уровня инженерно-технических знаний. И, конечно, очевидно, что при приблизительно равном техническом оснащении войск воюющих сторон перевес в вооружении схватки будет на той стороне, где люди более совершенно владеют техникой. Эффективное использование боевых свойств техники зависит от степени овладения ею. В военную выучку входит также слаженность и сколченность экипажей, расчетов, подразделений, частей и соединений; взаимозаменяемость; умение вести боевые действия в различное время года, днем и ночью, в простых и сложных метеорологических условиях, в любой местности; знание и умелое использование средств защиты от оружия массового поражения; высокая натренированность в немедленном приведении в действие оружия, техники.

Для военной выучки войск немаловажное значение имеет знание техники противника.

Могут сказать, что военная выучка войск входит в фактор количества и качества вооруженных сил. Такого мнения придерживается и тов. Таленский. При анализе фактора количество и качество вооруженных сил в понятие «качество» он включает и уровень подготовки войск в оперативном и тактическом масштабах. Если пойти по таковой линии, то и качество начальствующего состава, моральный и боевой дух войск можно включить в этот фактор. Тем не менее то и другое тов. Таленский считает целесообразным выделять как самостоятельные факторы победы. Вообще следует еще раз подчеркнуть, что факторы победы существуют и действуют не изолированно друг от друга, а в тесной диалектической взаимосвязи и подчас они настолько обусловливают друг друга, что между ними не всегда можно поставить резко отличительную грань. И все же каждый фактор должен обладать какой-то степенью самостоятельности. Мы вполне разделяем точку зрения тов. Таленского, что в известных случаях и в интересах методологии те или иные факторы борьбы необходимо выделять в самостоятельные. Во всяком случае военная выучка войск играет роль постоянно действующего фактора, независимо от субъективного подхода к ней.

Учет фактора военная выучка войск имеет большое практическое значение и в мирное и в военное время. Военная выучка войск предполагает постоянное внимание соответствующих командиров и начальников к изучению личных составом техники и вооружения, к боевому сколачиванию частей и войсковых формирований, к обучению войск тому, что необходимо на войне и т. д.

Следовательно, военная выучка войск должна занять подобающее ей место среди других факторов победы.

В статье тов. Таленского внезапности, как фактору победы, дана правильная оценка. Автор справедливо указывает, что внезапность может оказывать свое воздействие на прогрессии всей войны. Однако автор почему-то не включил внезапность в качестве самостоятельного фактора в группу факторов, которая рассматривается им в статье. А следить это было необходимо.

Далее, характеризуя морально-боевой дух войск как фактор победы, тов. Таленский справедливо говорит, что в современных условиях армия является частью народа. Однако автор допускает некоторую неточность. Так, он пишет: «Дух народа — это дух армии. Именно в морально-политическом состоянии народных масс, их отношении к войне, их высоком патриотизме, в стремлении самоотверженной борьбой завоевать победу закладывается фундамент морально-боевого духа войск» (стр. 28—29). Фраза абстрактна в том отношении, что неясно, о народе и армии каких государств идет речь. Марксизм же требует подходить к оценке любого явления конкретно, с партийных, классовых позиций. Марксистский подход к данному явлению неизбежно должен привести к выводу: если речь идет о народе и армии социалистического государства, о справедливой, освободительной войне, то эта формула верна; если же речь идет о народе и армии капиталистического государства, о несправедливой, захватнической войне, то она неверна.

Например, о каком патриотизме английского французского народов могла бы идти речь, когда реакционные правительства этих стран организовали военную интервенцию против Египта? Кто может оспаривать тот факт, что значительные общественные силы Англии и Франции, представляющие наиболее передовую часть народа, осуждали англо-франко-израильскую агрессию против Египта.

Другое дело, когда речь идет о справедливой борьбе. Подавление, например, заговора реакционных элементов в Мосуле против Иракской

Республики получило горячую и широкую поддержку всего народа и армии республики. Еще в большей мере это относится к Китайской Народной Республике, Народно-освободительная армия которой разгромила контрреволюционные повстанческие силы в Тибете.

Последнее, на чем нам хотелось бы кратко остановиться, это наличие некоторых противоречивых суждений в статье тов. Таленского.

Например, говоря о том, что в силу начальственного отношения к формулировкам И. В. Сталина ряд важнейших факторов не нашел должного отражения в нашей военной науке, тов. Таленский пишет: «Лишь иногда к фактору организаторские способности начальствующего состава совершенно произвольно относили военное искусство» (стр. 26. Подчеркнуто нами.— В. Р.).

Сказали вполне определенно: к указанному фактору совершенно произвольно относили военное искусство. А произвол, как известно, недопустим в какой науке. Следовательно, военное искусство как будто бы нельзя включать в качестве составной части фактора организаторские способности начальствующего состава.

Но когда тов. Таленский рассматривает внутреннее содержание фактора качества начальствующего состава, он включает в него и военное искусство.

Как же это понимать? Почему об одном и том же тов. Таленский говорит противоположное? Может быть, он считает, что фактор организаторские способности и фактор качества начальствующего состава — это различные вещи? Нам кажется, что для такого заключения нет оснований, несмотря на некоторые несущественные отличия этих понятий.

Таким образом, подытоживая сказанное непосредственно о факторах победы, мы полагаем, что среди них нужно выделить главный, каковым является фактор экономическая мощь страны, но это, отнюдь, не умаляет значения собственно военных факторов; при этом стратегическое, оперативное и тактическое преимущество следует рассматривать не как самостоятельный фактор, а как составную часть фактора качества начальствующего состава, кроме того, дополнить перечисленные в статье факторы победы такими, как военная выучка войск, внезапность, и всесторонне исследовать их.

Полковник В. РОМАНОВ.

• • •

СТАТЬЯ генерал-майора Н. Таленского «Проблема факторов победы в современной военной науке» поднимает важнейший вопрос военной науки — об условиях достижения победы в войне. Выяснение этого вопроса имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение, так как помогает более вскрыть закономерности вооруженной борьбы и правильно определить пути достижения победы в будущей войне, если ее развязут агрессоры. Важно выяснить этот вопрос еще и потому, что он сильно запутан. Однако согласиться с трактовкой ряда положений этой проблемы в статье тов. Таленского нельзя.

Тов. Таленский говорит о факторах победы в современной военной науке, имея в виду, конечно, нашу советскую военную науку и наше социалистическое государство. Будущую войну он характеризует как войну между двумя противоположными системами государства. И это правильно. Но сейчас в условиях существования мирового социалистического лагеря, когда в случае возникновения войны должны объединиться не только политические, экономические, но и военные усилия всех социалистических стран, целесообразнее было бы проблему факторов в войне

ПРОБЛЕМА ФАКТОРОВ ПОБЕДЫ В СОВРЕМЕННОЙ ВОЕННОЙ НАУКЕ

37

рассматривать шире — для целой коалиции социалистических государств и их вооруженных сил. Между тем тов. Таленский, говоря о проблеме факторов победы в современной войне, не учитывает корнины изменений в международной обстановке после второй мировой войны, упускает из виду образование и быстрый рост социалистического лагеря, в который вошли не только европейские страны народной демократии, но и Китай с его многонациональным населением и богатейшими экономическими ресурсами.

Кроме того, деление факторов победы на военные, специфические и социально-политические нам кажется искусственным. Целесообразно ли их разрывать? Факторы победы — это те силы, которые обеспечивают победу, и в то же время — это условия победы.

Неверно также и то, что военная наука должна только использовать политические и экономические факторы, а не изучать их, тем более, что и сам автор на стр. 21 пишет, что военная наука исследует их влияние на вооруженную борьбу и даже разрабатывает требования к ним со стороны вооруженной борьбы. Становится неясным, как можно вырабатывать требования к ним, не изучив всех наиболее общих условий войны, т. е. не изучив политических и экономических факторов победы?

На стр. 18 автор пишет: «Войска, ведущие вооруженную борьбу, производящие необходимые средства для нее, транспорт, доставляющий их к месту применения, будут представлять единую систему» (Подчеркнуто нами.— М. У.). всякие неполадки в которой отразятся на успехе вооруженной борьбы». Поскольку речь идет о такой единой системе, делить факторы победы в ней на военные и невоенные, нам кажется, не следует. В войне будущего средствам масштабного поражения войск и тыла принадлежит решающая роль. Война при помощи средств массового поражения более тесна, чем когда-либо ранее, связывает в единую целую экономику, политику и военное искусство.

Правильно, что военная наука прежде всего рассматривает специфическую сторону войны — вооруженную борьбу. Но это еще не значит, что военная наука не должна изучать всех факторов победы. Ведь если отдельить от нее социальные и экономические факторы, то, как это признает тов. Таленский, у военного искусства не остается реальной основы. Само же понятие военной науки при этом сильно сужается.

Поэтому военная наука должна изучать все факторы победы, ибо это изучение чрезвычайно важно для нее.

В современных условиях более, чем когда-либо ранее, сильна зависимость военного искусства от общих законов войны. Военной науке это необходимо учитывать.

Автор статьи морально-политическое состояние народных масс относит к группе социально-политических факторов войны, а морально-боевой дух воинов — к группе военных факторов победы. Следует ли так резко делить эти сходные понятия? Кстати говоря, в нашей военной печати за последние времена наметилась тенденция моральное состояние армии сводить только к так называемому морально-боевому духу войск. Нам кажется, что, несмотря на всю специфику положения человека в боевой обстановке, в будущей войне потребуется одинаковое моральное напряжение как на фронте, так и в тылу хотя бы потому, что средства ведения войны во многом сопротивляются между фронтом и тылом, а иногда положение в тылу может потребовать от людей более высокого морального и физического напряжения.

Надо также исходить из того, что несмотря на известную специфику военных действий люди на фронте движимы теми же социальными, идеальными и моральными силами, что и люди в тылу. Значит, морально-

Sanitized Copy Approved for Release 2011/04/05 : CIA-RDP80T00246A059900080001-9

боевые качества должны быть выработаны как у фронтовика, так и у труженика тыла. Этот вопрос требует дальнейшего научного исследования.

Выдвинутый автором (стр. 30) фактор способ вооруженной борьбы — это не что иное, как военное искусство. Поэтому его правильно определить как фактор военного искусства. Фактор стратегические, оперативные и тактические преимущества целесообразно включить в фактор военного искусства, так как указанные преимущества, особенно тактические и оперативные, не только существуют объективно, но и создаются людьми, войсками в процессе вооруженной борьбы. Это также не что иное, как военное искусство.

В числе военных факторов победы автор на первое место ставит количество и качество вооруженных сил. И это правильно, так как достижение победы нельзя мыслить без определенного количественного и качественного состава вооруженных сил. Но из всех так называемых военных факторов этот фактор является наиболее общим. Он включает количество войск, их вооружение и военную технику, обеспеченность, уровень боевой подготовки и боевой готовности, морально-политические состояния, качество начальствующего состава и другие. Поэтому, не опасаясь за то, что этот фактор явится слишком всеобъемлющим, было бы целесообразнее все эти факторы включить в один фактор количества и качества вооруженных сил. В противном случае из одного фактора искусственно выделяется несколько как бы «подфакторов», происходит искусственное отделение каждой составной части факторов друг от друга. А это может внести только неясность в военную науку.

Полковник М. УСЕНКОВ.

Самолет и ракета как боевые средства

(По иностранным взглядам)

Генерал-лейтенант инженерно-технической службы А. ПОНОМАРЕВ

На страницах иностранной печати активно обсуждается вопрос о замене в ближайшее время самолетов, управляемых летчиком, беспилотными самолетами и самолетами-снарядами, причем широкое внедрение автоматизации в системы управления и боевого применения самолетов сопровождается пересмотром традиционных взглядов на возможность и целесообразность применения в дальнейшем воздушного оружия «старых» типов.

И действительно, в сообщениях о новостях в области военной авиации можно одновременно встретить информацию и о межконтинентальных баллистических ракетах и об экипажных перехватчиках, летающих со скоростью в 2—3 раза большей скорости звука. Поэтому часто спрашивают: могут ли эти два вида летательных аппаратов развиваться одновременно, поскольку экипажный перехватчик не способен перехватить баллистическую ракету; не является ли продолжение разработки пилотируемых истребителей-перехватчиков следствием технической косности, недоверия к новым видам оружия?

В самом деле, в последнее время ракеты доведены до такой степени совершенства, что на них могут быть возложены все важнейшие боевые задачи, которые раньше выполнялись самолетами — перехват, неподдерживаемая поддержка наземных войск и бомбометание как тактическое, так и стратегическое. Еще во время Сuezского конфликта, — указывает на французском журнале, — Советский Союз дал понять, что он может действовать по французской и английской стратегическим зонам, не прибегая к использованию морского флота и авиации, а именно с помощью ракет¹. Журнал правильно считает, что успешное испытание Советским Союзом межконтинентальных ракет и запуск им искусственных спутников Земли, а также запуск американцами ракет и миниатюрных спутников указывает на то, что принятие ракет в качестве не только тактического, но и стратегического средства борьбы — совершившийся факт.

Невольно возникает вопрос, зачем же продолжать разработку перехватчиков, способных летать со скоростью 2500—3500 км/час и на высотах 30—40 тыс. м, зачем нужны эти самолеты и какова их боевая эффективность?

Околозвуковые истребители, такие как американский F-86 «Сейбр», английский «Хантер», французский «Мистер», были спроектированы для перехвата бомбардировщиков, имеющих летные данные, свойственные

¹ «Forces Aériennes Françaises», Mars, 1958.

английским самолетам «Вэлингт», «Вулкан» и «Виктор», американским B-47 и B-52, которые летают на скорости около 900 км/час. Эти истребители имеют скорости порядка 1000—1200 км/час, достаточные для борьбы с называемыми бомбардировщиками. Однако за годы, истекшие со времени создания указанных истребителей, авиация совершила новый скачок. Так, в частности, мировой рекорд скорости полета (хотя он и не полностью отражает действительное состояние авиационной техники) 15 мая 1958 года достиг 2260 км/час. Очевидно, что опытные самолеты имеют еще большие скорости полета.

Конечно, дальние сверхзвуковые бомбардировщики, которые в некоторых странах планируется поставить на вооружение, о чём будет рассказано ниже, не являются единственными целями истребителей-перехватчиков, имеющих большие сверхзвуковые скорости, так как известно, что существуют еще крылатые ракеты и самолеты-снаряды, летные данные которых достаточно близки к данным современных истребителей. Поэтому ясно, что если в случае с баллистическими ракетами перехват пилотируемых истребителей невозможен, то перехват крылатых ракет и самолетов-снарядов, очевидно, возможен.

К истребителю-перехватчику предъявляются требования превосходства в скорости, высоте полета и маневренности перед другими типами самолетов, виду чего, казалось бы, этот самолет должен быть прежде всего легким малоразмерным. Однако, как справедливо иногда указывается, истребитель-перехватчик в послевоенный период активно «обрастал жизнью». Так, истребители периода второй мировой войны при средней скорости полета 700—800 км/час имели полетный вес 3—4 т. У современного же сравнительно легкого истребителя, например, французского «Мистер», он достигает примерно 8 т. Многоместные американские истребители имеют полетный вес 15—20 т, а канадский истребитель дальнего перехвата — около 30 тонн.

Рост полетного веса и размеров истребителей, обусловленный увеличением скоростей полета, связан с ростом потребной тяги и, следовательно, веса двигателей, а также с большими расходами топлива, нужного для полета. Помимо этого их вес и габариты резко увеличивает радиолокационное оборудование. В последнее время некоторые конструкторы перешли к проектированию сравнительно легких типов самолетов-истребителей (американский P-104 и французский «Тридан»). Как указывается, этот тип истребителя может быть весьма полезным в обороне воздушного пространства от налетов самолетов, крылатых ракет и самолетов-снарядов, летающих на средних, малых и очень малых высотах.

Поскольку средства нападения на малой высоте, как иногда предполагают, будут пилотируемыми, обязательно потребуется пилотируемый истребитель-перехватчик, но в таком случае на борту самолета еще нужен человек. «Однако это, по-видимому, последнее место, — замечает один из авторов, — которое человек может сохранить за собой в течение долгого времени, так как сложность летательных аппаратов, необходимых для перехвата целей на больших высотах, все более возрастает»¹.

Вопрос о полной замене в ближайшее время самолетов, управляемых летчиком, часто обсуждается, причем указывается, что самолеты-истребители по своим характеристикам достигают предела психофизических возможностей находящегося в самолете человека, что и становится тормозом их дальнейшего развития. В частности, резкий рост относительных скоростей самолетов при воздушном бою настолько сократил время, в течение которого необходимо обнаружить цель, прицелиться, открыть огонь

и выйти из боя, что использование оружия летчиками без соответствующей автоматизации стало невозможным. Достаточно сказать, что при относительной скорости самолета и цели, соответствующей четырем скоростям звука, летчик способен различить предметы только в пределах конуса зрения, имеющего угол при вершине 15°. За этими пределами летчик практически перестает различать предметы. Указанные обстоятельства привели ряд специалистов еще раз к выводу о необходимости постепенной замены в последующем летчика автоматическими устройствами. Однако существующие пилотируемые самолеты все же представляют довольно грозную силу.

Наличие на вооружении дальних бомбардировщиков, летающих с большими дозвуковыми скоростями на боевых высотах более 17 тыс. м. и термоядерных бомб, которыми возможно поражать цели, рассредоточенные на больших площадях, очень осложнило проблему ПВО. Положение еще более обостряется с появлением на вооружении сверхзвуковых бомбардировщиков и дальних управляемых снарядов, способных проникать глубоко в тыл на несколько минут раньше, чем ПВО сможет определить их как цели. В результате военные руководители, например в США, пришли к выводу, что для обороны от всех видов атак с воздуха (кроме атак баллистических снарядов) необходимо иметь систему, основанную на применении в первую очередь управляемых снарядов, которая должна охватывать большие пространства — не отдельные пункты, а целый ряд объектов, расположенных на больших площадях. Она должна быть связана с широко развернутой системой оповещения и управления, которая одновременно управляла бы всеми другими видами оборонительного оружия (управляемыми снарядами с меньшей дальностью, предназначенными для защиты отдельных объектов, и истребителями ПВО). При этом предполагается, что в развитой в глубину системе ПВО в течение многих лет будут одновременно применяться как управляемые снаряды, так и пилотируемые истребители. Это оправдывается тем, что для обороны больших городов, осуществляющей с помощью управляемых снарядов, обладающих небольшой дальностью, потребуется установить вокруг каждого города десятки батарей таких снарядов. Однако даже в этом случае значительные пространства за линией обороны фактически останутся незащищенными. Существует мнение, что оборона обширных районов с помощью управляемых снарядов с боевой дальностью 30—40 км невозможна по техническим и экономическим причинам. Но она возможна, как показали последние исследования. Но она возможна, как показали последние исследования, если для обороны таких районов выделить несколько батарей управляемых снарядов, обладающих большим огневым мощью и раз в десять большей, чем указано выше, дальностью, при наличии надежной системы дальнего обнаружения и управления. Такой системой американцы считают систему «Сайджик».

При ее использовании одна из передовых станций раннего обнаружения устанавливается за 960 км приближающиеся неопознанные цели. Затем специальные средства на расстоянии 480 км определяют, что это самолеты. Данные о самолетах с момента появления их изображения на экранах радиолокаторов сообщаются этой системой в штаб ПВО, после чего приводятся в действие пилотируемые истребители-перехватчики, управляемые зенитно-рактивные снаряды «Бомарк» или батареи других зенитных средств.

Особого внимания как наиболее современный беспилотный снаряд заслуживает «Бомарк». По внешнему виду — это самолет с треугольными крыльями и хвостовым оперением. В его фюзеляже, имеющем цилиндрическую форму, размещена система наведения, боевой заряд, емкости с топливом и жидкостно-реактивный двигатель. Два прямоточ-

¹ «Forces Aériennes Françaises», Mars, 1958.

ных воздушно-реактивных двигателей крепятся к корпусу снаружи снизу на коротких пилонах.

Тяга снаряда создается, таким образом, тремя двигателями, которые вступают в работу не одновременно. Старт его осуществляется жидкостно-реактивным двигателем. После достижения снарядом необходимой скорости запускаются два прямоточных воздушно-реактивных двигателя, работающие на обычном бензине.

Наведение «Бомарк» на цель осуществляется комбинированной системой, состоящей из наземной системы наведения и бортовой головки самонаведения. Наземное наведение снаряда на начальном и среднем участке его траектории производится с пункта управления, который указывает курс для снаряда. Когда снаряд приближается к цели на расстояние действия своего бортового поискового локатора, им начинает управлять бортовая система самонаведения до тех пор, пока не будет дана команда «огрив».

Считают, что тактическая дальность снаряда должна быть доведена до 400 км, максимальная скорость полета — до 2,5 скорости звука. Эта расчетная скорость достигается на высоте 18 тыс. м. С такой высоты снаряд может атаковать цель, летающую примерно на той же высоте, пикировать на низко летящий самолет или за счет кинетической энергии набирать высоту до 30 км для перехвата высотного управляемого снаряда. Стоимость одного снаряда «Бомарк» около 30 тыс. долларов.

В иностранной печати отмечается, что снаряд «Бомарк» в октябре 1958 года совершил перехват сверхзвуковой мишени, которая приближалась со скоростью 1600 км/час на высоте 14 400 м¹.

Однако зенитная управляемая ракета «Бомарк» имеет и большие недостатки. Так, указывается, что эта гигантская зенитная ракета стоит дорого, так как в дополнение к оборудованию, такому же, как и в перехватчике, она еще снабжена системой телевидения. Кроме того, это аппарат разового применения, он уничтожается при каждом выстреле.

Учитывая это, предлагается создать многоразовый беспилотный перехватчик — носитель управляемых ракет. В этом случае дорогой перехватчик используется многократно. Применяемая же им ракета «воздух — воздух» может быть сделана сравнительно дешевой.

Помимо этого указывается, в частности, что если в мирное время иностранный разведывательный самолет нарушит границу, то для его перехвата должен быть направлен пилотируемый истребитель, поскольку зенитный управляемый снаряд в данном случае неприменим. Его нельзя использовать и для поражения противника, летающего на большом удалении от побережья с целью создания радиопомех. Наконец, выдвигается и тот довод, что если налет самолетов противника совпадает с возвращением своих бомбардировщиков с задания, то зенитные снаряды, которые не могут отличить свои самолеты от чужих, использовать невозможно.

Чаще приходит к выводу, что научно-целесообразный подход к проблеме перехвата, обеспечивая возможность постепенного перехода к беспилотному перехватчику многоразового применения, позволяет пока решать рассматриваемую проблему в пределах психофизических возможностей человека, без которого еще нельзя обойтись на перехватчике. «В недалеком же будущем человек на перехватчике должен уступить место электронной аппаратуре, что подготовлено ходом разработки этой аппаратуры и необходимо в связи с тем, что ускорения на взлете, даже

если он станет вертикальным, будут превышать допустимые для человека»¹.

В качестве примера развития аппаратов перехвата с постепенным вытеснением пилота приводится иногда французский самолет «Тридан». Вариант этого самолета должен быть беспилотным перехватчиком — иносистем управляемых ракетов «воздух — воздух». В отличие от зенитных управляемых ракет он рассчитан на многократное использование, при котором сохраняется дорогой комплект электронного оборудования, заменяющий летчика. При этом, правда, следует иметь в виду, что внедрение в авиационную технику сложных счетно-вычислительных машин и оборудования самолетов, реактивных снарядов и ракет разного рода автоматическими вычислительными устройствами делает особо важной проблему надежности работы этих машин и устройств. Нормы надежности, которые предъявлялись к отдельным агрегатам оборудования до настоящего времени, едва ли могут быть приемлемы для современных летательных аппаратов. Поэтому в некоторых странах были разработаны специальные правила для конструкторов, в которых надежность системы определялась как вероятность успешного действия их в условиях эксплуатации. Надежность сложной электронной системы согласно теории вероятности равна не средней надежности, а произведению надежностей всех частей. Если, скажем, система состоит из ста составных частей, каждая из которых имеет надежность 99 проц., то полная надежность всей системы в целом равна только 36,5 проц. Если же система состоит из 1000 частей, то ее полная надежность составит всего лишь 0,02 процента.

Для повышения надежности системы наряду с увеличением надежности работы ее отдельных частей путем улучшения технологии и точности их производства ведутся большие работы по упрощению конструкций отдельных частей и введение принципиально новых элементов таких, как полупроводники, печатные схемы и т. п.

Некоторые авторы иногда указывают также и на то, что нельзя оправдать систему противовоздушной обороны, основанную на применении только зенитных управляемых ракет. В качестве основной причины возражений против этой системы выдвигается высокая стоимость и сложность производства зенитных управляемых ракет, что ограничивает их запас в данном районе ПВО и не позволяет быстро его возобновить в случае повторных массированных налетов. При этом рассматривается вариант, когда обе стороны возражаются от применения ядерного оружия. В таких условиях будут, видимо, иметь место массированные налеты бомбардировщиков с обычными бомбами, которым (налеты) система, основанная исключительно на применении ракет (в частности, типа «Найк» и «Парк»), противостоять не сможет. В случае же ядерной войны, когда налеты чаще всего будут проводиться небольшими группами самолетов или крылатых ракет, ограниченных запасов зенитных ракет может не хватить. Кроме того, ссылаясь на опыт второй мировой войны, приводят случай растерянности и дезорганизации на немецких радиолокационных станциях и зенитных батареях во время ряда союзных бомбардировщиков, когда ими впервые были сброшены пачки металлизированной бумаги. Если нечто подобное будет применено против батарей зенитных управляемых ракет, то каждый выстрел зенитной ракеты, стоящий более 30 тыс. долларов, будет произведен бесполезно. Между тем при использовании беспилотных перехватчиков бесполезные потери были бы ограничены стоимостью нескольких самолето-вылетов.

¹ «Forces Aériennes Françaises», Mars, 1958.

Sanitized Copy Approved for Release 2011/04/05 : CIA-RDP80T00246A059900080001-9

Немало высказываний ученых и конструкторов встречается в зарубежной печати также по вопросу об оружии на самолетах истребителей. Некоторые американские специалисты не считают необходимым, получив замену пущенного вооружения самолетов управляемыми снарядами. По их мнению, несмотря на все более возрастающее стремление использовать управляемые реактивные снаряды с автономным управлением или самонаведением, пушки и неуправляемые снаряды в течение ближайших лет будут применяться на многих самолетах.

Аналогичных взглядов придерживаются, видимо, и специалисты в Англии, где наряду с управляемым вооружением класса «воздух — воздух» применяется пущенное вооружение. Например, на самолете «Хантер» в качестве основного вооружения устанавливаются 4 пушки различных модификаций. Параллельно с этим большое внимание уделяется также разработке пушек револьверного типа, имеющих повышенный темп стрельбы, а следовательно, и увеличенную огневую секунду огня за полета.

Чтобы проиллюстрировать современные технические тенденции развития пилотируемых истребителей-перехватчиков, рассмотрим некоторые типы истребителей, которые находятся на вооружении стран НАТО или будут приняты в ближайшем будущем к производству.

Одним из основных сверхзвуковых истребителей, нашедших применение в американских ВВС, является самолет «Супер Сейбр» (F-100c). Его модификация отличается усиленным крылом, новым более мощным двигателем и наличием системы заправки топливом в воздухе. На подкрыльевых пилонах этого самолета может быть установлено до 2720 кг бомб или баки с горючей смесью или 21 реактивных снаряда. В фюзеляже и крыле самолета размещается до 4500 л топлива. Вооружение самолета состоит из 4 пушек калибра 20 мм и 90 неуправляемых реактивных снарядов класса «воздух — воздух» калибра 70 мм. Максимальный взлетный вес его достигает 17 т, дальность полета без подвесных баков составляет 1600—1800 км. Самолеты этого типа начали первые полеты в 1955 году и имели тягу двигателей, равную 5300 кг без форсажа и 7700 кг с форсажем. В 1955 году на самолете F-100c был установлен рекорд скорости 1320 км/час. Для комплектования подразделений тактической авиации такие самолеты начали поступать в 1955 году. Различные модификации их, обладающие сверхзвуковой скоростью, используются в варианте тактического истребителя, истребителя-бомбардировщика и даже перехватчика.

В последующем в связи с этим самолета предполагается принять самолет F-105, который может нести в отсеке вооружения (в фюзеляже) атомную бомбу. Скорость его полета без наружной подвески должна достигать двух скоростей звука. Максимальный взлетный вес самолета будет около 18 тыс. кг, а дальность полета с подвесными баками — порядка 3000 км. По данным иностранной печати, у самолета будут сменившиеся новосые части с различным оборудованием, что позволит изменять его назначение в зависимости от того, какая поставлена новосая часть. На самолете предполагается установить двигатель, тяга которого при работе с дожиганием будет около 11 тыс. кг. Вооружение F-105 будет состоять из одной шестистрельной пушки калибра 20 мм со скорострельностью 6000 выстрелов в минуту. Пушка стреляет сквозь отверстие, расположенным на левом борту новосой части фюзеляжа непосредственно за новосым обтекателем радиолокационного оборудования. В дальнейшем пушку 20-мм калибра думают заменить пушкой калибра 30 мм. В случае применения самолета в качестве истребителя-перехватчика на нем предусматривается установить управляемые снаряды с тепловой и радиолокационной головкой самонаведения.

Особенностью самолета F-105 является применение на нем полуавтоматической системы бомбометания с малых высот. Она позволяет летчику для выполнения бомбометания наметить цель и пиковать на нее под углом от 7 до 75° к горизонту; как только цель попадает в перекрестье прицела, летчик нажимает кнопку «начало маневра» и начинает набирать высоту почти под любым «удобным» углом. Вычислительное устройство самостоятельно определяет точный момент сбросывания бомбы и выдает сигнал автоматическому бомбосбрасывателю.

Самолет иного класса американских ВВС является легкий истребитель F-104. Это также сверхзвуковой истребитель со среднерасположенным очень тонким крылом небольшого размаха и высокорасположенным полностью поворотным стабилизатором. На самолете установлен двигатель с тягой до 8100 кг (с дожиганием).

Как полагают авторы проекта этого истребителя, прямое крыло, по сравнению с треугольным, обеспечивает на этом самолете снижение полетного веса и высокие характеристики самолета в варианте истребителя в диапазоне от полутора до трех скоростей звука.

Для предотвращения перехода самолета за пределы критических углов атаки¹, связанных с потерей самолетом устойчивости, на нем имеется автоматическое приспособление для регулирования кабрирующего момента, состоящее из крыльышек, установленных на носке фюзеляжа, которые измеряют угол атаки. При достижении самолетом заданного угла атаки начинается тряска ручки управления, так как в этом случае обычным предупреждением о приближении критических углов атаки будет вибрация крыльев. Кроме того, на самолете имеется искусственный горизонт, который вступает в действие, если пилот слишком быстро или чрезмерно тянет ручку на себя. Прибор вызывает обратное движение ручки и сути является системой искусственного обеспечения устойчивости.

Посадочное шасси самолета, которое не могло быть размещено в крыльях, расположено по бокам фюзеляжа. Шасси в интересах подвески под фюзеляжем атомной бомбы, а под крыльями — наружных контейнеров, сделано довольно высоким.

Катаapultирование летчика производится выбрасыванием сиденья самолета винз².

Вооружение самолета состоит из одной 20-мм многоствольной пушки со скорострельностью 6000 выстрелов в минуту. Как указывается, пушка применяется для воздушного боя и обстрела с воздуха наземных целей. На самолете могут быть установлены также реактивные управляемые снаряды класса «воздух — воздух» с инфракрасной головкой самонаведения. Применяемая на нем система управления пограничным слоем³ уменьшает посадочную скорость и пробег самолета при посадке.

Резко отличается от других типов истребителей канадский самолет CF-105, который, как сообщают, является одним из самых больших и дорогостоящих истребителей. В военно-воздушных силах Англии и США нет подобного самолета. Канада, как полагают канадские специалисты, имеющая большую территорию страны, должна ее оборонять подобным типом самолета. По мнению канадских специалистов, ни одно из имею-

¹ Критический угол атаки — угол атаки, соответствующий максимальному значению коэффициента подъемной силы.

² Имеются сообщения о том, что в настоящее время устанавливается система катапультирования вперед.

³ Пограничный слой — узкая область течения жидкости или газа, прилегающая к поверхности обтекаемого твердого тела, в которой скорость обтекания тела возрастает от nulla на стенке (прилипание) до своего полного значения во внешнем, обтекающем тело потоке.

Sanitized Copy Approved for Release 2011/04/05 : CIA-RDP80T00246A059900080001-9

щихся в настоящее время средства противовоздушной обороны не в состоянии выполнить эту задачу, пока не будут созданы не десятки, а сотни баз для таких средств ПВО, как управляемые снаряды «Бомарк» и «Нэйк-Геркулес». Поэтому для выполнения задачи ПВО требуется пилотируемый самолет, обладающий большой дальностью полета, хорошими летными характеристиками и всеми необходимыми средствами перехвата. В качестве такого перехватчика и был создан самолет СF-105. Это — всепогодный истребитель, вооруженный реактивными снарядами, который может быть также использован как штурмовик и фотозаведение. Взлетный вес самолета составляет около 30 т, а скорость полета должна быть в два раза большей скорости звука. В центральной части фюзеляжа имеется отсек для управляемых снарядов больших размеров. Ширина этого отсека около 3 м. Перед запуском снаряды должны опускаться из фюзеляжа.

На самолете вначале предполагали применить автоматическую систему управления огнем и вооружить его восьмью управляемыми снарядами. Позднее было решено вооружить самолет дальними управляемыми снарядами «Спарроу». В комплекс электронного оборудования самолета должна входить система автоматического управления самолетом, бортовой радиолокатор, система телеметрической связи и навигации, а также приборное оборудование. Первый полет самолет совершил 23 марта 1958 года.

Таковы некоторые образцы самолетов, находящихся в серийном и опытном производстве. Как видно из их описания, в той мере, в какой признается необходимым иметь наряду с беспилотным также и пилотируемыми самолетами, в конструировании последних ясно обнаруживается тенденция всемирной автоматизации управления аппаратом в полете, особенно в процессе его боевого применения, с тем чтобы максимально разгрузить летчика, а в некоторых случаях и полностью заменить автономную выполнение действий, которые оказываются все более несоставляющими психофизическим способностям человека.

Некоторые авторы за границей (Тэйлор и другие) делают попытки определить, какой же будет американо-английская авиация в предстоящем десятилетии (1960—1970 годы). Считается, что по крайней мере в ближайшие 5—6 лет, т. е. в течение срока, который обычно затрачивается на разработку современного перехватчика или стратегического бомбардировщика, на вооружении военно-воздушных сил этих стран будут оставаться ныне существующие и модернизированные самолеты. Ссылаясь на наличие самолетов-заправщиков и транспортных самолетов, как средства обеспечения действий тяжелых и средних бомбардировщиков, а также на базирования BBC США и Англии не только на своих аэродромах, но и на базах других стран, входящих в агрессивные блоки, иностранные обозреватели подчеркивают возможную высокую степень подвижности бомбардировочной авиации как американских, так и английских BBC. Указывается также, что эффективность бомбардировщиков будет увеличена применением с них самолетов-снарядов с ядерной боевой частью, так как в этом случае бомбардировщики-носители могут действовать по целям, находясь за пределами радиуса действий ближайших средств ПВО противника. Таким самолетом-снарядом является подвесываемый под американский самолет B-47 снаряд «Раскал» с дальностью действия 160 км и скоростью полета, в полтора раза превышающей скорость звука. Для самолетов B-52 также отрабатывается самолет-снаряд («Хаунт-Дог»).

¹ «Flight», October, 1958.

САМОЛЕТ И РАКЕТА КАК ВОЕННЫЕ СРЕДСТВА

В связи с таким комбинированным использованием самолета предполагается, что будет значительно продлен срок, в течение которого остаются на вооружении бомбардировщики типа «Вулкан» и «Виктор», для которых также отрабатываются самолеты-снаряды.

Наряду со всем описанным в печати сообщается и о некоторых подробностях предполагаемого перевооружения BBC США на новые самолеты и снаряды. Самолет B-47 намечается заменить самолетом B-58 «Хастлер», летающим на высоте около 15 тыс. м в два раза быстее скорости звука, и баллистическими ракетами «Тор» и «Юпитер», имеющими расчетную дальность 2400 км. Кроме самолета B-52, BBC вооружаются беспилотным бомбардировщиком «Снэрк» с дозвуковой скоростью полета и дальностью до 10 тыс. км. В более отдаленном будущем самолеты B-52 заменят, очевидно, не состоявшими еще на вооружении сверхзвуковым бомбардировщиком на химическом топливе B-70 и межконтинентальными баллистическими ракетами «Атлас» и «Титан». Эти ракеты должны иметь дальность полета 8800 км, самолет B-70 на высоте более 21 тыс. м должен летать со скоростью около 3000 км/час.

На основании всех этих фактов зарубежная печать делает вывод о том, что США на ближайший срок планирования разработок вооружения намерены пока сохранить в составе BBC как пилотируемые, так и беспилотные средства нападения.

Что касается боевых свойств новых самолетов, то укажем, что упомянутый бомбардировщик B-58 «Хастлер», например, вооружается 20-мм выстрелами с радиолокационным прицелом и скорострельностью 7000 выстрелов в минуту. В качестве оборонительного вооружения на борту самолета имеется в виде установливаемых также и снаряды класса «воздух — воздух»; как оружие нападения под фюзеляжем предполагается подвешивать контейнеры с ядерным зарядом. При необходимости вместо контейнера с ядерным боеприпасом здесь размещается установка для создания помех средствам раннего обнаружения и средствам наведения ЗУРС. Самолеты B-58 и B-70 планируются вооружать управляемыми самолетами-снарядами с дальностью, которая, как указывается, позволит носителям не подходить к атакуемым объектам ближе 500 метров.

Пилотируемым ракетам с пилотируемыми самолетами объясняют здесь стремление преодолеть основной недостаток баллистических снарядов — их привязанность к стартовым площадкам. Авторы военных обозрений полагают, что вначале против баллистических ракет у противников не будет других контрудств и мер борьбы с ними, кроме ударов по стартовым установкам. В последующем использование радиолокаторов дальнего обнаружения и счетно-решающих устройств для вычисления точки встречи с головкой ракеты — цели позволяет перехватывать и уничтожать ракеты на большой высоте. Недостатком ракет является то, что они эти ракеты на большой высоте. Недостатком ракет является то, что они эти ракеты на большой высоте. Недостатком ракет является то, что они эти ракеты на большой высоте. Недостатком ракет является то, что они эти ракеты на большой высоте. Недостатком ракет является то, что они эти ракеты на большой высоте. Недостатком ракет является то, что они эти ракеты на большой высоте. Недостатком ракет является то, что они эти ракеты на большой высоте. Недостатком ракет является то, что они эти ракеты на большой высоте. Недостатком ракет является то, что они эти ракеты на большой высоте. Недостатком ракет является то, что они эти ракеты на большой высоте. Недостатком ракет является то, что они эти ракеты на большой высоте. Недостатком ракет является то, что они эти ракеты на большой высоте. Недостатком ракет является то, что они эти ракеты на большой высоте. Недостатком ракет является то, что они эти ракеты на большой высоте.

В своих агрессивных планах военных специалистов стран НАТО большие надежды возлагают на авианосцы, которые могут сравнительно близко подходить к берегам противника и обеспечивать небольшим палубным бомбардировщикам с ядерным оружием возможность достигать своих целей. Скорость одного из таких американских палубных бомбардировщиков на большой высоте будет в два раза превышать скорость звука; взлетный вес его 22,5 т; он способен базироваться на больших авианосцах. Вторым самолетом, предназначенным для базирования на

50X1-HUM

Sanitized Copy Approved for Release 2011/04/05 : CIA-RDP80T00246A059900080001-9

48

А. ПОНОМАРЕВ

САМОЛЕТ И РАКЕТА КАК ВОЕННЫЕ СРЕДСТВА

49

авианосцах, является английский более легкий самолет, рассчитанный для действий на малых высотах.

Указанные типы самолетов, как полагают, в значительной степени усиливают мощь флота. К этому добавляется, что подводные лодки, имеющие палубные ангары для самолетов-снарядов, также являются частью ударных сил флота. После взлета такие лодки могут проводить стрельбу на дальности более 1500 километров.

С учетом всего этого в спорах между сторонниками пилотируемых и беспилотных летательных аппаратов за рубежом чаще всего склоняются к выводу, что ближайшие годы оба эти средства будут дополнять друг друга. Основными из них, как полагают, будут одноместные дневные и двухместные всепогодные истребители, предназначенные для перехвата бомбардировщиков на дальних подступах; высотные зенитные управляемые реактивные снаряды с наклонной дальностью не менее 100–120 км и снаряды для перехвата низко лежащих целей.

Таковы изложенные нами кратко взгляды иностранных специалистов по вопросу о пилотных и беспилотных средствах как боевом оружии.

Для уяснения ближайшей перспективы развития этих средств не лишне рассмотреть те пределы, в которых возможны полеты вообще.

В последнее время специалистами рассматриваются так называемые спектры полетов координат высота — скорость с учетом характеристик различных летательных аппаратов: аэростатов, экспериментальных самолетов и искусственных спутников Земли. Их, касаясь деталей этих спектров, отметим, что на основе их изучения все чаще приходит к заключению, что переход от современных летательных аппаратов к экипажным спутникам теоретически уже не является проблемой и сводится в основном к вопросу о двигателе.

Как показывают расчеты и экспериментальные исследования, наибольшие скорости и высоты полета можно получить на аппарате с ракетным двигателем, не зависящим от атмосферного воздуха. Некоторые специалисты полагают даже, что при дальности полета, составляющей более половины длины окружности земного шара (т. е. 20 тыс. км), ракетный двигатель может оказаться более экономичным, чем газотурбинный.

Таким образом, для баллистического полета или полета при гиперзвуковых скоростях основным является ракетный двигатель, который обладает неоспоримым преимуществом как единственная силовая установка, работающая независимо от наружного воздуха. Хотя при нормальной звуковой скорости ракетный двигатель может обеспечить только очень малые дальности полета, эти ограничения в большой степени уменьшаются, когда становится возможным полет при гиперзвуковой скорости.

Более глубокие исследования и опыт проектирования экспериментальных самолетов приводят специалистов к выводу, что экипажные самолеты с очень высокими скоростями и высотами полета будут продолжать развиваться. Опыт разработки таких самолетов будет использован для создания экипажных спутников и космических кораблей.

Перспективные исследования, связанные с проблемой выхода в космос, обрели реальную почву в связи с выпуском в США экспериментального ракетного самолета X-15, обладающего максимальной скоростью 5800 км/час и позволяющего достигать больших высот.

На существующем уровне развития техники будут, видимо, делаться попытки достичь на экипажном самолете высот более 200 км и скорости порядка 10 тыс. км/час с безопасным спуском в земную атмосферу.

Прогресс в области скоростей и высот будет идти в пределах «коридора», верхняя граница которого определяется подъемной силой данного

самолета, необходимой для установившегося полета, а нижняя — его температурой. В качестве силовой установки для полетов в пределах атмосферы на смену турбореактивному, возможно, придет комбинированный ракетно-прямоточный или ракетно-турбинный двигатель. Для полетов на очень больших скоростях и высотах требуется ракетный двигатель, который для дальностей, больших половины окружности Земли, можетоказаться значительно эффективнее, чем воздушно-реактивные двигатели. Говоря о форме такого самолета, можно указать, что его нагрев при спуске в атмосферу может быть уменьшен за счет затупления профиля крыла, утолщения обшивки самолета, а также с помощью изолирующих покрытий.

Лобовое сопротивление такого самолета имеет сравнительно малое значение, так как в полете за пределами земной атмосферы характеристики летательного аппарата определяются в первую очередь отношением его веса к расположаемой тяге. Лобовое сопротивление и аэродинамическое качество приобретают большое значение только при планирующем полете в пределах земной атмосферы.

Все это будет, видимо, учитывать научно-техническая и конструкторская мысль при разработке летательных аппаратов будущего. С учетом приведенных выше данных науки следует рассматривать также и вероятные направления в решении проблем летания в ближайшей перспективе, которой уже сейчас научно-авиационная мысль уделяет большое внимание. Так, в ряде стран появился немало прогнозов и планов на этот счет. Трудно, конечно, поручиться, что они будут реализованы намечаемые разными авторами сроки. Однако из этих планов можно с уверенностью заключить, что многие задачи, казавшиеся еще не так давно фантазией, получают ныне научное обоснование и выглядят вполне поддающимися разрешению.

Так в общих чертах вырисовывается перспектива развития самолетов и ракет, как она представляется с позиций уже не фантастики, а научного прогноза.

Но при всей грандиозности этой перспективы совершенно очевидно, что, как полагают многие специалисты, пилотируемые самолеты будут в течение еще длительного периода оставаться на вооружении, хотя межконтинентальные и другие баллистические ракеты и будут постепенно вытесняться бомбардировщики. Соединения боевой авиации будут, как полагают, все больше оснащаться ракетами, что умножит возможности военно-воздушных сил и сделает их еще более грозным оружием современной войны.

К вопросу о классификации ракетного оружия

Подполковник С. БЕГУНОВ, полковник И. ЖЕЛТИКОВ

РАКЕТНОЕ оружие является одним из наиболее важных и перспективных видов вооружения современных армий. Впервые широко применено во время второй мировой войны, ракетное оружие в послевоенные годы быстро развивается и совершенствуется, становясь массовым оружием.

Многие капиталистические страны, проводя политику гонки вооружений и подготовки агрессивной войны против СССР и стран народной демократии, приступили к осуществлению обширных программ, предусматривающих разработку ракетного вооружения для сухопутных войск, военно-воздушных сил, военно-морского флота и противовоздушной обороны. На развертывание экспериментальных работ и изготовление этого оружия расходуются огромные средства, причем ассигнования на эти цели из года в год увеличиваются и приобретают все больший удельный вес в военных бюджетах империалистических стран.

По данным американского журнала «Миссайл энд рокитс» № 6 от 11 августа 1958 года, бюджетные ассигнования США на ракетное вооружение за 1948—1954 годы составили 4,5 млрд. долларов. В 1954 году средств было ассигновано в 6 раз больше, чем в 1948 году. В 1957 году на производство и закупку ракетного вооружения и на проведение опытно-конструкторских и научно-исследовательских работ в этой области было выделено уже 5107 млн., а в 1958/59 финансовом году — 6596 млн. долларов.

Огромный размах работ по созданию ракетной техники наблюдается и в других капиталистических странах — Англии, Франции, Западной Германии, Швеции, Норвегии, Швейцарии, Японии, Канаде, Италии.

В настоящее время значительное количество образцов ракетного оружия различных типов уже отработано и принято на вооружение армий США, Англии, Франции, Швеции и др. Вооруженные силы этих стран проводят боевую подготовку с широким использованием ракет, разрабатывают методы боевого применения ракетного оружия, а также формы и способы ведения боя и операции в условиях массового применения ракет.

Учитывая угрозу военного нападения агрессивных империалистических государств, Советский Союз вынужден уделять должное внимание развитию ракетного оружия и оснащению им своих вооруженных сил.

Министр обороны Союза ССР Маршал Советского Союза тов. Малиновский Р. Я. на внеочередном XXI съезде КПСС заявил, что благодаря повседневным заботам Коммунистической партии и ее Центрального Комитета Советские Вооруженные Силы оснащены целой серией боевых баллистических ракет: межконтинентальных, континентальных большой, средней и ближней дальности и целой группой ракет тактического назначения. Ярким свидетельством достижений советской ракетной техники являются успешные испытания в Советском Союзе межконтинентальных баллистических ракет, запуск тяжелых искусственных спутников Земли и первых в мире космической ракеты.

Но обычно быстрое внедрение ракетного оружия, особенно управляемого, во все виды вооруженных сил и роды войск, наблюдаемое после второй мировой войны, объясняется тем, что оно имеет целый ряд преимуществ в техническом и оперативно-тактическом отношении перед прежними видами артиллерийского и авиационного вооружения.

Одно из важнейших преимуществ ракет — возможность управления ими движением к цели.

Обычный артиллерийский снаряд после выхода из канала ствола или авиационная бомба после сбрасывания с самолета продолжают движение согласно законам баллистики, и нет никакой возможности изменить их полет в нужном направлении, даже если бы мы и обнаружили, что они отклоняются от цели. Возможные же отклонения управляемой ракеты от нужного направления можно выявить и устранить с помощью различных автоматических приборов и устройств. Благодаря этому значительно расширяется область применения ракет и увеличивается эффективность их поражающего действия. При стрельбе на большие дальности и в борьбе с самолетами управляемые ракеты являются наиболее перспективным видом оружия. Это видно хотя бы из следующего примера.

Во время второй мировой войны зенитная артиллерия расходовала сотни, а иногда и тысячи снарядов на каждый сбитый самолет противника. Промахи при стрельбе зенитными снарядами по современному маневрирующему самолету, летящему на большой высоте и с большой скоростью, могут быть весьма значительными. В этих условиях ствольная зенитная артиллерия становится практически неэффективной. Зенитные же управляемые ракеты поражают самолеты с вероятностью, близкой к 100 проц. Вследствие этого в системе противовоздушной обороны ряда стран (США, Англии, Франции, Швейцарии и др.) осуществляется замена ствольной зенитной артиллерии большого калибра зенитными управляемыми ракетами.

Совершенствование средств противовоздушной обороны ведет к резкому увеличению скорости и высоты бомбометания. В связи с этим значительно снижается точность попадания бомб в малоразмерные цели, и многие чрезвычайно важные малоразмерные цели (корабли, мосты, переправы, взлетно-посадочные полосы и т. д.) становятся практически трудно уязвимыми для неуправляемых бомб и торпед. Вероятность поражения таких целей управляемыми ракетами путем сбрасывания (запуска) их с самолетов значительно выше.

При сравнении эффективности применения управляемых ракет и обычных авиационных бомб необходимо учитывать также вероятность прорыва бомбардировщика к цели. Прорыв самолетов к особо важным целям будет затруднен сильной системой ПВО. Сбрасывание (запуск) с самолета управляемых ракет производится вне зоны зенитного огня ПВО цели, что значительно повышает вероятность попадания ракет и снижает потери авиации.

Вторым не менее важным преимуществом ракетного оружия является возможность практически неограниченно в пределах земной поверхности увеличить дальность стрельбы.

Как известно, дальность стрельбы современной обычной полевой артиллерии не превышает 25–30 км, а каробельной — 30–40 км. Ракеты же имеют дальность полета, исчисляемую сотнями и тысячами километров, и способны в силу этого поражать не только цели в тактической и оперативной глубине, но и стратегические объекты, расположенные в глубоком тылу. «Наши Вооруженные Силы располагают возможностью боевой реактивной техники, способной поражать как на полях сражений, так и в любой точке земного шара», — заявил Marshal Советского Союза тов. Малиновский Р. Я. на XXI съезде КПСС.

По последним сообщениям иностранной печати, в ряде капиталистических стран интенсивно ведется разработка ракет, предначинаемых для поражения как оперативно-тактических, так и стратегических целей, расположенных в глубоком тылу противника. В США, например, разрабатываются реактивные снаряды для стрельбы в следующих интервалах: 40–250 км, 250–800 км, 800–2500 км, 2500–5000 км, 5000–8000 км. Многие образцы этих снарядов уже отработаны и признаны на вооружение. Большое количество их находится на различной стадии испытаний, отработки и проектирования.

В ряде стран разработаны и совершенствуются реактивные противотанковые и универсальные пехотные снаряды для стрельбы на дальности в пределах до 5 км. Особенно интенсивные работы в этом направлении ведутся во Франции.

Ракеты позволяют резко повысить мощность заряда путем размещения в них большого количества обычного взрывчатого вещества или специальных устройств. Стремление же повысить мощность артиллерийских снарядов привело бы к созданию орудий со стволом большого калибра и веса, что практическое применение подобных орудий стало бы крайне затруднительным, а в ряде случаев и невозможным.

Простота устройства и малый вес стартовых установок дают возможность применять ракеты самых разнообразных условий обстановки, а также запускать их с танков, автомашин, самолетов, легких военных кораблей и других подвижных средств, для которых вес орудия имеет немаловажное значение.

Отмеченные основные преимущества ракетного оружия позволяют с его помощью выполнять целый ряд таких боевых задач, решение которых другими средствами поражения либо вообще невозможно, либо требует большой затраты сил и средств.

Исключительно важное значение приобретает использование ракет в качестве носителей ядерных зарядов. По мнению многих иностранных военных деятелей, управляемые баллистические ракеты и самолеты-снаряды являются наиболее эффективным и дешевым носителем ядерного оружия в условиях ведения войны с сильным и хорошо вооруженным противником, так как эти средства позволяют нанести удары по любым целям, с любым расстоянием и с наименьшим расходом сил и средств.

Таким образом, ракетное оружие — это оружие, наиболее отвечающее современным боевым требованиям, позволяющее «эффективно решать стратегические, оперативные и тактические задачи на суше, в воздухе и на море»¹.

¹ Р. Я. Малиновский. Выступление на XXI съезде КПСС. Внешнепередовой XXI съезд КПСС (Стенографический отчет), часть II. Госполитиздат. 1959, стр. 126.

За последние годы в связи с быстрым развитием ракетного оружия издано большое количество научно-технической и общедоступной популярной литературы по вопросам его проектирования, устройства, эксплуатации и боевого применения.

В литературе появилось много новых наименований, относящихся к ракетной технике. На страницах печати мы часто встречаем такие термины, как «ракеты», «управляемые и неуправляемые реактивные снаряды», «стартовые установки», «реактивные и ракетные двигатели», «системы наведения и управления» и многие другие.

Тот или иной термин выражает определенное понятие, уяснение содержания которого имеет немаловажное значение. Точные, общепринятые наименования помогают военнослужащим более правильно понимать и оценивать новые средства борьбы и делать необходимые выводы о значении их для решения боевых задач в конкретных условиях обстановки.

Приходится, к сожалению, констатировать, что до настоящего времени нет единой, четкой терминологии, касающейся ракетного оружия, и единичных взглядов на его классификацию.

Отсутствие единства взглядов в понимании содержания новых терминов можно объяснить тремя причинами. Первая из них заключается в чрезвычайно быстрых темпах развития ракетной техники, приведших к тому, что в течение примерно десяти лет появились сотни новых наименований, касающихся ракетного оружия. Вторая причина состоит в том, что наименование новых образцов и других предметов, имеющих отношение к ракетной технике, присваивались отдельными ведомствами, организациями и лицами. И третья причина — отсутствие военной энциклопедии и словарей-справочников, которые являлись бы единым и общим научным руководством для военно-учебных заведений, научно-исследовательских и конструкторских организаций, редакций печатных органов, издательств, штабов и всего личного состава вооруженных сил.

Вследствие всего этого создалось положение, когда в один и тот же термин неоднократно вкладывается различное содержание. По-разному понимаются, например, термины «ракетное оружие» и «рактивное оружие». Некоторые товарищи под термином «ракетное оружие» понимают снаряды с реактивным двигателем, работающим на твердом топливе. Другие же считают, что это снаряды с реактивным двигателем, работающим на жидком топливе. Существуют мнения, что к ракетному оружию следует отнести такие летательные аппараты, которые имеют так называемый автономный «ракетный» двигатель, т. е. двигатель, обеспечивающий полет ракеты без использования кислорода окружающего воздуха, а все остальные снаряды с двигателями относят к реактивному оружию. Наконец, некоторые предлагают под ракетным оружием понимать только баллистические ракеты.

Нам кажется, что с этими мнениями соглашаться нельзя. Важнейшими техническими показателями конструкции всякой ракеты являются ракетный двигатель, аэродинамическая компоновка и система управления. Однако любой из этих показателей, вероятно, можно считать определяющим в понимании того или иного термина. Показатели можно рассматривать только комплексно.

Известно, например, что на многих ракетах (реактивных снарядах) могут применяться двигатели различной конструкции, которые используют различные компоненты топлива: один из них могут работать только в плотных слоях атмосферы, другие — и за их пределами. Как известно,

на большинстве образцов неуправляемых и управляемых снарядов (ракет) ставятся только ракетные (автономные) двигатели. На некоторых ракетах (в частности, на самолетах-снарядах) в качестве основного (маршевого) применяется воздушно-реактивный двигатель. Однако, как правило, кроме маршевого двигателя, на них ставятся стартовые ускорители (ракетные двигатели), суммарная тяга которых может значительно превосходить тягу маршевого двигателя. Вследствие этого уже нельзя делить рассматриваемое оружие на реактивное и ракетное по двигательным установкам.

Но менее сложно обстоит дело и с другими техническими показателями ракет — аэродинамической компоновкой и системами управления.

В изданный за последние два года литературе по ракетной технике не внесена ясность в понимание терминов «ракетное оружие» и «реактивное оружие», хотя оба эти термины широко используются авторами книг и брошюр. В качестве примера мы укажем книгу «Реактивное оружие капиталистических стран», составленную группой авторов под руководством Юриянина Д. А. и выпущенную Военным издательством Министерства обороны СССР в 1957 году. В книге встречаются термины «реактивное оружие», «управляемые снаряды», «ракеты», касающиеся одного и того же оружия, а объяснения самих терминов не дано.

Поскольку существуют различные термины, содержание которых не определено, каждый может подразумевать под этими терминами что угодно и не всегда, конечно, то, что тот или другой термин должен обозначать.

По нашему мнению, термины «ракетное оружие» и «реактивное оружие» по своему содержанию идентичны. Как тот, так и другой включают понятие о снарядах, имеющих только ракетные или ракетные и реактивные двигатели и применяемых в качестве средств вооруженной борьбы. Иначе говоря, каждый из этих терминов включает в себя весь комплекс неуправляемых и управляемых реактивных снарядов (баллистических и крылатых ракет), т. е. все типы ракет от самых малых, применяемых для борьбы с танками, до современных межконтинентальных крылатых и баллистических, с их стартовыми установками, системами управления и контроля. Нам кажется, что такое понимание указанных терминов является более научно обоснованным.

В настоящее время отсутствует единство в понимании также таких терминов, как «баллистические ракеты», «крылатые ракеты», «беспилотные средства борьбы».

Мы считаем, что к баллистическим ракетам относятся те ракеты, траектория полета которых после окончания работы двигателя является баллистической кривой (траекторией свободно брошенного тела). Другими словами, к ним следует отнести как неуправляемые, так и управляемые реактивные снаряды, не имеющие несущих поверхностей — крыльев. Первоначальной поддерживающей силой этих ракет является тяга ракетного двигателя. Дальность полета баллистических ракет достигается за счет запаса кинетической энергии, получаемой при работе двигателей. После выключения двигателя баллистическая ракета продолжает полет под действием силы инерции.

В зависимости от предназначения конструкции баллистических ракет могут быть одноступенчатые или многоступенчатые. Их двигатели могут работать на твердом или жидком топливе, обычно двухкомпонентном (горючее и окислитель). Запускаются баллистические ракеты с на-

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ РАКЕТНОГО ОРУЖИЯ

земных или корабельных стартовых установок. Для многоступенчатых ракет старт, как правило, вертикальный; для одноступенчатых — вертикальный или наклонный. Баллистическая ракета имеет сигарообразную обтекаемую форму.

Принципиальными особенностями баллистических ракет являются большая высота основной части их траектории полета и огромные скорости полета, в силу чего они мало уязвимы средствами ПВО. Боевая часть их может быть снаряжена обычными ВВ, химическими ОВ, атомными или термоядерными зарядом. У некоторых ракет боевая часть может в полете отделяться от корпуса, чем достигается улучшение ее баллистических качеств и увеличивается дальность стрельбы.

Совершенно иную группу составляют так называемые «крылатые ракеты». К ним относятся все снаряды, имеющие несущие поверхности (крылья) и приводимые в движение ракетными или ракетными и реактивными двигателями (двигателями).

Крылатые ракеты, имеющие аэродинамическую форму самолета, принято называть самолетами-снарядами. Движение к цели самолет-снаряд совершает под действием силы, развиваемой на начальном участке пути стартовыми ускорителями, затем — маршевым реактивным двигателем. Маршевый двигатель, как правило, воздушно-реактивный, работающий на жидком горючем, окислителе — кислороде воздуха. Двигатель работает под подходом самолета-снаряда к району цели и выключается с переводом ракеты в пикничивание. Для взлета и набора высоты, кроме основного двигателя, в самолетах-снарядах обычно применяются стартовые ускорители.

Пуск самолетов-снарядов производится обычно с наклонных направляющих стартовых установок, которые размещаются непосредственно на земле или могут быть смонтированы на шасси грузовых автомашин, танков, бронетранспортеров, на кораблях различных классов, в том числе и на подводных лодках. Курс и высота полета самолетов-снарядов обеспечиваются системой управления. Следовательно, все они относятся к управляемым. Самолеты-снаряды могут применяться для поражения наземных или надводных целей. Недостатками их являются относительно небольшие скорость и высота полета, в связи с чем они могут уничтожаться средствами ПВО, как обычные самолеты.

Несколько другую аэродинамическую компоновку имеют крылатые ракеты, предназначенные для поражения воздушных целей. Они используются по другим схемам, имеют менее развитые крылья и, как правило, вертикальный старт.

Все крылатые ракеты, так же как и баллистические, могут нести боевой заряд обычного, атомного или термоядерного взрывчатого вещества.

Весьма запутано также и содержание термина «беспилотные средства». Некоторые товарищи под этим термином понимают только крылатые ракеты; другие — все управляемые с земли, корабля или с воздуха самолеты и ракеты, в том числе и баллистические; наконец, третьи в содержание термина «беспилотные средства» вкладывают все ракетное оружие — как управляемое, так и неуправляемое.

Нам кажется, что все эти толкования термина «беспилотные средства» не только неточны, но и неправильны. Дело в том, что баллистические, достигнутые за последние 10 лет в ракетостроении и самолетостроении, свидетельствуют о постепенном сглаживании грани между современными самолетами и управляемыми баллистическими ракетами. Скорость самолетов резко возросла, аэродинамическая компоновка их де-

ляется все более обтекаемой, сокращаются размеры несущих поверхностей (крыльев), увеличивается тяга двигателей.

В последнее время предпринимаются попытки поставить на самолет вместо воздушно-реактивного чисто ракетный «автономный» двигатель, который работал бы не только в плотных слоях атмосферы, но и за ее пределами, с возможностью развивать скорости полета самолета до 10 тыс. км/час и достигать потолка в сотни километров. Спроектированы самолеты с вертикальным стартом. Такие самолеты по своим техническим показателям визуально подошли к баллистическим ракетам.

Не исключено, что развитие аэродинамических качеств летательных аппаратов, двигательных установок и систем управления позволит в недалеком будущем осуществлять конструкции летательных аппаратов, которые на начальном и основном участках траектории будут баллистическими, а затем планировать посредством выпускающихся из корпуса крыльев. Последние достижения науки и техники в ряде стран, особенно запуск тяжелых спутников Земли и космической ракеты в Советском Союзе, открывают в создании подобных аппаратов безграничные перспективы.

В свете высказанных суждений нам кажется более правильным под термином «беспилотные средства» понимать самолеты или ракеты, которые вместо экипажа управляются автоматически действующими системами управления. При этом нельзя согласиться с теми товарищами, которые отождествляют термины «беспилотные средства» и «управляемые снаряды». Термин «управляемые снаряды» более широк: он включает все баллистические и крылатые ракеты, оборудованные приборами управления полетом. В числе других управляемых снарядов относятся противотанковые и авиационные управляемые снаряды, которые по своим размерам, дальности действия и иным показателям никак нельзя отнести к беспилотным средствам. На них невозможно разместить экипаж даже из одного человека.

Отсутствие четкой научно обоснованной классификации ракетного оружия значительно тормозит его изучение, затрудняет правильное понимание особенностей ракет и уяснение вопросов их боевого применения. В настоящее время классификация ракетного оружия пока что сводится только к делению всего ракетного оружия на четыре класса: «земля—земля» («земля—вода», «вода—земля», «вода—вода»), «земля—воздух» («вода—воздух»), «воздух—воздух» и «воздух—земля» («воздух—вода»). В качестве показателей для такой классификации выбрано место старта ракеты и положение цели. Подобная классификация, в которой нет данных о типах ракет, не позволяет даже приближенно представить себе характеристику того или другого образца ракетного оружия.

«Старые» виды вооружения классифицировались, как известно, прежде всего по своему предназначению. Так, например, артиллерия в свое время подразделялась на полевую, крепостную и береговую. С появлением и развитием самолетов и танков появилась и стала быстро развиваться артиллерия, предназначенная специально для борьбы с самолетами и танками, — она получила название зенитной и противотанковой.

По техническим характеристикам вся материальная часть артиллерии независимо от предназначения, решаемых задач, организационной принадлежности и калибров относилась к тем или другим типам орудий: пушкам, гаубицам, мортирам, минометам. Уже одно наименование типа орудий давало определенное представление о технических характеристиках вооружения.

Деление ракетного оружия на названные выше четыре класса позволяет судить лишь о местонахождении стартовой позиции этого оружия и о положении цели. Конечно, этого далеко не достаточно, и такая классификация не отвечает достигнутому уровню развития ракетного оружия. Она даже не определяет принадлежности ракетного оружия к тому или иному виду вооруженных сил — сухопутным войскам, военно-воздушным силам, военно-морскому флоту или войскам противовоздушной обороны — и не раскрывает характеристики ракет: способов наведения и управления, их аэродинамической компоновки, характера траектории, конструкции двигательных установок, возможного характера решаемых задач. Несущиеся этими ракетами боевые заряды также остаются неизвестными.

Создалось положение, когда каждый класс боевых ракет имеет множество самых различных «образцов». Так, например, к классу «земля—земля» относятся: французский противотанковый управляемый реактивный снаряд SS-10, американские неуправляемые реактивные снаряды «Литл-Джон», «Онест-Джон», управляемые снаряды «Капрал», «Матадор», «Редстоун», «Юпитер», «Тор», «Спарк», «Атлас», «Титан» и другие. Как мы видим, к одному и тому же классу причислено различные образцы ракетного вооружения: во-первых, по системам наведения и управления — управляемые и неуправляемые; во-вторых, по аэродинамической компоновке — баллистические и крылатые; в-третьих, по дальности действия — как с очень ограниченной дальностью, так и межконтинентальные; по двигательным установкам — работающие на твердом или жидком топливе; наконец, принадлежащие к различным видам вооруженных сил.

Диапазон задач, решаемых ракетным оружием, относящимся к классу «земля—земля», очень велик и разнообразен — от уничтожения отдельных огневых точек и танков до крупных объектов, имеющих стратегическое значение. Это самый многочисленный, самый разнообразный и самый сложный класс ракетного оружия по всем показателям.

По другим классам количество образцов ракетного оружия является, наложение от этого не становится яснее.

Мы считаем целесообразным при классификации ракетного оружия прежде всего указывать его принадлежность к тому или иному виду вооруженных сил. Далее, на наш взгляд, уже настала необходимость разделить классы ракетного оружия на подклассы. В качестве критерия для деления на подклассы, по нашему мнению, следует избрать способы наведения ракет на цель и управления или в полете. В каждом классе будет два больших подкласса: неуправляемых и управляемых ракет, каждый из которых имеет свои особенности.

Ракетное оружие подкласса неуправляемых, как правило, имеет твердотопливные (пороховые) двигатели, меньшие дальности стрельбы. Эти ракеты запускаются с наклонных направляющих и имеют относительно дальности полета большее распределение.

Ракетное оружие подкласса управляемых сложнее по устройству и обладает большими дальностями стрельбы (за исключением управляемых противотанковых и некоторых авиационных ракет). По аэродинамической компоновке и характеру траектории в подкласс управляемых могут входить ракеты одного или двух существующих типов: баллистические или крылатые, или те и другие, тогда как в подклассе неуправляемых могут находиться только баллистические ракеты, поскольку крылатые обычно являются управляемыми.

Подкласс управляемых будут ракеты с различными системами управления. В зависимости от предназначения и конструкции в совер-

менных управляемых ракетах применяются автономные системы управления, телуправление, самонаведение или комбинированные системы управления.

Автономная система управления состоит из приборов управления, установленных на борту ракеты и управляющих ее полетом по заданной траектории без связи с командным пунктом. Она проста по устройству, траектория не подвержена искусственно создаваемым радиопомехам. Для повышения точности попадания в цель в ракетах с большим радиусом действия и автономными системами управления могут применяться астронавигационные устройства.

Система телуправления включает комплекс бортовой аппаратуры ракеты и аппаратуру командного пункта. С командного пункта ракета управляется в полете, т. е. поддерживается обычно при помощи радиопереводчиков и радиопримечного устройства на прямой, соединяющей командный пункт с целью, или в плоскости, проходящей через командный пункт и цель. Для повышения точности наведения ракеты на цель могут применяться системы телевизионного телуправления и системы самонаведения, которые включаются с приближением ракеты к цели. Системы телуправления подвержены радиопомехам.

В ракетах с большим радиусом действия обычно применяются комбинированные системы управления: автономное и телуправление на базисной части пути полета ракеты и самонаведение — на заключительной, т. е. вблизи цели.

Чрезвычайно большое количество различных образцов боевых ракет, относящихся к классу «земля — земля», и широкий диапазон решаемых ими задач вызывают необходимость их дальнейшей классификации. Пороховые ракеты с дальностью стрельбы до нескольких десятков километров, предназначенные для уничтожения на поле боя отдельных целей и групп целей, и стартовые установки для их пуска могут применяться непосредственно в боевых порядках войск. Командиры подразделений, вооруженных такими ракетами и стартовыми установками, получают задачу от командиров общеевойсковых частей и соединений. Это ракетное оружие может быть применено немедленно, не требуя дополнительного времени на подготовку.

Ракеты, имеющие большие размеры и более сложные по устройству, способные достигать больших дальностей полета и нести мощные боевые заряды, могут решать более важные задачи. Такие ракеты нуждаются в других способах материально-технического и других видов обеспечения. Они требуют известного времени на подготовку к выполнению задач. Все это создает несколько иные условия взаимодействия этих ракет с подразделяемыми войсками.

Само собой понятно, что еще более сложно обеспечение и применение ракет, имеющих дальность полета в тысячи километров, способных нести мощные атомные или термоядерные боевые заряды. Они уже не могут быть привязаны к ракетам, предназначенным для непосредственной поддержки войск.

Поэтому с точки зрения предназначения, выполняемых задач и обеспечения ракетных частей всем необходимым все ракетное оружие класса «земля — земля», как отмечается в иностранной печати, можно подразделить на три группы: тактическое, оперативное и стратегическое оружие.

К тактическому ракетному оружию целесообразно отнести все ракеты независимо от способа их наведения и управления, двигателей установок и мощности заряда, с дальностью стрельбы до 100 км, т. е. ракеты, которые могут действовать на поле боя непосредственно войсками, передвигаясь в их боевых порядках и решать за-

дачи в интересах общеевойсковых частей и соединений. В эту группу войдут противотанковые управляемые ракеты, ракеты, применяемые для стрельбы из ручей, багутатных орудий в стартовых установках со многоточечной (легкие системы) или одиночными (тяжелые системы) направляющими.

К оперативному ракетному оружию можно отнести все ракеты независимо от их аэродинамической компоновки и характера траектории, стартового оборудования, применяемых систем управления, двигательных установок и мощности зарядов, имеющие дальности стрельбы от 100 до 1000 км, т. е. то ракетное оружие, которое по своим техническим характеристикам в наибольшей мере может быть использовано в интересах крупных войсковых объединений.

Все остальные ракеты, имеющие дальность полета свыше 1000 км, в том числе межконтинентальные ракеты и искусственные спутники Земли, запускаемые с военными целями, отнесены к группе стратегического ракетного оружия.

Разумеется, было бы неправильно искать какие-то границы в задачах, решаемых различными группами ракетного оружия одного и того же класса, например между задачами оружия тактического и оперативного назначения или между задачами, решаемыми группами ракетного оружия оперативного и стратегического назначения. В целом разница в решаемых задачах большая, но эти задачи не только соприкасаются, но и переплетаются между собой.

Условное деление ракетного оружия класса «земля — земля» на три группы отвечает предназначению этих групп и решаемым ими задачам в общем их виде.

Разделит ракетное оружие класса «земля — земля» на три группы, мы уже можем изобразить всю классификацию ракетного оружия в виде таблицы, по которой можно представить и оценить это боевое средство по его положительным и отрицательным качествам.

Классификация ракетного оружия, приведенная в таблице (стр. 60-61), на наш взгляд, дает возможность оценить не только отдельные образцы, но целые группы ракетного оружия, в частности класса «земля — земля».

Принадлежность к тому или другому подразделению характеризует относительные величины рассеивания, а значит и точность попадания в цель. Тип ракет дает представление о ее аэродинамической компоновке и траектории, а следовательно, и о возможности борьбы с различными образцами ракет средствами ПВО. Данные о двигательных установках раскрывают картину возможных способов снабжения и обеспечения ракет, времени, необходимого на подготовку их к пуску, и огневой проницаемости подразделений и частей. Боевой заряд и дальность полета ракет характеризуют поражающие факторы этого заряда и возможные объекты поражения.

Быстрое развитие ракетного оружия, массовое внедрение его во все виды вооруженных сил и роды войск и повышение его роли в решении боевых задач закономерно вызывают большой интерес широких кругов военной общественности к изучению этого оружия, вопросов его боевого применения. В этих условиях достижение единого понимания содержания терминов, относящихся к ракетному оружию, установление четкой классификации этого оружия являются совершенно необходимыми. Они будут способствовать дальнейшему развитию научно-исследовательской работы в этой области и развитию нашей военной теории, а также значительно облегчат изучение и понимание положений уставов и наставлений.

Таблица классификации ракетного оружия
(Приводится по иностранным образцам)

Классы, группы и наименование образцов ракетного оружия	Подклассы	Подподклассы	Типы ракет	Двигательные установки	Дальность полета (в км)	Боевой заряд
«Земля — земля»						
Тактического назначения						
«Дарт»	—	По проводам	Крылатая Баллистическая	ПРД*	1,6—4,8	Обычное ВВ
Пусковая установка ТБС (24 направляющих)	Неупр.	—	Баллистическая	ПРД	4,75	Обычное ВВ
«Литтл-Джон»	Неупр.	—	Баллистическая	ПРД	16,2	Обычное ВВ
«Овест-Джон»	Неупр.	—	Баллистическая	ПРД	27	Обычное ВВ или атомный
«Капран»	—	ТУ**	Баллистическая	ЖРД***	88	Атомный
Оперативного назначения						
«Редстоун»	—	АУ****	Баллистическая	ЖРД	320	Атомный
«Матадор»	—	ТУ	Самолет-снаряд	ТРД** + ПРД (пороховой стартовый ускоритель)	960	Атомный
Стратегического назначения						
«Юнайтер»	—	ТУ	Баллистическая	ЖРД	2400	Атомный или термоядерный
«Снарк»	—	ТУ + астронавиг.	Самолет-снаряд	ТРД + ПРД (пороховой стартовый ускоритель)	6400	Атомный или термоядерный
«Земля — воздух»						
«Найк-Айкс»	—	ТУ	Крылатая	ЖРД	38,4/23***	Обычное ВВ
«Найк-Геркулес»	—	ТУ	Крылатая	ЖРД	80/27	Атомный

* ПРД — пороховой ракетный двигатель.

** ТУ — телеприведение.

*** ЖРД — ракетный двигатель на жидком топливе.

**** АУ — автономное управление.

** ТРД — турбореактивный двигатель.

*** В знаменателе — досягаемость по высоте.

К ВСПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ РАКЕТНОГО ОРУЖИЯ

61

Классы, группы и наименование образцов ракетного оружия	Подклассы	Подподклассы	Типы ракет	Двигательные установки	Дальность полета (в км)	Боевой заряд
«Воздух — воздух»						
«Дженни»	—	СН****	Крылатая	ЖРД	28	Обычное ВВ
«Фалкон»	—	СН	Крылатая	ПРД	4,8	Обычное ВВ
«Воздух — земля»						
«Раскал»	—	КУ****	Крылатая	ПРД	160	Термоядерный

**** СН — самонаведение.

**** КУ — комбинированное управление.

Излагая мнения по терминологии и классификации ракетного оружия, авторы не претендуют на безупречность своих предложений. Тем не менее они надеются, что предлагаемое понимание терминологии, относящейся к ракетному оружию, и его классификации может служить основой для дальнейшего их совершенствования.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ**Форсирование Вислы войсками
8-й гвардейской и 69-й армий**

(27 июля — 4 августа 1944 года)

Подполковник М. АЛЬГОВЗЕН

ТРУДЯЩИЕСЯ Польской Народной Республики 22 июля отмечают 15-летие своего национального возрождения и установления народно-демократического строя. Вместе с польским народом эту знаменательную дату отмечают народы СССР и всего социалистического лагеря.

Начало освобождения Польши от фашистского рабства было положено в июле 1944 года, когда войска 1-го Белорусского фронта, разразив наступление, вышли на государственную границу СССР с Польшей и форсировали реку Западный Буг. В составе войск фронта была 1-я Польская армия. На освобожденной польской земле было создано первое в истории польского народа правительство рабочих и крестьян.

Возникновение народной демократии в Польше положило начало коренным революционным преобразованиям в стране. «Социализм, — говорил тодорик В. Гоцулька в отчетном докладе ЦК III съезду Польской объединенной рабочей партии, — принес Польше независимость, и только социализм гарантирует вечность, безопасность и дальнейшее всестороннее развитие нашей родины»¹.

Вместе с Советской Армией за освобождение польского народа и за победу над фашистской Германией героически сражались воины Народного Войска Польского, чьи храбрые и искусные действия в годы Великой Отечественной войны неоднократно отмечались в приказах Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР.

В совместной борьбе против общего врага скреплялось кровью бое-вое содружество советских и польских воинов. Ярким свидетельством этого являются совместные боевые действия по форсированию Вислы в 1944 году.

Форсирование Вислы войсками 8-й гвардейской и 69-й армий 1-го Белорусского фронта было осуществлено на завершающем этапе Люблинско-Брестской наступательной операции. Оно протекало в сложных условиях: после продолжительного и стремительного преследования противника, в обстановке ожесточенного сопротивления врага, усилившего подтянутые резервы и частично организовавшей оборону западного берега реки. Захват советскими войсками плацдармов на западном берегу Вислы сорвал планы гитлеровского командования по созданию очередного «оборонительного вала» на мощном водном рубеже — реке Висле и обеспечил благоприятные условия для последующего наступления наших войск к границам Германии.

¹ «Коммунист» № 4, 1959, стр. 129.

В ходе Люблинско-Брестской наступательной операции, начавшейся 18 июля 1944 года и проводившейся с целью освобождения юго-западных районов Белоруссии, выхода на государственную границу СССР с Польшей по реке Западный Буг и последующего наступления на Варшаву и к Висле, войска левого крыла 1-го Белорусского фронта (70-я, 47-я, 8-я гвардейская, 69-я армии, 1-я Польская армия, 2-я танковая армия, 2-я и 7-я гвардейские кавалерийские корпуса, 11-й танковый корпус) при поддержке авиации прорвали оборону противника в районе западнее Ковеля на фронте более 80 км, разгромили его противостоящую группировку, продвинувшись на 150—200 км и к 25 июля общевойсковыми армиями вышли к Бресту и на рубеж Лукув, Люблин. К этому же времени 2-я танковая армия, преследуя отходящего противника своими 16-м и 3-м танковыми корпусами, вышла к Висле и овладела крупными опорными пунктами в обороне противника — городами Демблин и Пулавы (схема 1).

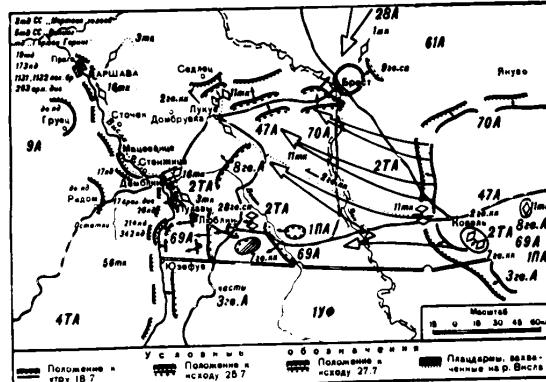

Схема 1. Наступление войск левого крыла 1-го Белорусского фронта и выход их к Висле.

Таким образом, в результате стремительного наступления войск левого крыла 1-го Белорусского фронта группировка противника в районе Бреста оказалась охваченной и стояла перед неизбежным окружением. На других направлениях остатки разгромленных частей противника вели сдерживающие бои и отходили к Варшаве и за Вислу. Задача, поставленная армиям левого крыла фронта по выходу на рубеж Лукув, Люблин, была в основном выполнена. Наши общевойсковые армии на лублинском направлении находились на расстоянии 60—80 км от Вислы, а соединения 2-й танковой армии уже вышли к реке. Однако форсировать ее с ходу соединения 2-й танковой армии не удалось.

В этой обстановке командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Рокоссовский К. К. в соответствии с общими указа-

ними Ставки Верховного Главнокомандования на операцию решил войсками правого крыла фронта во взаимодействии с 70-й армией продолжать наступление на запад с целью завершить окружение и уничтожение брестской группировки противника, а войсками левого крыла продолжать преследование отходящего противника на седлецком направлении и выйти к предместью Варшавы Праге и реке Вислы южнее Варшавы.

Выполнив эти задачи, войска 70-й армии продолжали наступление, форсировали Западный Буг южнее и юго-западнее Бреста и совместно с войсками правого крыла вели боевые действия на окружение брестской группировки противника; 47-я армия вслед за 11-м танковым и 2-м гвардейским кавалерийским корпусами развивала наступление в общем направлении на Седлец; 8-я гвардейская армия, используя успех 2-й танковой армии, продвигалась на северо-запад, имея задачей перерезать железную дорогу Брест — Радом и выйти на рубеж (иск.) Домбровка, Машевице и далее по восточному берегу Вислы до Стендзинца включительно. Главные силы 69-й армии к этому времени продвигались на запад к реке, имея впереди себя три передовых отряда, по одному от каждого стрелкового корпуса. Войска 1-й Польской армии, находившиеся ранее в резерве фронта, 27 июля начали выходить к Висле в районе Демблин и сменили находившиеся здесь части 2-й танковой армии¹.

Чтобы оказать содействие войскам правого крыла фронта на седлецком направлении, командующий войсками фронта изменил направление удара 2-й танковой армии, повернув ее на северо-запад. Слав свою поэзию подошли соединениям 69-й и 1-й Польской армий, 2-я танковая армия с 27 июля продолжала наступление параллельно Висле, нанеся свой главный удар на Прагу с юго-востока. Часть же сил (1-я Польская армия) продолжала наступление на запад и выходила к Висле, чтобы форсировать ее в своих полосах. Выполнение этой задачи осложнялось тем, что подготовка к форсированию осуществлялась в ходе стремительного преследования противника, в процессе которого переправочные средства и значительная часть артиллерии далеко отставали от передовых частей.

Немецко-фашистское командование придавало большое значение удержанию своей обороны по западному берегу реки, являвшейся мощной водной преградой на пути движения советских войск на запад. Ширина Вислы в различных местах неодинакова. На участке от Варшавы до Юзефув она колеблется в пределах 600—1000 м, причем наиболее узкая часть находится между населенными пунктами Пулавы и Юзефув, т. е. в полосе наступления 69-й армии. Средняя глубина реки — 4—6 м, скорость течения — 1—2 м/сек. Берега реки крутые, при этом западный берег командаут над восточным, что дает противнику большие удобства для организации обороны.

В рассматриваемом районе было два моста через Вислу: один — шоссейный в районе Пулавы и второй — шоссейный и железнодорожный в районе Демблин. С отходом противника за Вислу оба моста были разрушены, а имевшиеся на отдельных участках паромные переправы уничтожены. Бродов в этом районе не было.

Река Висла являлась для противника очень выгодным рубежом, мощным естественным противотанковым препятствием, преодоление которого требовало от наших войск высокого искусства, смелости и решительности в действиях.

В связи с успешным наступлением наших войск немецкое командование предприняло попытку провести ряд срочных мер по усилению своей обороны. 25 июля командующий 4-й немецкой танковой армией издал

специальный приказ, в котором требовал «всеми средствами форсировать строительство укреплений на протяжении всего участка обороны, привлекая для этого возможно большее количество гражданского населения». Одновременно с инженерным оборудованием обороны противник усилил и свою группировку, за счет подходящих резервов и сил, перебрасываемых с других направлений. Для этого в район Варшавы и на подступах к ней к концу июля были сосредоточены танковые дивизии СС «Мертвая голова», «Викинг» и «Герман Геринг», 19-я танковая и 173-я пехотная дивизии, 1131-я и 1132-я пехотные бригады, а по западному берегу Вислы к 25 июля заняли оборону 17-я пехотная и 174-я резервная дивизии, подчинившие себе остатки ранее разгромленных соединений и частей 56-го танкового корпуса 4-й танковой армии. В оперативном резерве были две пехотные дивизии, находившиеся на восстановлении в районах Груец и Радом, 11-й пограничный полк и учебно-показной батальон 2-й берлинской школы.

Средняя тактическая плотность обороны противника на Висле южнее Варшавы составляла 0,2—0,4 батальона и 3—4 орудия и миномета на 1 км фронта. Наибольшая плотность обороны была против войск 69-й армии, где она достигала более 0,8 батальона, 4 орудий и 4 минометов на 1 км фронта. Севернее Демблин оборона противника была слабее, а ее плотность не превышала 0,2 батальона и 1—2 орудия на 1 км фронта.

Значительная роль в планах гитлеровского командования по удержанию западного берега Вислы отводилась авиации, которая насчитывала 420—450 самолетов, в том числе более 200 бомбардировщиков. Командующий немецкими 6-м воздушным флотом генерал-полковник фон Грайм заявлял, что он постарается сосредоточить как можно больше авиации и сведет бой за превосходство в воздухе «по меньшей мере к бою местного значения».

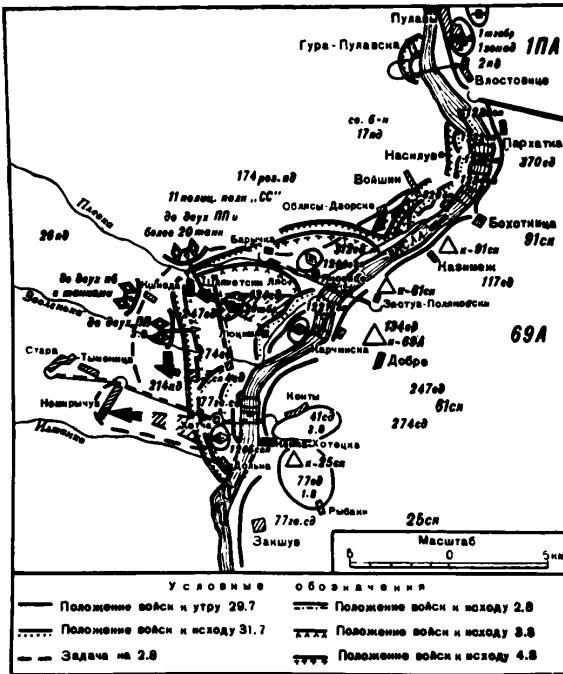
В ходе преследования отходящего противника вслед за соединениями 2-й танковой армии утром 27 июля вышли к Висле передовые отряды 69-й армии (командующий армии генерал-лейтенант Колпакин В. Я., член Военного совета генерал-майор Щелаковский А. В., начальник штаба генерал-майор Владимирский А. В.). Каждый передовой отряд состоял из хорошо укомплектованного стрелкового батальона, усиленного одной — двумя истребительно-противотанковыми батареями, одной — двумя батареями самоходно-артиллерийских установок, гаубичной батареей и ротой саперов с легкими переправочными средствами.

Передовой отряд 91-го стрелкового корпуса еще днем 27 июля сделал попытку форсировать Вислу в районе населенного пункта Казимеж (схема 2), использовав для этого имеющиеся у него шесть лодок А-3 и семь малых надувных лодок. Однако противник обнаружил движение десанта и открыл по нему сильный ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь, в результате чего переправа передового отряда успеха не имела. Только ночью разведывательной группе корпуса в 19 человек удалось преодолеть реку и захватить небольшой участок западного берега в районе Войшин и закрепиться. В ночь на 29 июля форсировали Вислу передовые отряды дивизий первого эшелона в количестве семи стрелковых батальонов. К утру 29 июля войска 69-й армии завладели на западном берегу реки четыре небольших плацдарма: 91-й и 25-й стрелковые корпуса имели по одному, а 61-й стрелковый корпус — два плацдарма, удаленных друг от друга на 3—14 км. Однако расширить эти плацдармы и объединить их в один общий, вследствие сильного воздействия артиллерийско-минометного огня ударов авиации противника соединениям 69-й армии не удалось. После высадки на противоположный берег им приходилось отражать многочисленные контратаки. Только в течение

¹ «Wojskowy przegląd Historyczny» № 1 (6), Warszawa, 1958, str. 9

5 Военная Мысль № 7

30 июля на плацдармах было отбито 29 вражеских контратак различной силы. К тому же в ходе преследования значительная часть табельных переправочных средств отстала, а переправочные средства передовых отрядов были уничтожены авиацией противника. Это привело с самого начала к замедлению темпов форсирования. Но и в этой обстановке вой-

ска 69-й армии наращивали свои силы на противоположном берегу, удерживали и расширяли плацдармы. И все же один плацдарм, захваченный передовым отрядом 25-го стрелкового корпуса в районе Кемпно-Петровинска (13 км южнее Доблы), в связи с большими потерями пришлось оставить.

Ставка Верховного Главнокомандования 29 июля 1944 года обратила внимание Военного совета 1-го Белорусского фронта на важность быст-

рейшего форсирования реки на широком фронте и захвата плацдармов на противоположном берегу. В соответствии с этим указанием командующий фронтом решил увеличить фронт форсирования Вислы. Было принято решение изменить направление наступления 8-й гвардейской армии, перегруппировав ее главные силы в сторону левого фланга. В результате этого войска 8-й гвардейской, 1-й Польской и 69-й армий должны были форсировать Вислу на широком фронте от Машевице до Юзефув на протяжении 125 км. Войска правого крыла и центра 1-го Белорусского фронта продолжали наступление на Варшаву с востока и юго-востока, не давая противнику возможности маневрировать своими резервами и действуя таким образом войскам левого крыла фронта в выполнении задачи по форсированию Вислы.

8-я гвардейская армия (командующий армией генерал-полковник Чуйко В. И., член Военного совета генерал-майор Пронин А. М., начальник штаба генерал-майор Белянский А. М.) получила задачу подтянуть главные силы армии к Висле, приступить к форсированию ее и захватить плацдарм. Армия должна была форсировать Вислу на фронте 22–23 км, а глубина плацдарма, который ей предстояло захватить, составляла 18 км. На подготовку к форсированию отводилось трое суток, в течение которых следовало произвести перегруппировку, подтянуть артиллерию и переправочные средства.

1-я Польская армия (командующий генерал-лейтенант Берлинг З., заместитель по политической части полковник Завадский А., а в последующем подполковник Охаб Э., начальник штаба генерал-майор Корчин В.) получила задачу подготовить и осуществить форсирование Вислы в своей полосе и захватить плацдармы на противоположном берегу в районах Демблин и Пулавы.

69-я армия должна была продолжать выполнять полученную ранее задачу по форсированию Вислы на участке от Пулавы до (иск.) Юзефув, расширять захваченные плацдармы и объединять их в один общий. Армия усиливалась 11-м танковым корпусом, которому было приказано выйти из болот в районе Седлец и исходу 1 августа сосредоточиться в районе Карчишки. В последующем корпус предназначался для развития успеха на западном берегу¹.

31 июля Военный совет фронта специальным приказом подчеркнул значение форсирования Вислы. Несмотря на ограниченность времени, Военный совет требовал четкого планирования форсирования, тщательной организации взаимодействия родов войск и предупреждал против неорганизованности и самотека в предстоящих действиях.

В соответствии с замыслом командующего фронтом, командующий 8-й гвардейской армией решил, прикрывшись с севера 82-й и 74-й гвардейскими стрелковыми дивизиями и обороняя частью сил восточный берег Вислы на участке устье реки Вильга, Домашев, форсировать здесь Вислу и овладеть плацдармом на противоположном берегу. При общем протяжении линии фронта армии по реке Висла в 58 км форсирование ее главными силами намечалось на фронте 23 км, а на остальных 35 км должны были занять оборону два стрелковых батальона 57-й гвардейской стрелковой дивизии.

Командующий 8-й гвардейской армией решил всемерно сократить время на подготовку и приступить к форсированию Вислы с утра 1 августа, использовав на перегруппировку армии только одни сутки. Одновременно были приняты все меры для скорейшего подтягивания артиллерии и переправочных средств к реке. Такое решение осложняло пере-

¹ Ахрив МО, ф. 233, оп. 20519, д. 12, л. 266.

группировку войск армии и могло привести к тому, что часть артиллерии и переправочные средства, приставные армии, не успеют сократиться к началу форсирования, так как находились от реки на удалении 60–80 км. Однако при более длительной подготовке к форсированию могла быть потеряна высотность, так как противник мог обнаружить перегруппировку армии¹.

Операция 8-й гвардейской армии планировалась в три этапа. Первый этап заключался в подготовительном и включал сосредоточение войск в исходное положение и разведку реки и ее правого берега. Второй этап продолжительностью один день предусматривал форсирование Вислы первыми эшелонами и захват плацдармов на глубину до 8 км. В ходе третьего этапа (2 и 3 августа) планировалось ввести в бой вторые эшелоны стрелковых корпусов и расширить захваченные плацдармы на глубину до 18–20 километров².

Форсирование реки должны были начать вышедшие первыми к реке передовые отряды стрелковых дивизий, каждый в составе усиленного стрелкового батальона. С 6 до 8 часов утра 1 августа они должны были высадиться, без артиллерийской подготовки, форсировать реку на десантных переправочных средствах. Предполагалось, что действия передовых отрядов перерастут в общее наступление. Если же форсирование реки передними отрядами не будет иметь успеха, то с 8 до 9 часов утра должна была приводиться доворотка целей и дополнительная организация взаимодействия, после которой начнется артиллерийская подготовка³.

Армия строилась для форсирования в один эшелон, имея все три корпуса рядом. Ее правофланговый 29-й гвардейский стрелковый корпус (27, 71 и 82-я гвардейские стрелковые дивизии) первоначально имел для форсирования Вислы на 6 км одну стрелковую дивизию (27-ю парлентскую), так как его две другие дивизии временно оставались на восточном берегу для обеспечения правого фланга армии. В центре оперативного построения армии находился 28-й гвардейский стрелковый корпус (79, 39 и 88-я гвардейские стрелковые дивизии), который форсировал Вислу 79-й гвардейской стрелковой дивизией на фронте 5 км, а затем должна была последовательно наращивать удар и развивать успех 39-й и 88-й гвардейскими стрелковыми дивизиями. На левом фланге армии форсировал Вислу на фронте 12 км 4-й гвардейский стрелковый корпус, имея 45-ю и 57-ю (без двух стрелковых батальонов) гвардейские стрелковые дивизии рядом. 47-я гвардейской стрелковой дивизии должна была составить второй эшелон 4-го гвардейского стрелкового корпуса. В свою очередь стрелковые дивизии в большей части строились в два эшелона, имея на два полка в первом эшелоне и один полк во втором.

Построение армии в один оперативный эшелон обеспечивало форсирование Вислы на широком фронте. Глубокое построение боевых порядков от корпуса до полка давало возможность наращивать силу удара с целью расширения плацдармов, захваченных первыми эшелонами, объединять эти плацдармы в один общий, а также центризовать и маскировать использование переправочные средства.

Командующий 69-й армии, исходя из ранее полученных от командующего фронтом указаний, решил продолжать начатое в ночь на 28 июля форсирование Вислы на широком фронте, расширять захваченные плац-

¹ В последующем на разборе операции командующий армии по этому поводу отметил: «Венчаний совет пошел как будто бы на риск, отказавшись дожидаться артиллерии. Но мы не считали, что это риск. Все было основано на здравом смысле и верном расчете».

² Архив МО, ф. 345, оп. 37994, д. 38, лл. 237–238.

³ Там же.

тармии и объединить их в один. При общей ширине фронта форсирования в 61 км главный удар командующий армии решил нанести в центре 61-м стрелковым корпусом на фронте 10 км, в общем направлении на Шляхтиски Яр. Это направление было выбрано в связи с тем, что здесь оборона противника была менее сильной, так как он ожидал главного удара в районе Нулавы, вдоль шоссе Нулавы — Радом.

Как в 8-й гвардейской, так и в 69-й армиях большое внимание было уделено артиллерийскому обеспечению форсирования. Были приняты меры, чтобы своевременно вывести как можно больше артиллерии в позиционные районы. К началу форсирования главных сил 8-й гвардейской армии значительная часть ее артиллерии была уже подтянута к реке. К исходу 1 августа на определенных позициях находилось 1348 орудий и минометов. К этому же времени на определенных позициях 69-й армии тоже было подтянуто 1389 орудий и минометов, в том числе в полосе 61-го стрелкового корпуса 672 орудия и миномета. Созданная артиллерийская группировка в обеих армиях обес печивала плотность 55–59 орудий и минометов на 1 км фронта форсирования на главном направлении. В обеих армиях большое значение придавалось выделению орудий для ведения стрельбы против наземных целей. К утру 1 августа в полосе форсирования войск 8-й гвардейской армии были установлены для ведения огня прямой наводкой все полковые и до 70 пропартизанных артиллерийских бригад. Плотность прямой наводкой артиллерии колебалась в пределах 5–6 пропартизанных орудий на 1 км фронта. По сравнению с артиллерийской плотностью в других армиях, соизмеримая при форсировании широких рек с ходу в предшествующий период Великой Отечественной войны, такая артиллерийская плотность была высокой.

В полосе 69-й армии зенитной артиллерией на 2 км фронта приходилось в среднем 1 орудие, а в 8-й гвардейской армии — 24 орудия калибра 37 мм на 1 км фронта. В условиях высокой активности авиации противника и в обстановке, когда аэродромы нашей потребительской авиации еще находились на значительном удалении от Вислы, такая зенитно-артиллерийская плотность была совершенно недостаточной. Поэтому все зенитно-артиллерийские средства использовались только на главных направлениях и применялись для прикрытия ограниченного количества объектов, к числу которых относились переправы на Висле и войска на плацдармах.

Обособленное значение имело инженерное обеспечение форсирования Вислы.

После форсирования Западного Буга, в предвидении форсирования Вислы. Военный совет фронта заблаговременно поставил задачу начальнику инженерных войск фронта подтянуть основные переправочные средства к среднему и обеспечить переправу на Висле и войска на плацдармах.

В соответствии с указанием Военного совета фронта 8-я гвардейская армия была усиlena 1-м тяжелым моторизованным понтонно-мостовым полком с парком ТМП, 1-м моторизованным понтонно-мостовым полком с парком П2П и 273-м моторизованным батальоном особого назначения (автомобили-амфибии). 69-й армии передавались 9-й отдельный моторизованный понтонно-мостовой батальон и 274-й моторизованный батальон особого назначения. 1-я Польская армия усиливалась 21-м отдельным моторизованным понтонно-мостовым батальоном⁴.

Кроме понтонных парков, каждая армия имела по 60–80 лодок А-3, по 150–200 лодок ДСЛ, 5–10 комплектов ТЗИ и некоторое другое имущество. Большое внимание уделялось также сбору местных переправоч-

⁴ Архив МО, ф. 233, оп. 14949, д. 47, л. 100.

ных средств и подручных материалов. Так, в 91-м стрелковом корпусе 69-й армии было собрано 28 рыбачих лодок и изготовлено из бревен, досок и бочек 100 плотиков на 2–3 человека каждый. Все эти средства сосредоточивались на главных направлениях.

Отсутствие достаточного количества средств передвижения привело к оставанию большей части pontонных парков от первых эшелонов наступающих войск. В силу этого подразделения первых эшелонов вынуждены были вначале переправляться исключительно на десантных табельных и на подручных переправочных средствах. Между тем при своевременной доставке к берегу реки pontонных парков 69-я армия, располагая одним парком Н2П, могла бы собрать пять 30-тонных паромов, а 8-я гвардейская армия, имевшая один парк ТМП и один парк Н2П, могла навести один 16-тонный мост и, кроме того, собрать пять паромов грузоподъемностью 30 т. Эти возможности были полностью реализованы только к 4 августа.

Боевые действия войск левого крыла 1-го Белорусского фронта поддерживала 6-я воздушная армия. Для поддержки войск 8-й гвардейской, 1-й Польской и 69-й армий в период форсирования командующий 6-й воздушной армии генерал-лейтенант авиации Поляшин Ф. П. выделил 1-й смешанный и 6-й штурмовой авиационные корпуса, а также 193-ю истребительную дивизию 13-го истребительного авиационного корпуса, насчитывающих 835 боевых самолетов. Однако аэродромы нашей авиации находились глубоко в тылу. Оставленные же вражеской авиацией аэродромы были разрушены и не могли быть использованы. Выбор и подготовка новых полевых аэродромов требовали затраты значительного времени. Большие трудности встречались также и с подвозом горючего и боеприпасов. Поэтому в первые дни форсирования ни истребительная, ни штурмовая авиация не могла эффективно поддерживать наши войска.

Одним из важнейших условий успешного выполнения поставленных задач являлась организация твердого и непрерывного управления войсками при форсировании, а также на всех этапах борьбы за плацдармы. Пункты управления 8-й гвардейской и 69-й армий максимально приближались к войскам. Наблюдательные пункты командующих армиями находились на расстоянии 2,5–3 км от берега. Удаление от берега наблюдательных пунктов командиров стрелковых корпусов, дивизий и полков в зависимости от условий местности не превышало 0,5–1 км. Это обеспечивало личное наблюдение командиров за организацией переправ и ходом форсирования на решающем направлении, а также создавало возможность своевременно реагировать на изменяющуюся обстановку в ходе борьбы за плацдармы.

Успешному форсированию Вислы в значительной степени способствовала партийно-политическая работа, проведенная командирами, политорганами и партийными организациями.

Боевые действия 8-й гвардейской и 69-й армий, проводившиеся в тесном боевом содружестве с воинами 1-й Польской армии, развертывались на территории восточной части Польши. Польский народ встречал Советскую Армию с большой радостью, приветствуя ее как свою освободительницу от фашистского ига. Вместе с тем на территории Польши продолжали оставаться враждебные польскому народу буржуазно-националистические элементы и значительная часть платной агентуры американо-английских империалистов. Деятельность этих подонков общества была направлена на развертывание шпионско-диверсионной работы, подрыв национально-освободительного движения в стране, дискредитацию Советской Армии. Поэтому воспитание советских воинов в духе революционной бдительности, высокой дисциплины и правильного понимания взаимоотношений с местным населением рассматривалось как наиболее

важная задача. Среди местного населения проводилась широкая разъяснительная работа.

Большое значение придавалось пропаганде опыта форсирования рек с ходу. Политическое управление фронта подготовило и издало специальные листовки и памятки, содержание которых было доведено до каждого бойца. В подготовительный период и в ходе наступления командиры и политработники организовали беседы на темы: «О преимуществах форсирования рек с ходу», «Как использовать подручные средства для переправы через реку», «Значение плацдармов на Висле» и другие.

Значительное внимание уделялось расстановке партийно-комсомольских сил, в результате чего в передовых отрядах и подразделениях находилось достаточное количество коммунистов и комсомольцев. В ходе боев они сыграли авангардную роль в форсировании Вислы и обеспечили непрерывную партийно-политической работы в подразделениях. Благодаря большой и всесторонней работе командования, политических органов, партийных и комсомольских организаций наши войска были хорошо подготовлены к форсированию Вислы, обладали высоким наступательным порывом, были готовы к стремительным и решительным действиям как в период форсирования, так и в борьбе за расширение плацдармов.

Форсирование Вислы осуществлялось войсками 69-й армии с 27 июля по 4 августа, а 8-й гвардейской армии — с 1 по 4 августа. За это время были захвачены и расширены два плацдарма в полосах 69-й армии и один плацдарм в полосе 8-й гвардейской армии. В дальнейшем в период с 5 по 13 августа войска обеих армий отражали сильные контратаки и контрдиверсионные действия противника и вели бои за удержание плацдармов. После отражения попыток врага ликвидировать наши плацдармы обе армии в период с 14 по 28 августа вели боевые действия по их расширению.

В полосе наступления 69-й армии ее дивизии в период с 29 июля по 2 августа, выполняя поставленную им задачу, продолжали форсировать Вислу и накапливали силы и средства на плацдармах для перехода в наступление с целью их расширения. Имевшиеся к 29 июля в 69-й армии три небольших плацдарма не обеспечивали сосредоточение на них главных сил армии. Небольшая глубина наших плацдармов, наличие в руках противника господствующих высот позволяли ему вести прицельный огонь по боевым порядкам и переправам, что вынуждало производить переправу войск только ночью. Сильно замедляло темпы наращивания сил и средств на плацдармах отсутствие мостовых переправ.

В ночь на 29 июля, в полосе 69-й армии действовали десантные и паромные переправы. В 91-м стрелковом корпусе для этого было использовано лодок А-3 — 24, десантных складных лодок — 41 и лодок малых надувных — 14. В полосе 61-го стрелкового корпуса наряду с десантными средствами в районе Застув-Поляновски действовало три парома грузоподъемностью 9 т и три парома грузоподъемностью 16 тонн.

На указанных переправах не могли переправляться танки и артиллерия крупных калибров. Наличных же pontонных средств было недостаточно для наводки даже одного pontонного моста. Постройка моста на свайных опорах грузоподъемностью 30 т была закончена в районе Люзими лишь к 12 августа.

Несмотря на всю сложность форсирования Вислы в полосе 69-й армии, ее соединения непрерывно наращивали свои силы и средства на противоположном берегу. Если в течение первых двух суток дивизии первого эшелона сумели переправить на противоположный берег вместе с пехотой только орудия калибра 45 и 76 мм, минометные роты и батареи, то к 2 августа удалось сосредоточить там четыре отдельных истреби-

тельно-противотанковых дивизиона стрелковых дивизий первого эшелона и часть дивизионной артиллерии. Всего ко 2 августа на плацдармах было уже сосредоточено 741 снаряд и миномет, что обеспечивало артиллерийскую плотность И-45 орудий в 1 км фронта. Кроме того, на плацдармах было переведено 13 самоходно-артиллерийских установок.

Средотечение на плацдармах значительного количества сил и средств поиска войсками 69-й армии с утра 2 августа перешли в наступление. Главный удар нанесли силами 61-го стрелкового корпуса. Продолжавшее упорное сопротивление противника, соединения армии к 5 августа значительно расширили свои плацдармы в районах Люцимяя и Хюти и обединили их в один общий размером 24 км по фронту и от 3 до 8 км в глубину. В ходе этих боевых действий противник понес большие потери. Командующий 4-й танковой армией врага 4 августа доложил, что первые настолько превышают пополнения, что эти подразделения совершенно не заметны.

Форсирование Вислы, захват и расширение плацдармов войсками 69-й армии вызвали у гвардейского командования большую тревогу. Командующий 4-й танковой армией потребовал от командира 56-го танкового корпуса скорейшей ликвидации плацдармов на западном берегу Вислы. С этой целью корпус, усиленный резервами, предпринял ряд новых контратак с задачей ликвидировать плацдармы. Однако войска 69-й армии успешно отразили все контратаки и прочко удерживали захваченные рубежи.

К этому времени южнее 69-й армии войска 1-го Украинского фронта с юга форсировали Вислу на отдельных участках в своей полосе, а в районе Сандомира захватили важный плацдарм.

Соединения 8-й гвардейской армии с утра 1 августа также приступили к форсированию Вислы. Скрытое перегруппировка войск 8-й гвардейской армии и изменение направления наступления главных сил оказались не замеченными. Противник имел данные о продвижении 8-й гвардейской армии на северо-запад, поэтому появление ее главных сил на восточном берегу Вислы оказалось для него внезапным.

Форсирование Вислы войсками 8-й гвардейской армии в соответствии с разработанным планом началось без артиллерийской подготовки действующими передовыми отрядами 27, 79, 35 и 57-й стрелковых дивизий на рассвете 1 августа (схема 3).

Передовой отряд 27-й гвардейской стрелковой дивизии – 3-й батальон 76-го гвардейского полка со средствами усиления (командир батальона гвардии капитан Верижников Б. С.) в ночь на 1 августа скрыто сосредоточился к реке и в преддверственном тумане приступил к форсированию Вислы. Несмотря на то что он захватил остров западнее Грунни, а затем приступил к захвату участка местности на западном берегу. Противник, обнаружив форсирование Вислы десантом, открыл по нему ружейно-пулеметный и минометный огонь. Некоторые лодки получили пробоины и затонули, но оставшиеся под подк. войны продолжали преодолевать реку вплавь. После накапливания на противоположном берегу подразделения 76-го гвардейского стрелкового полка перешли в атаку, расширили захваченный участок местности, захватили населенный пункт Миншев и закрепились.

Успешно действовали также и передовые отряды 79, 35 и 57-й гвардейских стрелковых дивизий. К 11 часам дня 1 августа они форсировали реку, используя для этого имеющиеся в их распоряжении десантные лодки, а также лодки А-3, и закрепились на удалении 400–800 м от берега. Противник хотя и обнаружил начавшееся форсирование, но смог оказывать лишь слабое сопротивление.

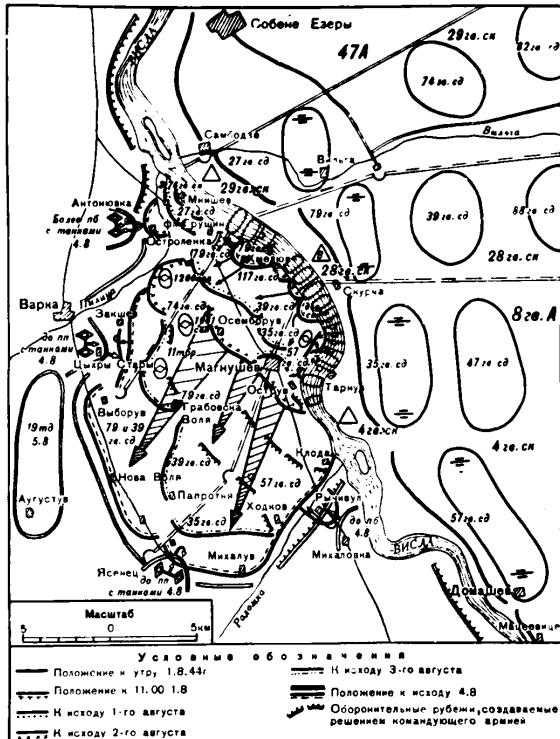

Схема 3. Форсирование Вислы и захват западно-западнического плацдарма войсками 8-й гвардейской армии в период с 1 по 4 августа 1944 года.

После захвата передовыми отрядами небольших участков местности на противоположном берегу инженерные войска приступили к постройке паромов, которые наряду с десантными средствами были использованы для переправы главных сил дивизий первого эшелона. Авиация противника во второй половине дня стала проявлять значительную активность, нанося удары по нашим переправам группами до 30 самолетов.

REPORT NO.

В этих условиях командующий армией принял решение поставить дымовую завесу в полосе форсирования 28-го гвардейского стрелкового корпуса с целью прикрыть участок армейской переправы в районе Скруча, а также участок переправы корпуса. Задымление продолжалось 2,5 часа. Дымовой завесой была прикрыта вся водная поверхность в полосе форсирования корпуса, места посадки и высадки войск¹. Своевременное и умелое применение маскирующей дымовой завесы сыграло положительную роль в успешном форсировании Вислы главными силами корпуса.

К исходу 1 августа соединения 8-й гвардейской армии уже имели в своих руках один большой плацдарм размером 15 км по фронту и до 5 км в глубину. На нем были сосредоточены девять стрелковых полков и 341 орудие и миномет. К утру 2 августа на противоположном берегу в полосе 4-го гвардейского стрелкового корпуса сосредоточились также 1087-й самоходно-артиллерийский полк (19 САУ-76).

Батальонная и полковая артиллериya, а также минометы переправлялись на плотах и паромах. Усилиями артиллеристов были также сооружены плоты для переправы части дивизионной артиллерии. Но на противоположном берегу она оказалась без средств тяги, что лишало ее маневренности и затрудняло использование.

Значительно труднее было переправить артиллерию усиления, танки и самоходно-артиллерийские установки. Работе армейских паромных переправ препятствовала авиация противника. Так, 4-й моторизованный понтонный полк к 18 часам 1 августа собрал из частей парка ТМП, два парома грузоподъемностью 16 т и один паром грузоподъемностью 30 т. Но налетом авиации противника эти паромы были разрушены. Только с наступлением темноты из оставшегося целым переправочного имущества был вновь собран паром грузоподъемностью 20 т, который, однако, далеко не удовлетворял потребностей армии².

В течение 2, 3 и 4 августа соединения 8-й гвардейской армии продолжали боевые действия по расширению плацдарма и одновременно отражали усиливающиеся контратаки противника. К этому времени войска армии заняли более 100 населенных пунктов, в том числе Магнушев. Переправы войск и техники здеш производилась лишь в ограниченных размерах вследствие продолжавшегося сильного воздействия авиации противника. Несмотря на это, на плацдарме в нарастающем темпе сосредоточивались средства усиления (артиллерия, танки, самоходно-артиллерийские установки) боеприпасы. К исходу 3 августа вместе со значительным количеством артиллерии на плацдармы были переправлены 1061-й и 1200-й самоходно-артиллерийские полки и 11-я танковая бригада — танковый резерв командующего армии.

В ночь на 4 августа в полосе армии действовали следующие переправы. На армейском участке в районе Тарнув работали 4 парома грузоподъемностью 16 т из парка ТМП, 7 паромов грузоподъемностью 6—9 т из парка Н2П, 2 парома из переоборудованных барж, захваченных у противника, грузоподъемностью 140 т. Последние были использованы главным образом для переправы танков и артиллерии. К исходу 4 августа в районе Тарнув был наведен мост из парка ТМП грузоподъемностью 16 т и длиной 387 м, а с утра 5 августа инженерные войска уже приступили к строительству низководного балочного моста на свайных опорах грузоподъемностью 60 т и длиной 635 м. На участках переправ стрелковых дивизий и корпусов действовало 5 паромов из лодок А-3

грузоподъемностью 9 т каждый, 4 десантные лодки, 13 рыбачьих лодок и некоторое количество паромов и плотов из подручных средств.

В связи с увеличившимися сопротивлением противника командующий армией поставил войскам задачу продолжить боевые действия с целью дальнейшего расширения плацдарма и одновременно приступить к оборудованию двух оборонительных рубежей на удалении 2—4 км одна от другого с целью закрепления захваченной местности (схема 3). Эти рубежи должны были подготовить вторые эшелоны и резервы стрелковых дивизий, которые усиливались инженерными подразделениями, противотанковой артиллерией и армейскими средствами 3-го звания.

Таким образом, к 5 августа 1944 года войска 8-й гвардейской армии удерживали в своих руках на левом берегу Вислы, в междуречье Пилицы и Радомки плацдарм шириной до 44 км по фронту и глубиной от 6 до 15 км, а войска 69-й армии имели на западном берегу Вислы два плацдарма, из которых наиболее крупным был плацдарм, удерживаемый 61-м стрелковым корпусом. Форсирование Вислы первоочередными отрядами 1-й Польской армии оказалось безуспешным. Отдельные небольшие плацдармы, захваченные в районах Демблин и Пулавы, под воздействием противника были оставлены¹. Тем не менее боевые действия 1-й Польской армии по форсированию Вислы имели положительное значение, так как они приковали к себе часть сил 17-й пехотной дивизии противника и не позволили перебрасывать их на другие направления (схема 2).

Дальнейшие события в общих чертах развивались следующим образом.

После успешного захвата плацдармов на левом берегу Вислы войска 8-й гвардейской и 69-й армий командование фронта имело в виду развернуть наступление с целью объединения плацдармов этих армий в один общий плацдарм. Однако по данным разведки стало известно, что противник подготавливает силы для контрударов и ликвидации наших плацдармов. В этой обстановке командование фронта приняло решительные меры по усилению 8-й гвардейской армии, для чего была проведена крупная перегруппировка сил и средств. 7-й гвардейский кавалерийский корпус, находившийся ранее в резерве фронта, сменил войска 8-й гвардейской и 1-й Польской армий на правом берегу Вислы на фронте от Стенжица до Пулавы включительно, в результате чего 8-я гвардейская армия была полностью освобождена от обороны правого берега и использовала все свои силы для удержания плацдарма. Кроме этого, правая часть плацдарма была передана 1-й Польской армии, которая удерживала его частью сил, а главными силами составила резерв фронта. Проведенная перегруппировка позволила уплотнить боевые порядки войск 8-й гвардейской армии на плацдарме. Помимо этого, командующий фронтом подчинил 8-й гвардейской армии 16-й танковый корпус из состава 2-й танковой армии, поставив задачу сосредоточить его на плацдарме на угрожаемом направлении. Особенно большое внимание было уделено усилению противовоздушной обороны переправ и плацдарма. Аналогичные меры усиления обороны были предприняты также и на плацдармах 69-й армии.

Эти мероприятия в значительной степени повысили устойчивость нашей обороны на плацдармах. Поэтому, когда в период с 5 по 13 августа противник предпринял настойчивые попытки сбросить наши войска с занимаемых плацдармов, они были отражены с большими для него потерями.

Отразив контрудары врага, войска 8-й гвардейской армии в период с 14 по 29 августа продолжали боевые действия по расширению пла-

¹ Архив МО, ф. 483, оп. 21148, д. 2, л. 410.
² Там же, ф. 233, оп. 14943, д. 20, л. 334.

¹ «Wojskowy przegląd Historyczny» № 1 (6). Warszawa, 1958, str. 25, 34.

армии, а войска 69-й армии — по объединению своих двух плацдармов. В итоге этих боевых действий площадь плацдарма 8-й гвардейской армии достигла 245 кв. км (45 км по фронту и до 18 км в глубину). Войска 69-й армии к этому времени имели один общий плацдарм площадью 145 кв. км (30 км по фронту и до 10—12 км в глубину). Эти плацдармы имели большое оперативное значение для организации и осуществления наступательной операции войск 1-го Белорусского фронта в январе 1945 года.

• • •

Форсирование Вислы войсками 8-й гвардейской и 69-й армий было осуществлено на завершающем этапе наступательной операции войск 1-го Белорусского фронта после длительного преследования противника, в результате которого артиллерия, переправочные средства и тылы оказались растянутыми на значительном расстоянии. Несмотря на это, основная задача, стоявшая перед войсками на завершающем этапе операции — форсирование Вислы с ходу и захват оперативных плацдармов на противоположном берегу — была успешно решена. Попытка немецко-фашистского командования не допустить форсирования Вислы советскими войсками, так же как и попытка сбросить их с захваченных плацдармов, закончилась полным провалом. Все это явилось новым ярким свидетельством высокого уровня советского военного искусства.

Форсирование Вислы было организовано одновременно на широком фронте, в тесном взаимодействии войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Благодаря этому общий фронт форсирования реки достигал более 300 километров.

Успешное форсирование Вислы войсками левого крыла 1-го Белорусского фронта было во многом обеспечено правильным выбором направления главного удара. Командование 1-го Белорусского фронта учитывало, что противник сосредоточивает свои силы в районе Варшавы и будет оказывать здесь ожесточенное сопротивление. Поэтому было принято решение одновременно с наступлением войск правого крыла и центра фронта в общем направлении на Прагу форсировать Вислу южнее Варшавы.

Командование фронта и обеих армий проявило высокое искусство в решительном сосредоточении сил и средств на главном направлении. Ширина полосы наступления 8-й гвардейской армии составляла 58 км. Форсирование же Вислы производилось на 23-километровом фронте, на котором были сосредоточены основные силы и средства армии. На второстепенном направлении (на 35-километровом фронте) было оставлено только охранение в лва стрелковых батальонов. На фронте форсирования силы и средства армии распределялись также неравномерно. На направлении своего главного удара командование 8-й гвардейской армии сосредоточило 70—80 проц. состава артиллерии, минометов и переправочных средств армии.

Действия войск 8-й гвардейской и 69-й армий еще раз показали особое значение внезапности при форсировании. В полосе 8-й гвардейской армии внезапность была достигнута быстрой и скрытной перегруппировкой войск в сторону левого фланга, сокращением времени на подготовку к форсированию, а также стремительными и решительными действиями наших войск. Противник продолжал ожидать наступления 8-й гвардейской армии на варшавском направлении, и форсирование Вислы в районе Магнушев оказалось для него неожиданным. Наоборот, в полосе 69-й армии противник ожидал наступления наших войск в общем на-

правлении на Радом, и форсирование Вислы на этом направлении не оказалось для него внезапным. Выход соединений 2-й танковой армии в район Демблин, Пулавы и их попытка захватить переправы, а также выход передовых отрядов 69-й армии в район Влостовице, Казимеж вынудили противника еще больше усилить свое внимание обороне реки на этом направлении. Потеря внезапности форсирования значительно осложнила борьбу за захват и расширение плацдармов 69-й армии.

Одним из важнейших условий успешного форсирования реки, захвата плацдармов и их удержания являются высокие темпы переправы стрелковых подразделений, артиллерии и танков. Такие относительно высокие темпы для периода Великой Отечественной войны были достигнуты в 8-й гвардейской армии, где в течение первого дня форсировали Вислу первые эшелоны стрелковых дивизий вместе со штатной полковой артиллерией, минометами и противотанковой артиллерией. Было также переправлено несколько орудий из состава полковых артиллерийских групп. Переправа вторых эшелонов стрелковых дивизий была начата уже во второй половине первого дня форсирования. К исходу второго дня была закончена переправа стрелковых дивизий второго эшелона, в результате чего к исходу вторых суток на плацдарме сосредоточилось шесть стрелковых дивизий. К этому же времени было переправлено на противоположный берег 441 орудие и миномет. Переправа танков и самоходных установок производилась в период со второго по четвертый день форсирования. К исходу четвертого дня в боевых порядках соединений 8-й гвардейской армии на плацдарме сосредоточились три самоходно-артиллерийских полка и одна танковая бригада. Высокие темпы переправы войск и техники на противоположный берег позволили непрерывно наращивать удары по противнику и систематически расширять захваченные плацдармы.

Несмотря на отставание понтонных парков от передовых частей, форсирование Вислы войсками 8-й гвардейской армии в 1944 году отличалось более широким применением табельных переправочных средств, чем при форсировании рек с ходу в 1943 году. Это благоприятствовало более высоким темпам переправы.

Форсирование Вислы, захват и расширение плацдармов 69-й армии развивались в более медленных темпах и по-иному, чем в 8-й гвардейской армии. В течение первых двух суток соединения 69-й армии захватили четыре небольших плацдарма, на которые переправились семь батальонов стрелковых полков первого эшелона дивизий. Расширение плацдармов происходило в условиях ожесточенного сопротивления противника, неоднократно переходившего в контратаки, поддерживаемые артиллерией и авиацией. Техника противника заключалась в сосредоточении численно превосходящих сил против отдельных плацдармов с целью последовательной их ликвидации.

В этих условиях главная задача соединений 69-й армии первона- чально заключалась в удержании захваченных тактических плацдармов и в накапливании сил на противоположном берегу для последующего перехода в наступление. Успешное удержание захваченных плацдармов позволило к исходу четвертого дня форсирования сосредоточить на плацдармах 61-го стрелкового корпуса до четырех дивизий, а на пятый день перейти в наступление с целью расширения захваченных плацдармов по фронту и в глубину и объединения их в один общий. Таким образом, расширение и объединение тактических плацдармов 69-й армии происходили не сразу после их захвата, как это было в 8-й гвардейской армии, а постепенно, по мере накапливания на противоположном берегу необходимых сил и средств.

Основными причинами относительно медленного расширения тактических плацдармов 69-й армии были:

— потеря внезапности форсирования, в силу чего противник успел подтянуть свои резервы из глубины и оказывал организованное сопротивление войскам 69-й армии с самого начала форсирования;

— ограниченные размеры первоначально захваченных плацдармов, что позволило противнику простреливать боевые порядки войск и переправы ружейно-пулеметным огнем;

— отсутствие достаточного количества табельных переправочных средств для наводки мостов, а также отставание этих средств от передовых частей, что затрудняло сосредоточение на плацдармах танков и артиллерии тяжелых калибров и оставляло ударную силу форсирующих войск. Как уже указывалось, только на четвертый день форсирования удалось сосредоточить на противоположном берегу первые семь самоходно-артиллерийских установок.

Во избежание излишних потерь переправа войск и техники на противоположный берег производилась только ночью, что замедляло темпы наращивания сил и средств на плацдармах.

Боевые действия войск левого крыла 1-го Белорусского фронта показали, какое значение для успешного форсирования реки с ходу в условиях высоких темпов предшествующего наступления наземных войск имеет маневр силами авиации со сменой ее аэродромного базирования. В данной операции эта задача не была своевременно решена, в результате чего в самый сложный период, когда войска форсировали Вислу и вели напряженную борьбу за плацдармы, действия их недостаточно поддерживались нашей авиацией и не были прикрыты от ударов с воздуха, что приводило к замедлению темпов форсирования.

Таким образом, в организации и осуществлении форсирования Вислы выявился и ряд серьезных недостатков. Они выражались прежде всего в отсутствии своевременной авиационной поддержки и прикрытии форсирующих войск и переправ от ударов с воздуха, а также в отставании переправочных средств от передовых отрядов и первых эшелонов войск, выдвинувшихся к реке. Некоторые штабы недостаточно заботились о подтягивании в свою руслу предназначенных им переправочных средств. Все это усложняло форсирование Вислы.

В современных условиях, при осуществлении крупных наступательных операций, войскам придется форсировать с ходу многие водные преграды и вести борьбу за захват и расширение плацдармов. Опыт Великой Отечественной войны показал, что при форсировании рек необходимо преодолевать их без снижения темпов наступления. Одним из важнейших требований, обеспечивающих выполнение этой задачи, является своевременное сосредоточение табельных переправочных средств в реке, которые не должны отставать от передовых частей и первых эшелонов.

Опыт минувшей войны свидетельствует, что противник обычно сосредоточивает все свои усилия, чтобы как можно скорее ликвидировать захваченные при форсировании плацдармы. Для этого он стремится подтянуть значительное количество танков, артиллерии и авиации и нанести контрудары по переправившимся войскам. В этих условиях своевременное закрепление захваченных рубежей будет играть решающую роль. Прочное закрепление удерживаемых плацдармов должно сочетаться с одновременным их расширением до размеров, позволяющих сосредоточить сильные ударные группировки для проведения последующих операций, а также дающих возможность рассредоточить эти группировки во избежание лишних потерь.

Опыт форсирования Вислы показал значение противовоздушной обороны войск при форсировании крупной речной преграды и в ходе

борьбы за плацдармы на завершающем этапе операции. В современных условиях, когда подвижность наземных войск резко возрастает и когда артиллерия может своими ударами наносить войскам тяжелые потери, на должное обеспечение войск и переправ от ударов с воздуха приобретает решающее значение.

Успешное форсирование Вислы, захват расширение плацдармов войсками 8-й гвардейской и 69-й армий явилось свидетельством высокого боевого духа и наступательного порыва советских войск. Советские офицеры и генерахи продемонстрировали высокое воинское мастерство и внесли ценный вклад в боевой опыт по преодолению крупных речных преград с ходу, захвату оперативных плацдармов на реках на завершающем этапе операции. Успешное наступление войск левого крыла 1-го Белорусского фронта в Люблино-Брестской операции и форсирование Вислы войсками 8-й гвардейской и 69-й армий сыграли значительную роль в ходе борьбы за освобождение польского народа из-под гианской оккупации.

«Польский народ, — говорил тов. Гомулька, — никогда не забудет крови, пролитой советскими воинами на польской земле. И на страницах истории нашей страны на веки веков будет записано, что родина социализма — Страна Советов — дважды помогла Польше обрести свободу и независимость. Первый раз — когда в 1917 году революционная Советская власть первая и без оговорок провозгласила право польского народа на самостоятельное и независимое существование, а второй раз — когда Советская Армия вместе с борющимся племенем к племени с ней Польским Войском изгнала из нашей земли гитлеровских захватчиков. Благодаря этому польскому трудащемуся народу был заложен путь к строительству нового, справедливого общественного строя — социализма»¹.

Совместные действия советских войск и войск 1-й Польской армии на подступах к Висле и при форсировании ее символизировали крепкое единство двух народов в их борьбе против общего врага — германского фашизма, в их стремлении восстановить национальную независимость Польши.

¹ Пребывание делегации Польской Народной Республики в СССР (Сборник материалов), Госполитиздат, 1958, стр. 20.

ПО ИНОСТРАННЫМ АРМИЯМ

Некоторые вопросы управления войсками в наступательной операции

(По иностранным взглядам)

УПРАВЛЕНИЕ войсками трактуется в армии США как сумма самых различных мероприятий, направленных на решение разнообразных задач. В управлении войсками выделяются определенные сущности командования и роли штаба в руководстве войсками, выработка решения и его оформление, организация пунктов управления и связи, руководство войсками в боевых действиях, а также разработка способов и методов ведения противника в заблуждение, ведение психологической войны, устройство заграждений и производство разрушений.

В связи с повышением требований к управлению войсками большое значение в американской армии придается «профессиональной подготовке командира, его учению понимать солдата и команда-

вать принципы прошлого с требованием будущего¹, иметь сильный характер, либо на них возлагается такая огромная ответственность, как никогда раньше. До сих пор не существовало такой «сторон необходимости в собранных соштатвержениях, а главное не трещущих за свою личную карьеру людях»².

Высший офицерский состав обязан владеть иностранными языками, знать историю и экономику зарубежных стран, из территории которых возможны боевые действия, и понимать психологию иностранцев.

Однако для управления войсками в atomicной войне одна профессиональная подготовка недостаточно. Необходимо глубоко понимать и знать психологию солдата, кроме того, «выработать симпатию к солдатам других национальностей, с которыми вместе придется воевать, изучить управление союзными войсками, не оскорбляя их чувства национального достоинства. Такие требования американского командования вызваны тем, что расовая теория как одна из идеологических основ империализма потерпела полное банкротство в результате победы народов над фашистскими агрессорами. В связи с этим военные руководители США и требуют «выработать симпатию к другим национальностям. Но это только на словах, на деле расистская практика в США процветает по-прежнему. Военная

идеология США, как и других империалистических стран, остается расистской и шовинистической . . .

В связи со значительным увеличением основных оперативно-тактических нормативов (ширины полосы наступления, участка прорыва, глубины боевых задач и длительности операции), а также необходимости планировать наступательную операцию в возможные короткие сроки военное командование армий США и Англии стремится всемерно упростить работу командующего по организации наступления. Это объясняется еще и тем, что насыщенность войск различной техникой требует, как выражаются в иностранной литературе, «комплексного» планирования наступления, считаясь как наезжими, так и воздушными операциями³.

В зарубежной военной печати выдвигается вопрос о разделении функций между командующим и его штабом. Различных военных руководителей высказывают мнение, что управление войсками в современных условиях распадается на личное командование войсками и управление войсками через штаб⁴. Утверждается, что командир не должен заниматься второстепенными вопросами и планированием деятельности штаба по управлению войсками. Это он может поручить начальнику штаба. Сам же командир основное внимание уделяет вестороннему продумыванию плана предстоящей операции в ее наиболее важных и принципиальных вопросах. В этом случае командующий может не заниматься решением частных вопросов, ему предоставляется возможность планировать ход наступления на несколько дней вперед.

Такое разграничение функций, кроме того, позволяет командующему с помощью штаба, не теряя контроля за действием войск армии, правильно выбрать место лично для себя, особенно на тех направлениях, где создается критическая обстановка. Присутствие командующего в том или ином районе в критические моменты боя вселияет, по мнению военного командования США, в войска уверенность, мужество и твердость⁵.

¹ «The Military Engineer», May — June 1956.

² Там же.

³ Военная Мысль № 7

ПО ИНОСТРАННЫМ АРМИЯМ

Наряду с этим подчеркивается, что командир не должен полностью устремляться от работы своего штаба. Современный штаб полевой армии представляет чрезвычайно громоздкий аппарат, что в настоящих условиях является, по убеждению американского командования, совершенством оправданным. Причинами этого считаются сложность и многообразность современной боевой техники, большая численность личного состава полевой армии, а также необходимость регулярного снабжения войск большим количеством разнообразных материальных средств.

В этих условиях для командующего армии очень важно не дать штабу потерять управление войсками и погрязнуть в бюрократическом, бумажном руководстве. Именно поэтому от командира требуется самый жесткий контроль заработок своих штабов, чтобы они не переходили определенных рамок и не брали целиком на себя управление войсками.

Одновременно с распределением обязанностей между командиром и штабом в борьбу за военную печать обсуждается вопрос о степени централизации управления. Такой вопрос ставится в зависимости от увеличивающегося в условиях маневренных действий различия в функциях командования дивизии, корпуса и армии. Это различие проявляется главным образом в оценке фактора времени для каждой командной инстанции. Чем выше ступень командования, тем на больший период должно осуществляться планирование боев и операции. Например, командир корпуса, по мнению ряда авторов, должен интересоваться первыми опередившими событиями, развертывающимися непосредственно на поле боя. Командующий армии заинтересован в планировании событий на один — два или даже на три дня вперед. Он следит за передвижением резервов противника и таким образом, оценивая данные воздушной разведки и результаты действий авиации, смотрит на большую глубину и дальше вперед по времени. В обязанность командующего армии входит также перспективное планирование деятельности на этапах развития наступательной операции.

Жесткая централизация управления войсками в ходе наступательной операции обостряется и тем, что в отдельные моменты только вмешательство командующего армии путем концентрации сил и главным образом она может решить исход боя, а следовательно и операции в целом.

Однако высокомобильный характер операции и большая рассредоточенность войск настоятельно требуют, по мнению ряда авторов, предоставления подчиненным большей свободы в принятии решений и проведения его в жизнь. Подчеркивается, что в условиях резкого изменившихся обстановки на боевые очаги часто в ходе наступления боевые действия частей и соединений могут происходить в таких обстоятельствах, когда будет исключено или затруднено непосредственное руководство ими со стороны старших командиров. Это требует от командиров смелых, инициативных и своевременных решений, от которых в современных условиях во многом зависит успешный исход боя. Если же командир будет ожидать указаний сверху, то в условиях разворачивающихся действий на удалении, исключающем в ряде случаев поддержку со стороны старшего командующего инстанции, любой неизбежно будет прогорк.

Однако проявление инициативы в ходе наступательных действий должно быть основано не только на умелом использовании сил и средств, но и главным образом на том, чтобы инициативные решения принимаемые в данной обстановке, всегда вытекали из общего замысла операции. Командующий армией, предоставляя широкую инициативу действий подчиненным командирам корпусов, вместе с тем должен так осуществлять управление войсками, чтобы быть уверенiem в том, что их действия направлены на выполнение именно его замысла операции.

Несколько серьезно ставится вопрос об инициативе в современном наступательном бою и операции, можно судить по тому, что американские воинсы почтят развитие инициативы у командиров воинских подразделений в принципе боевых действий американской армии¹. Подчеркивается, что инициативу нужно воспитывать еще в

процессе обучения войск, рассматривая ее как членное и важное качество руководства войсками.

Претерпела ряд изменений и этапы на планирование армейской наступательной операции. Современная операция характеризуется быстрой ее провозглашения и максимальным использованием эффективности огневых средств. При ведении боевых действий на большой площади войска должны сохранять способность быстро сосредоточиваться как по фронту, так и по глубине для захвата важных объектов. Вместе с тем считается, что сосредоточение сил и средств для осуществления прорыва обороны противника в масштабах, которые были типичны для второй мировой войны, сейчас представляет большую опасность, так как противник массированным атомным ударом может сорвать наступление или по крайней мере, значительно ослабить силу наступающих войск². Это вынуждает искать новые пути в планировании операций и обращать главное внимание на максимальное сокращение сроков подготовки наступления. Одним из важных мероприятий в решении этой задачи является, по взглядам командования армии США, сокращение до минимума перегруппировок войск и переход в наступление или из положения непосредственного соприкосновения с противником в тех полосах, в которых войска ранее оборонялись, или с подходом из глубины.

К числу других мероприятий, направляемых на значительное сокращение сроков подготовки наступательной операции, относятся уменьшение и упрощение документов за счет широкого использования радиационной штабной техники, улучшения материально-технического обеспечения войск, увеличения процента атомного оружия, выделенного для поддержки войск, и уменьшения в соответствии с этим количества артиллерии и других огневых средств, придаваемых войскам, более широкого использования воздушных перебросок войск и грузов в ходе подготовки наступления, дальнейшей моторизации армии, стандартизации вооружения и прокладки за наступающими войсками трубопроводов.

¹ «Marine Corps Gazette», November, 1957.

² «Army Information Digest», February, 1959.

Сроки организации и подготовки наступательной операции ставятся в зависимости от состава армии, и чем больше соединений включаются в армию, тем большим будет срок ее подготовки к наступлению.

Полевая армия США при ведении наступательной операции в составе группы армий состоит из трех-четырех армейских корпусов, каждый из которых в своем очертании может иметь 3-5 дивизий (пехотных и бригадных). Американское командование полагает, что гибкость такой организации полевой армии позволяет в ходе операции передавать управление одной или несколькими дивизиями от одного командира другой. Согласно этому, в современных условиях атомной войны чрезвычайно важно в среднем на подготовку армейской наступательной операции, по некоторым данным, отводится до 10-15 суток. При этом учитывается время, необходимое на материально-техническое обеспечение войск, проведение рекогносцировки, разработку боевой документации, отдачу приказов, организацию взаимодействия, подготовку войск к наступлению и выдвижение их на исходные рубежи для наступления.

Подготовка операции слагается из определения замысла операции, распределения войск и создания требуемой группировки, планирования действий и постановки задач соединениям, организацией пунктов управления и связи, начальствия войск, оперативного обеспечения, маскировки и мероприятий по введение противника в заблуждение, выбора и оборудования районов, сопредседательства маршрутов выдвижения, исходных районов и рубежей. В первом периоде подготовки операции организуются основные удары и цели подготовки наступления и обеспечение войск в процессе боевых действий.

Наконец, важным элементом планирования операции считается организация материально-технического обеспечения войск, пополнение войск личным составом и организация работы военной и гражданской администрации.

В военной печати подчеркивается необходимость разработки простых, но гибких по своему содержанию планов проведения операции. Простота плана способствует лучшему исполнению, пониманию, а следовательно, успешному и разумному

претворению его в жизнь. При этом план операции, охватывающий замысел действий армии в общих чертах, должен представлять возможность для проявления подчиненными командарами инициативы не только в рамках своих соединений, но и в интересах операции в целом.

В плане операции обычно указывается ее замысел, силы и средства, предназначенные для наступления, задачи и полосы действий соединений, направление главного удара, методы артиллерийской, авиационной и атомной поддержки войск, времена, полосы занятия исходного положения, начало наступления, вероятное использование вторых эшелонов или резервов и мероприятия по оперативному обеспечению.

Наступательская операция полевой армии США планируется по этапам, каждый из которых включает овладение одним или несколькими важными объектами (участки местности, обширительные полосы, крупные населенные пункты, господствующие высоты, водные рубежи и т. д.). Причем эти объекты выбираются с таким расчетом, чтобы овладение ими приводило к нарушению устойчивости обороны и разгрому основной группировки войск противника.

Обычно на первом этапе операции решается ближайшая задача армии. Выполнение последующих задач, как правило, подразделяется на два этапа: промежуточный и конечный. Характер задач и продолжительность выполнения каждого этапа определяются в зависимости от конкретной обстановки.

В разработке плана операции, кроме офицеров штаба армии, обычно принимают участие начальники родов войск и служб, а также командиры приданых и поддерживающих частей и соединений. Наряду с основным планом операции разрабатываются частные планы использования резервов войск, а также план применения атомного оружия.

За основу при разработке плана операции принимаются решения командующего армии, важнейший частью которых является выбор направления главного удара. При выборе направления главного удара учитывается способ применения

¹ «Military Review», November, 1958.

атомного оружия, которое позволяет теперь нанести основной удар по наиболее сильному участку в обороне.

Избрание при планировании операции направление главного удара в ходе наступления может меняться в зависимости от обстановки и в первую очередь от характера, способов и количества применяемого обеими сторонами оружия массового поражения.

На направление главного удара обычно планируется использование максимального количества сил и средств. Эта группировка предназначается для захвата решающего объекта или создания условий, обеспечивающих выполнение сложной задачи. Для действия на второстепенных направлениях, как правило, создается воспринимательная группировка, включающая минимальное необходимое количество сил и средств. Группировка, действующая на воспринимаемом направлении, сконцентрирует силы противника, выводит его в заслуживающие относительные направления главного удара, стремится вынудить противника к преждевременному маневру силами и средствами вдоль фронта и отвлечь силы и средства с направления, на котором наносится главный удар.

Главный удар обычно наносится на более узком фронте, чем воспринимательный. Если направление главного удара избирается с учетом возможностей применения на этом участке местности бывшего количества танковых частей, артиллерии и других родов войск, а также резервов, то при выборе направления воспринимательного удара этому фактору уже не придается решающего значения. Для правильного выбора направления главного удара большое внимание уделяется степени развития и состоянию дорожной сети и особенно железнодорожных дорог на всем глубине операции.

В процессе планирования наступательной операции важное место отводится организации взаимодействия. Следует отметить, что после появления атомного оружия вопросы взаимодействия в зарубежной военной печати стали освещаться тем, что ни один род войск, несмотря на ис-

пользование им атомного оружия, не в состоянии самостоятельно решить судьбу наступательной операции. Особенно тщательно организуется и планируется взаимодействие авиации и артиллерии с пехотой и танками.

В военной печати указывается на необходимость более тесного взаимодействия всех родов войск в наступательной операции. Ряд авторов выступает за создание единого, унифицированного вида вооруженных сил¹, ибо, по их мнению, с течением времени задачи и роль всех родов войск и видов вооруженных сил все больше и больше будут совпадать. Поэтому они считают целесообразным унифицировать организацию войск так, чтобы сделать ее единой и более удобной для решения боевых задач². Предполагают, что правильным решением этого вопроса значительно упростится условия для организации и поддержания взаимодействия в бою и в ходе наступательной операции.

Взаимодействие войск обычно организует командующий армией. С этой целью проводятся специальные занятия на картах и ящиках с песком или макетах, а при наличии времени в тылу организуются тактические занятия, на которых отрабатываются действия войск по выполнению предстоящей задачи. Взаимодействие войск армии с авиацией организует лично командующий совместно с командиром тактической авиационной группы. Для этого при полевой армии обычно создается специальный центр совместных действий, который осуществляет управление авиацией, взаимодействующей с войсками армии.

Кроме того, в армейских корпусах, дивизиях и даже боевые группы первого эшелона выделяются специальные офицеры по авиации, которые создают соответствующие центры и посты наведения тактической авиации.

Скоротечность операции предъявляет особые требования к правильной организации, размещению и перемещению пунктов управления и узлов связи, а также гибкости организации связи.

¹ В понятие резервов американское командование включает собственно резервы и вторые эшелоны.

² «Army — Navy — Air Force Journals», June, 1956.

³ «The Army Quarterly», January, 1959.

В настоящее время в армии США разработана новая система, получившая название «решетки» или «форайон» связи. Для этой системы характерно создание широко разветвленной сети узлов связи, соединенных между собой многоканальными радиорелейными линиями, которые доводятся до боевой группы включительно.

Наличие замкнутых колышевидных многоканальных радиорелейных линий связи позволяет иметь прямые и обходные каналы связи с подчиненными и взаимодействующими частями. Это обеспечивает устойчивую связь на месте и в движении даже при выходе из строя отдельных узлов и линий сети.

Новая порайдонная система связи повышает возможности командира по управлению подчиненными ему подразделениями, даже если они будут находиться на больших расстояниях. В то же время эта система менее уязвима от воздействия атомного оружия и более устойчива¹.

Считается, что современная операция развертывается в больших масштабах и поэтому искусство управления войсками для командующего заключается главным образом в умении правильно выбрать место для себя. Поскольку управление войсками в операции осуществляется не только командующим, но и через штаб, поскольку важно определить и место штаба.

В целях повышения качества руководства войсками признается необходимым запланировать пункты управления. Обычно штаб полевой армии распределяется между основным, запасным и тыловыми командными пунктами. На основном командном пункте располагается передовой эшелон штаба, куда входит все отдельно оказавшиеся непосредственную помощь командующему при управлении войсками армии в ходе наступательной операции. При этом пункте создается оптимально-разведывательный центр, на который возлагается задача планирования боевых действий войск, а также сбор данных об объектах противника и их оценка для выработки предложений по использованию по них атомного оружия. К работе в данном центре привлекаются спе-

циалисты, хорошо знающие атомное оружие и имеющие опыт в планировании и определении объектов для его испытания.

Для управления огнем артиллерии на основном командном пункте развертывается также центр огневой поддержки наступающих войск.

В связи со значительным усовершенствованием средств связи в американской печати высказывается мысль о возможности создания в будущем единого центра тактической поддержки, который позволит командующему полевой армии использовать радиоэлектронные средства тактической авиации, полевой и зенитной артиллерии и постов наблюдения на поле боя². Этот центр, смонтированный и расположенный на автомашине, дает командиному центру оперативное и тактическое сведения о состоянии и численности поддерживавших частей и подразделений. Полученные сведения помогут командиному более оперативно руководить боевыми действиями армии.

Иногда для непосредственного руководства операцией на том или ином важном направлении организуется временный передовой командный пункт, с которого командующий армии может лично управлять войсками в ходе наступления³. Этот пункт должен быть подвижным и небольшим по составу. В него предполагают включить только тех офицеров, которые наиболее нужны командующему армии. На тыловом пункте управления, или, как его называют, тыловом эшелоне штаба, размещаются отделы штаба, осуществляющие материально-техническое обеспечение боев.

В целях повышения устойчивости системы управления в целом при взаимодействии со стороны противника атомным оружием рекомендуется как в армии, так и в корпусах и дивизиях создавать запасные командные пункты, которые могли бы взять на себя управление войсками в случае выхода из строя основных командных пунктов⁴.

Исходя из этого, на запасном командном пункте полевой армии рекомендуется иметь примерно такую же организацию.

¹ «Army Information Digest», February, 1958.

² «The Army Quarterly», October, 1957.

³ «Army», January, 1958.

как и на основном, только меньшего размера и сокращенным количеством офицеров всех отрядов и служб штаба армии.

На запасный командный пункт могут также возлагаться задачи руководства определенной группировкой в несколько дивизий, действующей в удалении от главной группировки армии. Основной командный пункт в армии США может быть расположен от переднего края в 50–60 км, а запасный — в 20–30 км.

Очень остро ставится вопрос о «каскадировании» командных пунктов и их перемещении. По мнению американского командования, это определяется тем, что сортированные штабы необязаны разбросаться. На основном командном пункте армии может, например, быть более 1000 человек, большее количество различного автотранспорта и средств связи. Скрыть расположение такой массы людей и техники представляет значительные трудности. Поэтому в районах размещения командных пунктов рекомендуется «усиливать» строгий режим для всего личного состава. Перемещение командных пунктов предполагается производить ночью с использованием вертолетов, всемирно сокращая время на пребывание их в пути.

За последние время в зарубежной и особенно американской военной печати усиленно обсуждается вопрос о повышении оперативности в работе командиров и штабов всех степеней. Высказываются мнения о том, что нельзя больше ориентироваться на старые методы работы и имеющиеся технические оснащенности штабов, ибо они не удовлетворяют современным требованиям, предъявляемым к управлению войсками¹.

Решение проблемы повышения оперативности идет в основном по двум направлениям: за счет внедрения методов математического анализа в процессе выработки решения и путем всмерного оснащения штабов совершенной техникой управления и главным образом электронными вычислительными машинами.

Считается, что математической обработке могут подвергаться поступающие данные о противнике, своих войсках, учете и распределении различных видов материально-технического снабжения.

¹ «Military Review», September, 1956.

учете личного состава (наличия, потребность, распределение пополнения, потери и т. д.) и другие, необходимые для управления войсками.

Основное значение придается быстрому расчету всех вариантов применения артиллерийских боеприпасов и особенно атомного оружия. Метод математического анализа позволяет в короткий срок рассчитать все возможные варианты применения атомного оружия с точки зрения его наиболее целесообразного и экономичного использования при решении поставленной задачи. Поэтому следует заметить, что сложность таких расчетов требует, по мнению американского командования, особой подготовки офицеров штаба. Поэтому в штабы полевых армий и соединений уже введены офицеры-специалисты, которые являются консультантами командиров по применению атомного оружия².

Для осуществления математических расчетов используются электронно-счетные машины, которые в настоящее время в американской армии нашли самоширокое распространение. При этом делается попытка создать целую систему управления войсками с помощью электронной аппаратуры, охватывающую все командные инстанции начиная с боевой группы³. Электронная система управления может обеспечить автоматическую обработку большого количества данных, необходимых при планировании наступательной операции и управления войсками в ходе наступления⁴.

Принцип работы электронной системы для планирования наступательной операции заключается в следующем. Предполагается, что на центральной станции обработки данных разведывательного управления министерства, а также на армейской и дивизионных вычислительных станциях уже имеются записи большого количества ранее проведенных операций. Результаты обработки данных различных районов местности, климатических условий, вариантов перегруппировки и переброски войск и т. д. Штаб армии собирает и обрабатывает сходные с конкрет-

¹ «Military Review», October, 1958.

² «Army», July, 1957.

³ «Army - Navy - Air Force Journals», January, 1956.

ными условиями данные и производит их обработку на вычислительной машине. В результате она выдает, например, несколько возможных вариантов целесообразного построения боевых порядков, перегруппировок войск. Затем в полученные данные вносятся корректировки, соответствующие конкретной обстановке и вновь «программируются» на электронных машинах, но на этот раз уже с учетом действий противостоящего противника. Результат вторичной обработки, по мнению американского командования, будет близко подходит к наиболее оптимальному решению и позволит командующему, по его усмотрению, выбрать одну из предложенных схем. Следует отметить, что ряд факторов, таких как моральное состояние войск, их боеспособность, личные качества подчиненных командиров, вневременность и другие, не могут быть подвергнуты математической обработке, а следовательно, и быть «программированы» на электронной вычислительной машине, но, тем не менее, они должны учитываться при принятии решения.

Характер современной наступательной операции предъявляет новые, более повышенные требования к работе штабов головной армии и соединений. Ручной труд офицеров штаба в современных условиях уже не дает нужных результатов. Поэтому в армии США широко внедряются самые различные технические средства, упрощающие и облегчающие работу штаба по управлению войсками.

К их числу прежде всего необходимо отнести телевидение. Оно позволяет не только лично командующему наблюдать за развитием боевых действий на интересующем его участке, но и использовать

для передачи различным штабным звукометам. В американской армии предполагается создать широкую сеть телевизионных установок, изображения с которых будут передаваться на центральную станцию. Благодаря этому любой из участков фронта может периодически включаться по требованию командующего. Телевизионные камеры, устанавливаемые на радиоуправляемых самолетах, будут включаться в составившую электронную систему управления. Это позволит получать данные по районам, интересующим командующего армии, и производить их обработку с помощью электронных счетно-решающих устройств.

Вопросы техники размножения штабных документов решаются путем использования портативных и быстroredействующих фотографических и литографических машин, позволяющих в короткие сроки получить простые и цветные изображения на картах. В армии США широко применяются магнитофоны, диктофоны и другая аппаратура, ускоряющие процесс записи распоряжений, приказов и донесений.

Следует указать и на то, что в штате управления полевой армии,личину у командующего и у ряда других начальников имеются специальные офицеры, воронт-офицеры или сержанты, владеющие стереографией.

В армиях капиталистических государств также разрабатываются и проводятся мероприятия по сокращению и упрощению штабной документации, главным образом приказов и планирующих громоздких документов.

Полковник Б. ХАБАРОВ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«Вторая мировая война 1939—1945 гг.»¹

ВЫХОД венчено историко-оценочного очерка «Вторая мировая война 1939—1945 гг.» — отрадное явление в нашей военно-исторической литературе. Это первая работа советских авторов по исследованию второго мировой войны в целом, начиная с нападения фашистской Германии на Польшу в 1939 году и кончая капитуляцией Германии и Японии в 1945 году.

Поскольку книга уже подверглась рецензированию в нашей печати, мы ставим перед собой ограниченную задачу — рассмотреть с воинской точки зрения наиболее важные положительные стороны данного труда, отметить некоторые его недостатки, показать, в какой степени на материале книги можно раскрыть закономерности развития военного искусства.

К несомненным достоинствам книги можно отнести то, что авторы ее не ограничились описанием воинской действительности. Они анализируют политические и экономические факторы, обусловливающие воинское исходство, развитие и завершение войны, исследуют развитие стратегии, оперативного искусства и отчасти тактики, а также показывают роль партизан и сил внутреннего сопротивления в вооруженной борьбе. Это дает возможность читателям правильно понимать многие

сложные противоречивые события прошлой войны.

Вторая мировая война началась как известно, вероломным внезапным нападением вооруженных сил фашистской Германии на Польшу. Таким же способом была развязана война против Норвегии, Югославии и Советского Союза. Фашистская Италия внезапно напала на Грецию, а милитаристская Япония — на США и страны Азии.

Развязывание войны путем внезапного нападения дало агрессивным государствам фашистского блока ряд важных военных преимуществ, обеспечивших им первоначальное достижение легких побед. Многие государства, вследствие неподготовленности к отражению внезапного нападения агрессора и общих военных слабостей быстро потерпели полное поражение.

Метод развязывания войны фашистскими государствами введен ныне в ранг официальной доктрины наиболее агрессивных империалистических государств. Развязывание войны путем внезапного нападения на миролюбивые государства становится в современных условиях закономерностью. В этой связи перед миролюбивыми государствами возникла острыя проблема предотвращения и отражения внезапного нападения империалистического агрессора, а также быстрого захвата стратегической инициативы вооруженной борьбы. Это дает возможность читателям правильно понимать многие

¹ Вторая мировая война 1939—1945 гг. Военно-исторический очерк. Под общим редактором генерал-лейтенанта Платоша С. Н., генерал-майора Павловко Н. Г. и полковника Паротынина И. В. М.: Воениздат, 1958. 931 стр. Альбом схем в отдельной книге.

акты, которые состоялись на территории нашей страны отразить нападение врага, а

затем вырвать инициативу из его рук. Первый раз это удалось Советским Вооруженным Силам осенью 1941 года. Однако летом 1942 года фашистская Германия вновь перешла в наступление. Лишь в результате Сталинградской битвы стратегическая инициатива на решающем фронте второй мировой войны была захвачена советскими войсками и удерживалась до конца войны. Успех уроков второй мировой войны в этих вопросах имеет большое значение для задач борьбы способами предотвращения и отражения внезапного нападения агрессора, а также захвата стратегической инициативы в ходе войны.

Описаные в оруженной борьбе на сузопутных и морских театрах войны дают яркое представление о размахе второй мировой войны. Авторы показывают, что число государств, участвовавших в войне, и число элит, мобилизованных в вооруженные силы, выросло более чем в полтора раза, а площадь территории, на которой произошли военные действия, увеличилась более чем в пять раз (таблица на стр. 826—827). Эти данные указывают на объективную закономерность увеличения размаха современных войн мирового масштаба.

В период между первой и второй мировыми войнами, навязанный в истории,рост получило темпоматическое ослабление армий крупнейших государств мира, особенно в области моторизации боевой техники и автоматизации оружия. На Западе в то время широкое хождение имели теории «малых» «профессиональных» армий, отражающие страх буржуазии перед вооружением народа. Вторая мировая война показала несостоятельность этих теорий. На ее фронтах стала ясна значительное более многочисленные армии, чем в первую мировую и выше. Таким образом, налицо определенная закономерность — современные мировые войны ведутся все более массовыми армиями.

Освободительный характер второй мировой войны со стороны народов Советского Союза. Китая и их союзников определялся как народную. В этой войне сразу с вооруженной борьбой регулярных сил возникло широкое партизанское движение и движение сил внутреннего сопротивления, сражавшееся важную роль в ходе начального периода войны.

В достояние народов над фашистской агрессией.

В ходе второй мировой войны рост материально-технического и вооружения фронтов в связи с этим изменился разрыв в военном производстве (стр. 827). Несмотря на этот показатель, это для решения современных военных требует не только усилие по существу всей экономики находящихся государств на нужды фронта. Но возрастющую роль в занятии войсками побежденных стран в собственности государства, организовать военное производство и мобилизовать свои экономические ресурсы для обеспечения всех потребностей в войне. Вторая мировая война удивительно подтвердила решающее преимущество в этом отношении социалистического общественного и государственного строя над капиталистическим.

На главном фронте второй мировой войны борьба велась между самими реакционными империалистическими государствами — фашистской Германией и Советским Союзом, представляющими новый общественный строй — социализм. Это обстоятельство предопределило повышенную нараженность вооруженной борьбы в ходе всей войны, присущую к огромным человеческим жертвам и разрушениям. В такой войне не могло быть компромиссов, она велаась до конца и безоговорочной капитуляции врага. Постановка самых решительных политических и военных целей каждой воюющей стороны стала характерной чертой современных мировых войн.

Гитлеровское командование, подготовливая войну против СССР, рассчитывало добиться победы над ним в одной «мощной» кампании. Поражение этого положения военной теории и практики германского империализма стала ясна в самом начале войны. Советская военная стратегия исходила из того, что победа над сильным врагом может быть достигнута не одним ударом, а лишь в результате последовательного решения ряда промежуточных стратегических задач. Это было и нашло полное подтверждение в ходе второй мировой войны. Несмотря на то, что уроки истории на Западе показали, что стояла теория о достижении победы над сильным стратегическим врагом даже в ходе начального периода войны.

Поборникам этой теории следуют вспомнить, что мировые войны не могут быть скоротечными. Вторая мировая война длилась шесть лет, почти на два года больше, чем первая. Трудно рассчитывать на то, что третья мировая война, если ее развернут империалисты, может быть короткой, поскольку в ней примут участие крупные колонии, обладающие многочисленными армиями, огромными экономическими ресурсами и большими территориями.

Рецензируемая книга дает материалы для выводов о характере ведения современных войн. Первая мировая война была преимущественно позиционной. Это обусловливается тем, что основным средством поражения были по существу пулемет и артиллерия. В период второй мировой войны наряду с артиллерией главным средством поражения становятся танки и авиация. Это и определило извечный характер вооруженной борьбы на протяжении всей войны.

В настоящее время основным средством поражения становится несравненно более мощное ядерное и ракетное оружие. Применение его наряду с моторизованной и механизированной армией, а также широким использованием радиоэлектронной техники придаст еще более изменившийся характер современным войнам.

Мы указали лишь на некоторые наиболее общие закономерности или тенденции развития войны и военного дела, которые можно выявить на материалах книги.

В начале рецензируемого труда много внимания уделяется вопросам подготовки Советского Союза и его Вооруженных Сил к отражению нападения фашистской Германии и других империалистических государств. Вполне очевидно, что от того, насколько обстоятельно будут исследованы все стороны подготовки нашего государства к войне, в значительной мере зависит правильный анализ вооруженной борьбы в Отечественной войне, особенно в ее начальный период, а также возможность извлечь уроки на будущее из этого ответственного периода в истории нашей Родины.

В какой же мере авторы справились с этой задачей.

В книге широко показаны усилия Коммунистической партии и всего советского народа, направленные на укрепление обороноспособности страны, на борьбу против угрозы агрессии, за мир и коллегтивную безопасность. Авторы правильно подчеркивают, что бурное развитие социалистической индустрии в предвоенные пятнадцатки объективно создавало необходимую экономическую основу для осваждения Советских Вооруженных Сил новейшими видами боевой техники и оружия. К началу сороковых годов были созданы новые образцы танкового и авиационного вооружения, артиллерии и стрелкового оружия, не уступающие по боевым качествам немецкому. Однако ошибки в оценке предвоенной обстановки, в частности насущности готовности фашистской Германии к агрессии против СССР, а также задержки в производстве новых видов боевой техники привели к тому, что Советские Вооруженные Силы в начале войны оказались в тяжелом положении. Этот урок в истории нашей страны, глубоко проанализированный на XX съезде КПСС, сохраняет свое принципиальное значение и для наших дней.

Следовало ожидать, что авторы подвергнут глубокому анализу и боевую подготовку Советской Армии и Флота накануне войны, как это они сделали при оценке технического оснащения вооруженных сил. Правда, в книге отмечаются некоторые недостатки, в частности отрывы теории от практики, условия и упрощения в обобщении, а также неудовлетворительная подготовка низших звеньев командного состава и прежде всего младших командиров. Однако этого крайне мало для оценки боевой подготовки наших вооруженных сил накануне войны.

Нам представляется, что такие вопросы необходимо было рассмотреть более обстоятельно в данном труде, пред назначением для официального состава. Первые месяцы войны показали, что наши роты, батальоны и полки, а также командиры, воевавшие в их, в целом испытавшие подготовку к ведению боя против сильного врага. В то же время война выявила слабую готовность командного состава оперативного и стратегического звена, что пагубно сказалось на руководстве вооруженной борьбой в начале

войны. В книге отмечается, что это обясняется прежде всего недоработкой боевой быту Ягоды Ежова в Берлине, уничтоживших значительную часть наиболее опытных военных кадров. Однако неправильно было бы заниматься и тот факт, что подготовка командного состава оперативного и стратегического звена перед войной проводилась неудовлетворительно. Нельзя также прозить и истиго того факта, что новая боевая техника, поступавшая в небольших количествах на вооружение незадолго перед войной, была недостаточно освоена. В практику боевой и оперативной подготовки слабо внедрялись новые способы ведения боя и операций. Опыт боевых действий Советской Армии на Дальнем Востоке и в Финляндии, а также войны на Западе подтверждал, что слабо доводились до боя.

Подготовка вооруженных сил к войне, их боевая готовность определяется также уровнем развития военного искусства. В книге этим вопросам отводится значительное место по сравнению с вопросами боевой подготовки. Авторы приводят многие положения советского военного искусства, успешно выдержавшие испытания войны. Наше военное искусство ориентировалось на ведение длительной войны большими армиями и достижение победы объединенными усилиями всех видов вооруженных сил и родов войск, гарвариально определяло значение главного направления и резервов, выработало передовую по тому времени теорию глубокого боя и операции. Материалы книги свидетельствуют о том, что советское военное искусство в своей основе стояло на высоком уровне развития.

Вместе с тем в нашем военном искусстве в то время имелось много проблем, и устаревших, неправильных положений, которые оказали отрицательное влияние на ход боевых действий, особенно в начальном периоде войны. К сожалению, авторы не вскрыли должным образом эти слабые стороны, хотя некоторые недостатки были и отмечены. Например, указывается, что в теории оперативного искусства допускалось наступление армий на широком фронте (стр. 172). Но одно упоминания об этом недостаточно. Как известно, в начале войны наступление часто организовывалось в широких

полосах, силы и средства распределялись по многим направлениям и не сосредоточивались на главном направлении.

Нельзя также было оставить без внимания факт недооценки отдаленного подавления противника, имеющей место в теории оперативного искусства в тактике. До самой войны считалось, что судьба боев решается ударом живой силы, атака должна завершаться рукоювой схваткой, штыковыми боем (холодным оружием), как это было в первую мировую войну. Однако средства борьбы в своем развитии шагнули значительно вперед, что не могло не изменить сущность удара. Массовое применение танков, авиации, артиллерии и автоматического стрелкового оружия выдвигало на первое место в бою огонь, а не удар живой силой. Эти изменения не были должным образом оценены, вследствие чего в первые месяцы Отечественной войны недо статочно внимание уделялось огневому подавлению противника на участках наступления или контрудара, что неизменно приводило к неоправданным потерям и неуспеху наступления или контрудара.

С этим же связано решение другого вопроса — о плотностях артиллерии и минометов на участках наступления. Перед самой войной считалось, что для прорыва подготовленной обороны противника достаточно иметь плотность в 60–80 стволов на 1 км фронта, хотя опытом первой мировой войны указывалась на плотность в 100–150 и более стволов. Потребовалось определенное время, чтобы на опыте доказать, что для прорыва подготовленной обороны необходимо создавать плотности в пределах 120–250 стволов и более (стр. 672). Наша военная теория и практика до войны, к сожалению, этот вопрос не сумела правильно уяснить.

В качестве основных причин такого исхода оборонительных сражений в начале войны авторы указывают на определение слишком широких полос для дивизий (25–50 км). По нашему мнению, основная причина неустойчивости обороны, создаваемой в начале войны, заключалась в стремлении при ее организации (в тактическом и оперативном масштабе) прикрывать весь фронт, что приводило к распылению сил и средств. Оборона была метлобаком, обычно не

выделялись сильные артиллерийские звенья и резервы. В ходе оборонительного сражения слабо применялся маневр силами и средствами и недостаточно решительно проводились контратаки и контрудары. Оборона, созданная в начале войны, обычно состояла из линейной и передко пассивной характера. Сказывалось и неумение организовать противотанковую оборону, и недостаток противотанковых средств. Что касается инженерного оборудования обороны, то перед войной основной упор вместо сплошных траншей и ходов сообщений делался на строительство дзотов и отдельных окопов, что, как известно, также не способствовало устойчивости обороны.

Авторы справедливо отмечают слабую разработку вопросов отступления в тактике, оперативном искусстве и в стратегии. С этим же связаны недостаточная подготовка вооруженных сил накануне Отечественной войны и введение этого вида боевых действий.

В книге отмечается, что наши вооруженные силы своевременно не были приведены в боевую готовность и не вернулись на государственный границе, что нападение фашистской Германии оказалось для нас неожиданным (стр. 181). Авторы правильно объясняют это рядом причин политического характера. Но имеются и чисто военные причины и следовало обратить внимание на эту сторону. Мы полагаем, что весьма отрицательную роль сыграло неправильное представление о содержании и характере вооруженной борьбы в начальный период войны. На стр. 171 указывается, что под начальным периодом войны тогда понимали короткий спирноз времени от начала военных действий до вступления в операции основной массы вооруженных сил. Содержание начального периода войны включалось: объявление войны, агрессивные сражения с прикрытием, стратегическое развертывание главных сил. Продолжительность начального периода определялась в 15–20 суток.

Но события с самого начала войны развернулись иначе. Фашистская Германия провела мобилизационное развертывание своих вооруженных сил задолго до нападения на СССР. Вражеские армии заняли исходное положение в надлежащих оперативных построениях до началь-

войны. Это дало им возможность быстро развернуть активные военные действия главными силами против СССР, что для наших вооруженных сил оказалось неожиданным. Следовало бы сказать, в какой мере задачи, поставленные перед пограничными военными округами или фронтами, соответствовали сложившимися обстановкам. Нам представляется, что практическое значение этих вопросов имеет важное значение не только для выяснения причин наших неудач в начале войны, но и для подготовки советских военных кадров, на которые рассчитан рецензируемый труд.

Нам кажется спорным утверждение, что события с 22 июня по 9 июля 1941 года «составили содержание начального периода Великой Отечественной войны» (стр. 183). Остается неясным, какой критерий взят для такого определения. В характере действий вооруженных сил за этот период, как это утверждают сами же авторы, никаких изменений не произошло, задача создания сплошного фронта обороны не была еще решена, «из общего количества дивизий, направленных в действующую армию из внутренних районов страны, на фронт прибыла только половина их» (стр. 202).

Никакие стратегические задачи и даже развертывание вооруженных сил за этот отрезок времени осуществлены не были и, следовательно, нет веских оснований считать, что к 9 июля закончился начальный период Отечественной войны. Нам кажется, что этот вопрос требует глубокого специального исследования и нуждается в более основательной аргументации.

Приятие в боевую готовность вооруженных сил, мобилизация и развертывание войск на театрах военных действий рассмотрены в книге в самом общем виде. Авторы не подвергают анализу группировку наших войск, созданную вблизи границы. Известно, что к началу войны главные силы советских войск были сосредоточены на Украине, а немецко-фашистские войска нанесли главный удар в Белоруссию, в полосе Западного фронта. Что касается группировки войск Западного фронта, то основные его силы были расположены в районе Белостока, в то время как немцы нанесли удар на флангах в районах Брест и Сувалки и быстро окружили главные силы фронта. Эти факты свидетельствуют о том, что группировка наших

войск не обеспечивала в полной мере выполнение задач, возникших в связи с результатами нападения фашистской Германии. Следовало бы сказать, в какой мере задачи, поставленные перед пограничными военными округами или фронтами, соответствовали сложившимися обстановкам. Нам представляется, что практическое значение этих вопросов имеет важное значение не только для выяснения причин наших неудач в начале войны, но и для подготовки советских военных кадров, на которые рассчитан рецензируемый труд.

Мы считаем, что одна из главных задач советского военного искусства — изыскать способы быстрого приведения в боевую готовность вооруженных сил и их мобилизационного развертывания в случае угрозы нападения со стороны империалистических агрессоров. Уроки Великой Отечественной войны в этой связи могли бы оказать неоцененную услугу в решении сложной проблемы современности.

* * *

Наряду с описанием хода войны авторы показывают, в каком направлении шло развитие средств и способов вооруженной борьбы, совершенствование организационной структуры и методов руководства вооруженными силами. Этим самым облегчается обобщение богатого опыта минувшей войны и извлечение из нее важнейших уроков имеющих большое значение для дальнейшего развития военного дела.

Совершенствование способов проведения наступательных операций шло постепенным и эффективной формой ведения наступательной операции является окружение и уничтожение крупных группировок противника. В Белорусской и некоторых других операциях крупная группировка противника одновременно с окружением окружения добилась на мелкие части и уничтожилась. Заметим кстати, что авторы при описании Белорусской операции не уделили должного внимания этому виду уничтожения окруженной группировки. Наряду с окружением применялись и другие формы ведения наступательной операции, в частности дробление фронта противника и быстрое развитие наступления в глубину.

Наступательные операции проводились в высоких темпах, особенно к концу войны. В кампании на Дальнем Востоке средние темпы составляли до 50–80 км в сутки, а иногда достигали 100 и более километров. Есть все основания утверждать, что высокие темпы наступления — характерная особенность и для наступательных операций в будущей войне.

Развитие искусства ведения оборонительных операций шло по линии увеличения плотности сил и средств на главных направлениях, глубины построения обороны, усиления противотанковой обороны, повышения активности обороняющихся войск. Начиная с осени 1942 года и в последующие годы на советско-германском фронте создавалась глубокая оборона с сильными резервами. Основные силы и средства наших войск перед началом сражения сосредоточивались на главных направлениях, а в ходе оборонительного сражения проводился широкий маневр за счет решительного ослабления второстепенных направлений. Опыт войны показал, что эффективным средством ослабления ударной группировки противника является контрудоготовка, внесенная проводимая перед самым началом наступления.

В ходе оборонительного сражения насыщались мощные огневые удары артиллерийской и авиацией по наступающим группировкам противника. Применялись также артиллерийско-противотанковые и инженерные средства, а для разгрома вклинившегося в оборону противника проводились контратаки и контрудары. В результате крупных оборонительных сражений обычно создавались условия для перехода в контрудстление, которые с большим искусством использовались Советской Армией. Вполне вероятно, что эти важнейшие черты обороны не потеряли своего значения и сейчас.

Авторы не делают выводов по сложному отступлению, что, по нашему мнению, является серьезным недостатком книги. Во многих военно-исторических трудах этот вид боевых действий явно недооценивается, хотя опыт второй мировой войны показывает, что неумение отступать приводит к хаосу на фронте, к бегству. Как известно, В. И. Ленин придавал важное значение умению организованно отступать. Он указывал: «тот, кто научился наступать и не научился при известных тяжелых условиях, применявших к нему, отступать, тот войну не окончит победоносно». Таких войн, которые бы начинались и кончались сплошным победоносным наступлением, не было во всемирной истории, или они были, как исключение» (Соч., т. 33, стр. 74).

Первоочередной и наиболее важной задачей наших военно-воздушных сил в минувшую войну являлось завоевание господства в воздухе. Эта задача решалась путем постепенного ослабления авиации противника в воздушных боях, периодического проведения воздушных операций по разгрому его авиационных группировок, а также усиленным развитием авиационной промышленности, обеспечившей качественное и количественное превосходство нашей авиации над авиацией противника. Для этого потребовался длительный период. Лишь в 1943 году в битве под Курском наша авиация была завоевала господство в воздухе, которое затем прочно удерживалось до конца войны. Следует заметить, что авторы уделяют крайне мало внимания вопросам завоевания господства в воздухе в минувшей войне.

В составе советских военно-воздушных сил в ходе войны наибольшее развитие получила легкая бомбардировочная, штурмовая и истребительная авиации, т. е. те силы авиации, которые предназначались для непосредственной поддержки действий сухопутных войск. В начале войны авиационные соединения входили в состав общецевенных армий. Однако опыт войны показал необходимость объединения всей авиации в масштабе фронта, в связи с чем в 1942 году были созданы фронтовые воздушные армии. Приобретенный опыт не потерял своего значения и в наши дни, хотя развитие авиации вносит существенные поправки в методы решения этой задачи.

В отличие от большинства военно-исторических работ в рецензируемой книге рассматриваются вопросы стратегического руководства вооруженным борьбой в ходе Отечественной войны, имеющие большое теоретическое и практическое значение. В книге отмечается, что в ходе войны для руководства фронтами создавались главнокомандование направлениями, а на важнейшие направления высматривались представители Ставки или Ставка непосредственно руководили фронтами. В конце войны было создано главнокомандование всеми вооруженными силами на театре (Дальний Восток).

Одной из важных задач стратегического руководства, как указывают авторы, является «правильное определение

в войне того противника или на театре военных действий той группировки противника, от разгрома которых в первую очередь будет зависеть судьба всей войны, ее отдельного этапа или кампании» (стр. 167), т. е. определение направления сосредоточения основных усилий войск. В первые годы войны в связи с тем, что инициатива находилась в руках врага, не всегда удавалось правильно определить главное направление в кампании. Начиная с осени 1942 года и до конца войны советское стратегическое руководство с помощью искусства определяло главное направление и решительно сосредоточивало основные усилия своих армий на этом направлении.

Опыт второй мировой войны показывает, что правильное определение сосредоточения основных усилий своих вооруженных сил в условиях внезапного нападения агрессора является весьма сложной проблемой.

В нашей военно-исторической литературе вопросы стратегического планирования обычно обходятся. Вероятно, поэтому за последние времена среди некоторой части военных теоретиков распространяется неправильный взгляд на военную кампанию как на военно-историческую категорию, применяемую лишь к прошлой, но не к будущей войне. Авторы рецензируемой книги показывают несомнительность таких взглядов. Применение хода Отечественной войны она анализируют планирование и выполнение очедных стратегических задач войн, в том числе планы операций группировок и военных кампаний. Этим самым подтверждается, что стратегическое руководство войной у нас осуществлялось с предвидением на большой срок вперед.

Составляющий один или несколько стратегических этапов.

Необходимо обратить внимание авторов на необоснованные раздробление отдельных операций на ряд мелких, изолированных операций. Например, наступательная операция, проведенная на юге в январе 1943 года силами трех фронтов (Брянского, Воронежского и Юго-Западного), разделялась на шесть мелких операций, которые рассматриваются в значительной мере изолированно одна от другой (стр. 411, 422, 436). При этом внимание этих тесно связанных между собой операций нарушено вставкой описания прорыва блокады Ленинграда (стр. 417).

Обращает также на себя внимание отсутствие какой-либо системы в выводах овойской кампании, проведенной Советскими Вооруженными Силами. По некоторым кампаниям даны военно-экономические итоги, по другим отражены морально-политические факторы, или партизанское движение. Даже не во всем кампаниям приводятся выводы по развитию военного искусства. Более правильно, во нашем мнении, выводы за каждую кампанию строить по такой схеме: военно-политические итоги, развитие экономики и средств борьбы, развитие военного искусства, а также некоторые специфические вопросы, присущие той или иной кампании.

В заключение необходимо подчеркнуть, что книга «Вторая мировая война 1939—1945 гг.» является серьезным научным трудом, который, несомненно, будет способствовать дальнейшей работе над обобщением богатого опыта минувшей войны.

Генерал-майор М. ЧЕРЕДНЕНЧЕНКО.

50X1-HUM

50X1-HUM

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

М. СМИРНОВ, Н. БАЗЬ, С. КОЗЛОВ, П. СИДОРОВ — К вопросу о характере советской военной науки, ее предмете и содержании	3
В. РОМАНОВ, М. УСЕНКОВ — Проблема факторов победы в современной военной науке	31
А. ПОНОМАРЕВ — Самолет и ракета как боевые средства	39
С. БЕЛУНОВ, Н. ЖЕЛТИКОВ — К вопросу о классификации ракетного оружия	50

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

М. АЛЫГОВЗЕН — Форсирование Вислы войсками 8-й гвардейской и 69-й армий	62
--	----

ПО ИНОСТРАННЫМ АРМИЯМ

Б. ХАБАРОВ — Некоторые вопросы управления войсками в наступательной операции	80
---	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. ЧЕРЕДНИЧЕНКО — «Вторая мировая война 1939—1945 гг.»	88
---	----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Н. А. Раденский
(главный редактор), М. Н. Шарохин, П. П. Полубояров, Н. С. Фомин,
С. П. Сиников, М. Х. Калашник, П. И. Иголкин, Е. В. Иванов,
Ф. М. Малыхин, Ю. В. Ладыгинский, М. В. Смирнов, Н. С. Базь,
С. Н. Козлов, П. А. Сидоров

Москва, В-160, ул. Кропоткина, 19. Тел. К-036-00, доб. 53-59, 53-81 и 52-01, Г-6-42-56
Тех. редактор М. Петрова. Цена 3 р. 50 к. Корректор А. Макарова.
Г-53007. Сдано в набор 1.VI.59 г. Подписано в печати 2.VII.59 г. Зак. 361.
Формат бумаги 70×109^{1/2} = 3 бул. л. — 0,22 печ. л. 9 авт. л. В печ. л. 56 000 экз. зн.

1-я типография
Военного издательства Министерства обороны Союза ССР
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3